

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

**Сборник статей
I Международной научной конференции,
посвященной 75-летию Астраханского
государственного университета**

**Астрахань
2007**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ
И ЛИНГВОДИДАКТИКИ**

Сборник статей

I Международной научной конференции,
посвященной 75-летию
Астраханского государственного университета

*15 октября 2007 г.
г. Астрахань*

Издательский дом «Астраханский университет»
2007

ББК 74.584. + 81.2
0.75

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

Редакционная коллегия:

Г.В. Рябичкина (гл. редактор), Н.И. Кривых (зам. гл. редактора),
Л.И. Балапова, Л.Д. Кривых, О.Б. Смирнова

Основные проблемы лингвистики и лингводидактики [Текст] : сборник статей I Международной конференции, посвященной 75-летию Астраханского государственного университета. 15 октября 2007 г. / сост. О. Б. Смирнова. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – 163 с.

Конференция посвящена рассмотрению основных проблем лингвистики как науки в целом, лингвистики текста и речевого дискурса, а также основных вопросов преподавания иностранных языков в системе высшего и профессионального образования.

В сборник вошли статьи, освещающие вопросы гендерной, когнитивной лингвистики, социолексикографии, лингводидактики.

ISBN 978-5-9926-0069-8

© Издательский дом
«Астраханский университет», 2007
© О.Б. Смирнова, составление, 2007
© В.Б. Свиридов, оформление обложки, 2007

**ИССЛЕДОВАНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК ТЕКСТА-КОМПАКТА
В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

А.А. Беловогова

Ульяновский государственный университет

В современной лингвистике перевод стал рассматриваться в широких рамках межъязыковой коммуникации, которая начинается с создания исходного текста автором оригинала и заканчивается изменением рецептором перевода того сообщения, которое содержится в тексте перевода. При таком подходе к переводу в поле зрения теории перевода оказываются не только процесс и результат перевода, но также участники межъязыковой коммуникации и целый ряд других факторов, влияющих на нее прямо или косвенно [4].

Известно, что коммуникация считается успешной, если адресат понял смысл речевого сообщения адекватно авторскому замыслу. Основной смысл текста (концепт) выступает как своеобразный условный центр сообщения, его «ядро», на разном удалении от которого находятся второстепенные (дополнительные) смыслы. Основной смысл на вербальном уровне получает свое выражение в языковых единицах, набор которых представлен на внутреннем языке, единицами которого предположительно являются некоторые «семантические комплексы», «лексические веши» [8], «контекстные подлежащие» [3], «контекстные объединители» [6], «узловые точки», «организаторы и координаторы текстового пространства» [2]. Данные единицы внутреннего языка, являющиеся заместителями некоторого текстового содержания, могут быть выражены или вербально, или в виде образов предметов (денотатов). Соплоупность таких единиц формирует «текст-компакт» (термин предложен С.А. Борисовой), который находится в одной прагматическом ряду с развернутыми текстами, выступая в качестве синонима.

Тексты-компакты отличаются не только шириной распространения, но и универсальностью структурной организации - независимо от видов речевой деятельности, в которых они образуются, поэтому изучение закономерностей порождения текстов-компактов сегодня приобретает принципиальное значение для теории речевой деятельности при решении вопросов, связанных с эффективностью коммуникации.

Изучение функционирования текстов-компактов как стабильной формы вербальной репрезентации смысла (концепта) исходного (авторского) варианта текста приобретает особое значение в условиях межкультурной текстовой коммуникации. Изучение процесса диалога культур открывает возможности для дальнейшего исследования текста-компакта как базового «ядерного» образования, своеобразного «посредника», оптимизирующего процесс коммуникации, так как в концентрированной форме репрезентирует основное содержание текста, наиболее существенные его стороны, распознавание которых является основным фактором успеха межкультурного общения. В условиях межкультурной коммуникации функция текста-компакта состоит в том, чтобы посредством минимального количества лексических единиц, входящих в него, отобразить национально-культурную специфику социума, в котором он был создан, и частью которого является, и «перенести» ее в текст перевода, то есть сохранить национальный колорит и смысловую достоверность.

В ходе исследования характеристик и свойств текста-компакта как «продукта/результата смыслового восприятия текста, выступающего в качестве посредника в межкультурной коммуникации посредством сопоставительного изучения текстовых проекций, принадлежащих носителям русского и американского варианта английского языка, было проанализировано 80 текстов-компактов, полученных на основе четырех базовых экспериментальных текстов. Анализ данных основан на использовании комплекса методов лингвистического, психолингвистического и статистического анализа. В частности были использованы метод вы-

деления ключевых единиц текста методом экспертных оценок [7]; экспериментально-статистический метод определения набора ключевых слов текста [5]; метод денотатного анализа [6]; метод компонентного анализа, описательный и сравнительно-сопоставительный методы, адаптированные к условиям исследования, метод моделирования.

В ходе исследования были получены следующие результаты:

- тексты-компакты, полученные в результате смыслового восприятия текста реципиентами, принадлежащими к разным лингво-культурным сообществам, имеют сходную структуру и механизмы формирования;
- при изучении текстовой деятельности в условиях межкультурной коммуникации следует исследовать не только тексты-компакты, представленные в виде текстов-слов и текстов-наборов ключевых слов, но и тексты-компакты, представленные наборами номинаций денотатов;
- текст перевода целесообразно рассматривать в рамках общей парадигмы текстов, в основе которой лежит единый текст-компакт. Синонимия текстов-компактов ИТ и ПТ может рассматриваться как фактор адекватности понимания текста в условиях межкультурной коммуникации;
- предлагаемый комплексный подход к анализу смыслового восприятия текстов оригинала и перевода на основе сопоставительного изучения читательских проекций может рассматриваться как инструмент диагностики при определении степени эффективности межкультурной коммуникации;
- читательские проекции авторского варианта текста могут рассматриваться как синонимичные относительно друг друга, так и относительно авторского варианта;
- причиной нарушения адекватности перевода может быть расхождение в структуре значения, в лексическом фоне, в эмоциональном, оценочном или образном содержании слов. Несовпадение семантики слов двух языков может привести к неадекватному или неполному пониманию текста, а также коммуникативному провалу. Соответственно, размер смысловой дистанции между текстами перевода и оригинала, может быть различным, что позволяет говорить о степени их синонимичности: чем меньше смысловая дистанция между двумя текстами, тем выше степень их синонимичности.

Таким образом, тексты, имеющие в основе один и тот же текст-компакт, могут рассматриваться как тексты-синонимы, образующие единую парадигму, соответственно, текст-компакт может рассматриваться как основа исследования текстовой синонимии. Такой подход особенно актуален при исследовании межкультурной текстовой коммуникации, поскольку принадлежность сферы означаемого к той или иной социокультурной системе может привести к неадекватному семантическому наполнению номинативных единиц и, в первую очередь, слов.

Тексты-компакты, полученные в результате смыслового восприятия текста испытуемыми в разных культурах имеют сходную структуру и идентичные механизмы образования. В качестве опорных пунктов выделяются слова, простые и сложные словосочетания. Сопоставление текстов-компактов по разным парам текстов показало высокую степень сходства выделенных испытуемыми денотатных структур (от 50 до 93 %). Различия в выделении ключевых элементов в текстах можно объяснить влиянием личностных, ситуативных и лингвистических факторов, что соответствует закономерностям смыслового восприятия текста. Следует также отметить, что при сопоставлении исходного текста (ИТ) с каждым из текстов перевода (ПТ) было отмечено меньшее сходство текстов-компактов на уровне их денотатной организации, чем при попарном сопоставлении ПТ, что, по-видимому связано с дополнительным влиянием фактора культурных различий. Высокая степень сходства текстов-компактов ИТ и ПТ подтверждает наше предположение о целесообразности рассмотрения текста перевода в рамках текстовой парадигмы, в основе которой лежит единый текст-компакт. Текст-компакт ИТ, представленный как набор номинаций денотатов, соответственно, можно рассматривать как инвариант, подлежащий обязательной передаче в тексте перевода.

Степень синонимичности ИТ и ПТ устанавливается на основе качественного анализа единиц, составляющих текст-компакт ИТ, и их переводов в ПТ, то есть синонимичность текстов тем выше, чем меньше между ними смысловая дистанция текстов ИТ и ПТ. В работе экспериментально доказано, что при анализе текстов-компактов в процессе межкультурной коммуникации целесообразно исследовать текст параллельно на двух уровнях: поверхностном (собственно языковом) и

декватном (более глубинном). Сочетание двух уровней позволяет, с одной стороны, найти общую базу для сопоставительного анализа разноязычных текстов (денотатную структуру), а с другой, – подобрать такую языковую форму номинации, которая наиболее точно описывает указанный в ИТ денотат, то есть создать текст ИТ наиболее высокого уровня синонимичности, что может существенно повысить эффективность межкультурной коммуникации.

Предлагаемый комплексный подход к анализу смыслового восприятия текстов оригинала и перевода на основе сопоставительного изучения читательских проекций показал свою эффективность и может быть использован для проведения дальнейших исследований, ориентированных на изучение эффективности межкультурной коммуникации. Перспективы дальнейших исследований по данной проблеме связаны с анализом закономерностей образования текст-компаков на материале нескольких языков, а также на материале текстов различных стилей и жанров.

Литература

1. Белоногова, А. А. Синонимия «текстов-компаков» как фактор адекватности понимания текста в условиях межкультурной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Белоногова. – М., 2003.
2. Борисова, С. А. Пространство–Человек–Текст / С. А. Борисова. – Ульяновск : УлГУ, 2003.
3. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982.
4. Информационно-коммуникативные аспекты перевода, 1997.
5. Мурзин, Л. Н. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск : Уральский университет, 1991.
6. Новиков, А. И. Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков. – М. : Наука, 1983.
7. Сиротко-Сибирский, С. А. Смысловое содержание текста и его отражение в ключевых словах: (на материале русских текстов публицистического стиля) : дис. ... канд. филол. наук / С. А. Сиротко-Сибирский. – Л., 1988.
8. Соколов, А. Н. Внутренняя речь и мышление / А. Н. Соколов. – М. : Просвещение, 1968.

ПРИЗНАКИ КОНФЛИКТНОЙ ИНТЕРАКЦИИ

Н.А. Белоус

Ульяновский государственный университет

Анализ коммуникативных проявлений свидетельствует факты тотальной утраты толерантности коммуникантами и доминирующую роль агрессивности в современном обществе. В этой связи организация и анализ коммуникативных процессов, как в рамках отдельных институциональных образований, так и в обществе в целом, проблема описания динамических моделей рассогласованного и конфликтного общения приобретает особую актуальность в силу происходящих изменений в реальном мире.

В рассматриваемой модели конфликтного дискурса сами позиции собеседников различны (конфликтный дискурс, по нашему мнению, есть ничто иное как речевое взаимодействие коммуникантов, в результате которого участники испытывают отрицательные эмоции благодаря вербальному воздействию друг на друга, в связи с тем, что иллюкутивная доминанта речевого взаимодействия характеризуется наличием столкновения вербально выраженных целей). Это отличие затрагивает не только ролевые проявления участников согласованной интеракции, а также касается процесса самооценки собеседников своих собственных действий по антиципационному отношению к готовности каждого участника вносить свой коммуникативный вклад в продвижение к коммуникативной цели, его успешности на противодействие. Осознание того, что взаимодействие между партнерами коммуникации представляет собой диалог, побуждает нас обратиться к его изучению и пониманию факторов, влияющих на его результат.

Для любого высказывания характерно свойство успешности/неуспешности [3, с. 117]. И конфликт можно считать успешным, если собеседники намеренно в него вступали, и один из них достиг своей цели при наличии отрицательного консеквента у другого собеседника. Коммуникативное рассогласование присуще конфликтному дискурсу в 2-х случаях из 3-х. Рассмотрение результата коммуникативного рассогласования следует начинать с его причин: когни-

тивных, дискурсивных, собственно языковых. На когнитивном уровне причинами коммуникативного рассогласования в рамках конфликтного дискурса могут быть:

- когнитивный диссонанс;
- несовпадение тезаурусов коммуникантов;
- неверные трансформации информационных блоков.

На дискурсивном уровне причиной появления коммуникативного рассогласования является:

- нарушение сценария дискурсивного события;
- нарушение максим кооперативного общения;
- различное отношение адресата/адресанта к пресуппозиционной базе дискурса;
- столкновение/несовпадение интенций коммуникантов
- 5 неверное толкование интенций партнера по коммуникации.

Актуализация репликового шага показывает, что процесс регуляции охватывает не только поведение партнеров в пределах функционально-семантического представления (ФСП) типового иллокутивного потенциала [4], но и организационную сторону реализации коммуникативных целей (соотношение программой очередности обмена репликовыми шагами с типовым набором интерактивных цепочек-ходов конкретного иллокутивного фрейма) коммуникантов рассогласованного конфликтного действия. Если регуляция осуществляется в рамках ФСП, то используются типовые регулятивные действия (указание целей и измерений, способов достижения таких целей, очередности в реализации своих целей, желание участников к взаимодействию). Такие действия маркируются определенными грамматическими, лексическими и фонетическими средствами. Если же регуляция осуществляется с отклонениями от ФСП, то она (регуляция) направляется на предотвращение отклонений от программного следования, на нейтрализацию рассогласования, преодоления и выхода из него. В обоих вышеописанных случаях необходимо иметь набор определенных типовых регулятивных действий, которые использовались бы в качестве набора инструментов для управления диалогическим взаимодействием, а также обеспечения его эффективного развития удаления от конфликтного полюса в сторону согласованного «мирного» диалога. Поэтому регулятивные действия или репликовые регулятивы можем рассматривать как действия, скоординированные партнерами и направленные на обеспечение нормальных условий диалогического общения. Это координирование осуществляется в зависимости от типа выбранного иллокутивного фрейма, от целей участников и стратегий их достижения. Следует также отметить, что часто причиной коммуникативного рассогласования является выход за рамки от темы, который происходит по причинам неумения и нежелания говорящего вести беседу [1, с. 17].

Рассмотрим рассогласование на примере фрагмента речевого взаимодействия (маркеры рассогласований выделены жирным шрифтом) [5, с. 21], где пресуппозиционная база содержит следующие элементы: реципиенты P1 – женщина и P2 – мужчина; P1>P2; ночь; романтический ужин:

P1: *А что тебя привлекает в женщинах?*

P2: *Умение давать мне чувство свободы, которым я очень дорожу.*

P1: ***В этом нет ничего оригинального, однако почему ты назвав это чувство сразу, первым, не размышляя?***

P2: ***Потому что я страстно хочу путешествовать. Я очень долго не мог уехать, во-первых, секретная работа не позволяла, во-вторых, жена – профессиональная неудачница, курица, жадина, разгильдяйка и так далее.***

P1: ***Я не помешаю тебе?*** – уточнила она, внезапно смекнув, кого именно подсекула ей подруга-однокурсница.

P2: *Ты прекрасная женщина, однако, у тебя ребенок и собака с кошкой. Мы с тобой, возможно, будем вместе, но когда и то и другое рассосется... Женщина почувствовала удупье.*

P1: ***То есть зверюшек усыпить, а десятилетнюю дочь выдать замуж? Или наоборот?***

P2: ***Не обижайся. Ночные разговоры всегда искренние... Или я не прав?***

P1: ***Ты, очевидно, всегда прав, но мне казалось, что у меня есть некоторые личные качества, нейтрализующие весь мой... зоопарк.***

P2: *О да. Ты качественная, положительная, добротная, позитивная, фундаментальная, симпатичная, головастая, оптимальная...*

P1: ***Ты здоров, милый?*** (иллокутивная доминанта) – участливо спросила женщина.

P2: *В целом.* (иллокутивная доминанта)

P1: *Ну, дай тебе Бог.*

Коммуникативное рассогласование возникает в начальной фазе диалогического общения на стыке репликовых шагов, поиск его устранения коммуникантами отмечается как в начале, так и в конце коммуникации. Причинами появления коммуникативного рассогласования следует признать невозможность партнерами найти общей тематической основы из-за различий в оценке ситуации; различия в оценке типового иллокутивного потенциала; игнорирование партнерами последовательности этапных интерактивных ходов в пределах иллокутивного фрейма. На истинность или ложность утверждений влияет то содержание, которое в них включается или, наоборот, остается за их пределами. Относительно любого речевого акта встает вопрос о его правильности, но не в смысле его своевременности или целесообразности, а в плане уместности данного высказывания, учитывая факты, знание о фактах, цели, ради которых собеседники вступают в общение [3, с. 115].

Проанализировав корпус диалогов, и основываясь на схемах типичных интерактивных цепочек (термин проф. А.А. Романова) в пределах типового функционально-семантического поля (далее ФСП), и, взяв в качестве критерия – причины, мы выделили:

- 1) коммуникативное рассогласование организации диалогического общения;
- 2) коммуникативное рассогласование иллокутивно-тематической реализации репликовых шагов:
 - нарушение условий реализации иллокутивного потенциала;
 - коммуникативное рассогласование, вызванное асимметрией интенсивности репликовых шагов;
 - коммуникативное рассогласование с неполной маркированностью иллокутивного показателя;
 - коммуникативное рассогласование, обусловленное неадекватностью иллокутивной транскрипции репликового шага;
- 3) коммуникативное рассогласование ошибочного выбора фокуса внимания;
- 4) коммуникативное рассогласование ошибочного выбора лексем;
- 5) коммуникативное рассогласование без наличия необходимого объема кооперативности общения;
- 6) коммуникативное рассогласование при нарушении кодекса доверия;
- 7) коммуникативное рассогласование, связанное с неправильной трактовкой коммуникативной интенции.

Анализ примеров диалогического общения показывает, что коммуникативное рассогласование может появиться в начальной фазе зарождения конфликтного/мирного дискурса, в средней или конечной его стадии. Коммуникативное рассогласование появляется в результате недостаточной или ошибочной актуализации определенных уровней ФСП иллокутивного потенциала. Все типы и подтипы коммуникативного рассогласования маркированы в диалогическом взаимодействии определенными языковыми средствами, что облегчает фиксирование коммуникативного рассогласования для возможных поисков путей его преодоления. Коммуникативное рассогласование является признаком конфликтного речевого взаимодействия, и если партнеры «не слышат» друг друга, оно будет функционально проявляться различными маркерами до тех пор, пока коммуниканты не найдут пути мирного преодоления конфликта.

Литература

1. Александров, Д. Н. Риторика : учеб. пос. – 3-е изд. / Д. Н. Александров. – М. : Наука, 2004. – 624 с.
2. Афанасьева, Л. А. Коммуникативная стратегия «уход от темы» как условие взаимопонимания между коммуникантами / Л. А. Афанасьева. – Воронеж : МИОН, 2004. – С. 187–198.
3. Осгин, Дж. Слово как действие / Дж. Осгин // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 22–131.
4. Романов, А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А. А. Романов. – М. : Институт языкознания АН СССР, Калининский СХИ, 1988. – 183 с.
5. Черникова, Е. В. Путешествие / Е. В. Черникова // Любовные рассказы. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2001. – С. 21.

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ЛОКУТЕМА КАК ЕДИНИЦА АНАЛИЗА В ПЛАНЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Е.А. Блинова

Ульяновский государственный университет

Языковой знак обладает как номинативной, так и репрезентативной ценностью. Номинативная функция слова в морфотемной концепции [2] изучается в плане объективации, а коммуникативная – в плане репрезентации. «Репрезентационная часть анализа – это описание способов использования языковой системы для речевого обозначения актуальной мысли и определение тенденций развития речемыслительных процессов и соответственно структурного преобразования функционирующей языковой системы на синхроническом этапе развития» [3, с. 13].

Чтобы слово получило возможность выражать некоторое актуальное мыслительное содержание, оно должно взаимодействовать с другими языковыми единицами, входя в состав синтагмы, предложения и текстового фрагмента. Базовой смыслообразующей структурой речемыслительной деятельности человека считается предложение-высказывание. В.А. Звегинцев отмечал, что посредством предложения происходит соотнесение внутренней модели мира, хранящейся в сознании человека, с объективизированной (лингвистической) моделью мира, которая зафиксирована в языке [1, с. 177]. Иными словами, с помощью предложения-высказывания становится возможным соотнести концептуальное и языковое сознание и интегрировать их, хотя о полном их совпадении говорить не приходится. Это семантико-понятийное соотношение, являющееся «равнодействующей» речи и мысли, вслед за А.И. Фёфиловым обозначим термином *локутема* [4, с. 181]. Локутему следует рассматривать как функционально самостоятельную речевую единицу, как единицу, которая участвует в репрезентации некоторого мыслительного содержания, в формировании *речемысли*. Репрезентируемая мысль (или речемысль) – это и есть результат переработки речевого опыта индивида, о которой писал в свое время Л.В. Щерба, результат «весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента» [5, с. 25].

Объектом данного исследования является темпоральная локутема. Под *темпоральной локутемой* понимается речевая морфотема – высказывание, выявляющее статичный (абсолютный) или динамичный (подвижный, относительный) характер взаимодействия языковой семантики с обозначаемым понятием времени, а также формирующее временные представления у атемпоральных языковых единиц. Следовательно, понятие темпоральной локутемы охватывает широкий спектр семантических преобразований языковых знаков в условиях речеконтекстуального предцифрования и выступает в качестве единицы анализа в аспекте репрезентации в нескольких отношениях.

Во-первых, по характеру соотношения языковой семантики с актуальным мыслительным понятием выделяется *статичная* и *динамичная* темпоральная локутема. Статичная темпоральная локутема образуется по принципу конвенциональной тавтологии (А–А), при этом собственное значение темпорального слова согласуется с выражаемым мыслительным понятием и дублирует его в предложении, например *Короткий день длится 6 часов, Вчерашний день я прожил дома* и т.д. Для динамичной темпоральной локутемы характерно асимметричное, смещенное соотношение темпоральной семантики и выражаемого мыслительного понятия. Ср.: *У него ничего не было на черной день; Завтра у нас короткий день* и т.д. Как показывают примеры, асимметрия может быть частичной (*черный день – трудный период*), либо полной (*короткий день – сокращенное количество часов, положенных для работы*). В последнем случае наличие отсутствия пересечения языковой семантики темпорального имени и репрезентируемого понятия квазитавтологии, семантико-концептуальное единство образовано за счет конвенционального тождества (А–В), то есть уподобления основного значения языкового знака выражаемому понятию.

Во-вторых, направление семантико-концептуального взаимодействия может развиваться как от категории темпоральности к другим обозначаемым мыслительным понятиям, так и наоборот. Поэтому следует различать *производящую* темпоральную (грамматическую и логико-семантическую) основу и *производную* темпоральную локутему. Производящая темпоральная основа служит в качестве мотивирующего фона с исходным категориально-семантическим темпоральным признаком, преобразуемым в какие-либо другие концептуальные признаки. За-

частую грамматическое время глагольного предиката совместно с семантико-синтаксической функцией его актантов оказывается главным механизмом репрезентации нового знания об объекте. Употребление, например, формы Present Continuous в предложении *He is painting a house* дает приоритет акциональности, а употребление Present Simple в предложении *He paints houses* акциональный признак «погашает». Логико-семантическая темпоральность становится мотивационной основой для выражения различных мыслительных категорий: качественности, количественности, субстанциальности, локальности, акциональности. Приведем такой пример. По признанию одного из чиновников, «*отечественные*» *вузы готовят специалистов вчерашнего дня*. В смысловом аспекте данного высказывания темпоральность как таковая практически перестает существовать, она «растворяется» под воздействием речевого контекста, хотя и не полностью (ср. «специалисты, отстающие от времени»). Однако, даже имея привязку ко времени, в высказывании имеется в виду качественная характеристика специалистов, их (не)востребованность на рынке труда и (не)конкурентноспособность. Темпоральность уступает место категории качественности.

Производящая темпоральная основа оказывает влияние не только на выражение понятия качественности, но и других понятий, например, количества. Так, смысл высказывания *Он работает круглые сутки* (*He works 24 hours a day/He works round the clock*) в том, что он очень много работает. Языковое время зачастую выступает репрезентантом пространственных понятий, по затрачиваемому времени судят, например, о пройденном расстоянии, ср. *пять минут ходьбы* (*five-minute's walk*), то есть объект находится недалеко отсюда.

Время в художественной речи приобретает любой облик по воле автора, оно насквозь метафорично и пронизано субъективным восприятием. Времени приписываются субстанциальные и акциональные черты: *А день тихо умирал, истекая в теплой сырости* [6, с. 159]; *Time was a film run backward* [8, с. 90]; *They sat looking at each other, and the years blazed around them* [8, с. 90]. Время материализуется, приобретает объем, размер как любой другой предмет: *After that there was the huge night again and the sound of stars turning* [7, с. 30]. Клишированные формы, когда-то появившиеся в поэтическом языке для метафорического обозначения этапов жизни человека – юности, зрелости и старости, такие как *заря жизни, осень жизни* уступают другим способом выражения, также связанным с идеей цикличности: *А было и у старика рушило солнышко, и он – давно-давно – шагал по земле и крепко чувствовал ее под ногами. А теперь – вечер, спокойный, с дымками по селу* [6, с. 154].

Производная темпоральная локутема понимается как образуемый посредством атемпоральных единиц речемыслительный интегративный комплекс с темпоральной доминантой. Например, глагол *дежурить* по отношению к обслуживающему персоналу больницы означает *работать в ночную смену* (отсюда сужение значения *дежурная (ночная) сестра*). Понятие времени формируется на основе акционального семантического признака, ср. в английском языке: *It took a long while, a heartbeat, to fall* [7, с. 24], где время падения измеряется ударом сердца. Двигущаяся субстанция, например, вода, репрезентирует представление о давнопрошедшем времени, ср. *много воды утекло с тех пор, как это случилось* (*much water has flowed under the bridge since it happened*), а на основе логико-семантической локальности выражается будущее (*будет и на нашей улице праздник*). Только в условиях речевого контекста словосочетание *черная (белая) полоса*, попадая под влияние слов, обозначающих длительность, приобретает временную направленность с эмоционально-оценочной окраской, ср. *Жизнь – полоса черная, полоса белая*.

Репрезентация мыслительных понятий в английском языке, как показал анализ, протекает не менее активно, чем в русском, но есть и определенные расхождения, которые связаны с особенностями языковых сознаний данных языков. Там, где русский пользуется одним словом для выражения целого ряда концептуальных понятий, англичанин предпочтет специальное слово, конкретизирующее содержание его мысли. Например, в русском языке с помощью морфемы *обед* в определенных речевых ситуациях выражается и субстанциальность (*У тебя обед стывает*), и темпоральность (*Магазин закрылся на обед*), и акциональность (*Мы пригласили на обед своего старого знакомого*). В английском языке аналогичное понятие темпоральности уточняется с помощью дополнительных языковых единиц: *dinner-time* (*dinner-hour, dinner break*), а выражение акционального отношения *на обед* осуществляется за счет глагола *to dine*. В целом английский язык более избирателен при выборе средств выражения, а в русском языке мысль конденсируется, «сгущается» в слове, что и придает ему особую метафоричность.

Литература

1. Звегинцев, В. А. Язык и лингвистическая теория / В. А. Звегинцев. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 248 с.
2. Фефилов, А. И. Морфотемный анализ единиц языка и речи / А. И. Фефилов. – Ульяновск : УлГУ, 1997. – 246 с.
3. Фефилов, А. И. Методологические основы морфотемного анализа / А. И. Фефилов // Актуальные проблемы теории языка, лингводидактики и межкультурной коммуникации : ученые записки УлГУ. – Ульяновск, 2002, вып.1(7) – С. 10–18.
4. Фефилов, А. И. Основы когнитологии / А. И. Фефилов. – Ульяновск : УлГУ, 2004. – 16 с.
5. Щерба, Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974. – С. 25–39.

Источники

6. Шукшин, В. М. В профиль и анфас / В. М. Шукшин // Жизнь человек... : Рассказы / сост. и подгот. текста Л. Федосеевой-Шукшиной; вступ. ст. Е. Черносвитова. – М. : Худож. лит., 1991. – С. 154–161.
7. Bradbury, R. The Wilderness / R. Bradbury // The Golden Apples of the Sun. – New York : Bantam Books, 1970. – P. 23–31.
8. Bradbury, R. A Sound of Thunder / Ray Bradbury // The Golden Apples of the Sun. – New York : Bantam Books, 1970. – P. 88–100.

ТЕКСТЫ РЕТРОСПЕКТИВНОГО ДИСКУРСА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Л.М. Бондарева

Российский государственный университет им. Н. Канта, г. Калининград

Одним из объектов актуальных исследований в сфере когнитивной лингвистики является феномен человеческой памяти, находящий свое наиболее адекватное речевое воплощение в текстах ретроспективного дискурса. Мы полагаем, что ретроспективный дискурс (РД), подразумевающий ментально-когнитивный процесс, направленный на реконструкцию речевым субъектом лично пережитого или непережитого, то есть своего или «чужого» прошлого, может реализоваться в совокуном интердискурсивном пространстве в двух основных текстовых формах. Так, порождение текстов РД субъективно обусловленного характера происходит благодаря активизации механизмов личностной, или автобиографической памяти (автобиографии, мемуары, литературные портреты и т.д.), в то время как в объективно обусловленном типе текстов РД (историография, исторические романы и др.) фиксируются результаты функционирования механизмов так называемой «культурной» памяти.

По справедливому мнению Н.З. Коковиной [1, с. 251–254], коллективная память (которая, отметим, лежит в основе культурной памяти) возникает в ходе синтеза всех многообразных форм проявления автобиографической, индивидуальной памяти, так как в человеческой культуре из многообразия модальностей личностей и микрогрупп формируется подвижный, меняющийся, но целостный образ прошлого. Долгосрочная память культуры, пишет исследователь, ссылаясь на Ю. Лотмана и Б. Успенского («Труды по знаковым системам», 1971), определяется принадлежащим ей набором текстов, существующих длительное время с соответствующими кодами и образующих «пространство некоторой общей памяти»: всякая культура состоит из воспоминаний, закодированных элементов сохраненного прошлого опыта, которые существуют в самых разнообразных формах, начиная от письменных текстов, памятников, произведений искусства и кончая народными обычаями, обрядами и традициями – всем тем, что ученые обобщенно называют «текстами».

В этом смысле несомненно внимания заслуживает теория «коллективной памяти» (*mémoire collective*) французского социолога М. Хальбвакса (Maurice Halbwachs), который формулирует тезис о социальной обусловленности любого вида памяти. Коллективная, или социальная память, указывает ученый, действует реконструктивно: из прошлого сохраняется только то, что каждое общество может осознать и воссоздать в качестве прошлого только внут-

ри неких «социальных рамок» (*cadres sociaux*), то есть рамок понятийной системы, соотносимой с релевантным настоящим социума [2, с. 346].

Именно на базе упомянутой социальной памяти объективная история может быть «вписана» в культурную память человечества посредством текста, и тогда коллективные знания, зафиксированные подобным образом, становятся независимыми от своего источника, то есть социальной памяти. В результате текст (в широком смысле – литературу и письменность) следует рассматривать в качестве основного средства вербализации, фиксации и автономизации коллективной, или социальной памяти («коммуникативной» памяти, в терминологии немецкого исследователя Я. Асмана) и, как следствие, ее трансформации в культурную память.

Таким образом, языковая организация культурной памяти предполагает функционирование текстов РД в качестве аккумуляторов, организующих «трансмиссию культурной информации», и генераторов культурных процессов [7, с. 78–79]. С помощью литературного текста и на его основе происходит «самоузнавание» определенной культуры в событиях своей собственной истории, а искусство в целом следует понимать как ритуал по культуризации, сохранению и утверждению памятных событий, как необходимую для прогресса цивилизации «игру с культурными образцами» [5, с. 583–586]. Благодаря словесному искусству человек имеет необходимый инструмент, позволяющий сохранить в культурной памяти при помощи эстетического структурирования дела и свершения предков, их жизненную мудрость и формы религиозного миропонимания.

Вполне очевидно, что в данном контексте возникает необходимость внести окончательную ясность в вопрос о соотношении таких понятий, как «коллективная», «социальная», «коммуникативная» и «культурная» память. Так, по мнению Я. Асмана [2, с. 342–344], коммуникативная память охватывает воспоминания, соотносящиеся с актуальным недавним прошлым конкретного социума, которые человек разделяет вместе со своими современниками, то есть это память, релевантная для одного поколения, возникающая во времени и уходящая вместе с носителями этой памяти. Данная коммуникативная, или коллективная, память, будучи «воплощенной» в очевидцах, циркулирует, как отмечает исследователь, в ситуациях повседневной жизни, в буднях современников. Как только воспоминания перестают подкрепляться и активироваться в сознании членов социума и начинают нуждаться в посредничестве текстов для своей передачи, коммуникативная память переходит в культурную память.

Следовательно, констатирует Я. Асман, культурная память представляет собой институционально оформленные и закрепленные воспоминания, для циркуляции которых в качестве коммуникативного пространства служат праздники, торжества и различные события ритуального и церемониального характера. Данное явление характерно, прежде всего, для так называемых «холодных обществ» (в терминологии К. Леви-Стросса), под которыми подразумеваются культуры, не имеющие традиций письменности, не осознающие историю как таковую и не отличающиеся высокой динамикой развития. В свою очередь, в наших «горячих» обществах, то есть в культурах с развитой письменностью, подчеркивает ученый, речь идет о фиксации соответствующих воспоминаний в канонических или классических базовых текстах (*Grundtexte*), служащих для сохранения и обеспечения социальной идентичности.

В целом же концепт памяти в теории А. и Я. Асман выглядит следующим образом [3, с. 117–121]: основополагающее понятие «память» (*Gedächtnis*), будучи синонимичным понятию «традиция» (*Tradition*), подразумевает две концептуальные составляющие – «родовую», генетически обусловленную память (*Artgedächtnis*) и «социальную» память (*soziales Gedächtnis*). Социальная память реализуется в виде «кратковременной», или «коммуникативной» памяти (*Kurzzeitgedächtnis, oder kommunikatives Gedächtnis*) и «долговременной», или «культурной» памяти (*Langzeitgedächtnis, oder kulturelles Gedächtnis*). Соответственно, в качестве способов манифестации культурной памяти в «горячих обществах» выступают «функциональная» и «аккумулирующая» память (*Funktionsgedächtnis* и *Speichergedächtnis*). При этом, по мнению упомянутых ученых, речь идет о двух видах свидетельств о прошлом, к которым относятся:

- документы (*Dokumente*), например, церковно-приходские книги, демографические данные, статистика, меморандумы и пр.;
- «монументы» (*Monumente*), основывающиеся на кодификации и аккумуляции воспоминаний социально обусловленной ценности, например, личные дневники, путевые заметки, а

также любые художественные и литературные произведения, в которых реконструируется реальное прошлое.

Аналогично немецкий исследователь Кл. Фрас полагает, что коллективная память является более глобальным понятием, в рамках которого она различает коммуникативную и культурную память [4, с. 39–40]. Данные виды памяти являются не антонимами, а, скорее, полюсами на шкале с градуальными переходами: они могут существовать одновременно и переходить друг в друга, но обладают и соответствующей спецификой.

Далее автор особое внимание уделяет такой характерной особенности культурной памяти, как ее социальная детерминированность. Если обладателями коммуникативной памяти являются в принципе все свидетели исторического времени, то в сохранении культурной памяти принимают участие социально значимые носители знаний: шаманы, поэты, певцы, писатели, ученые и другие, дистанцированные в определенном смысле от остальной массы как представители общественной элиты.

Таким образом, констатирует Кл. Фрас, параллельно апеллируя к теории Я. Асмана «полярный» характер коллективных воспоминаний соответствует во временном измерении «полярности праздников и будней», а в социальном измерении – полярности социальной элиты как специалистов в области культурной памяти и остальных членов данного сообщества. В результате, благодаря письменности, человеческая история, с точки зрения исследователя, разделилась на две фазы: с одной стороны, она представлена опирающимися на ритуалы повторением и передачей известного, а с другой стороны, опирающейся на имеющиеся тексты интерпретацией, то есть вариациями и инновациями.

Следует добавить, что, по мнению немецкого литературоведа М. Шнайдера, в связи с появлением новых носителей информации о прошлом, к которым относятся фотодокументы, архивы с дактилоскопическими данными, средства звуко- и видеозаписи и пр., стало возможным говорить о формировании в XX веке «новой» исторической и культурной памяти [6, с. 42].

Однако в любом случае вполне очевидным представляется то обстоятельство, что главным фактором формирования культурной памяти, эксплицируемой в объективно обусловленном типе текстов РД, служит совокупный потенциал коллективной памяти человечества, который возникает в процессе интеграции памяти как отдельно взятых социумов, так и конкретных исторических личностей.

Литература

1. Коковина, Н. З. Формирование понятия «память» в европейском гуманитарном сознании / Н. З. Коковина // Картина мира и способы ее репрезентации. – Воронеж : Издательство ВГУ, 2003. – С. 251–256.
2. Assmann, J. Die Katastrophe des Vergessens. Das Deuteronomium als Paradigma kultureller Mnemotechnik / J. Assmann // Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung. – Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1991. – S. 337–355.
3. Assmann, A. Das Gesteir in Heute. Medien und soziales Gedächtnis / A. Assmann, J. Assmann // Die Wirklichkeit der Medien. Eine Einführung in die Kommunikationswissenschaft. – Opladen : Leske und Budrich, 1994. – S. 114–140.
4. Fraas, Cl. Begriffe – Konzepte – Kulturelles Gedächtnis. Ansätze zur Beschreibung kollektiver Wissenssysteme / Cl. Fraas // Sprache und Kultur. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien : Lang, 2000. – S. 31–45.
5. Neumann, G. Der Abdruck des Festes. Gedächtnis und Verdrängung in Heines Legende «Der Rabbi von Bacherach» // Erkennen und Erinnern in Kunst und Literatur. – Tübingen : Niemeyer, 1998. – S. 583–607.
6. Schneider, M. Das erkaltete Herzenschrift. Der autobiographische Text im 20. Jahrhundert / M. Schneider. – München; Wien : Carl Hanser Verlag, 1986.
7. Stocker, P. Theorie der intertextuellen Fallstudien / P. Stocker. – Paderborn; München; Wien; Zürich : Schöningh, 1998.

ЯЗЫКОВОЕ СЕМАНТИЗИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА КАК СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ

В.П. Васильев, Э.В. Васильева

Кемеровский государственный университет

Когнитивно-лингвистический подход к сущности концепта, позволяющий изучать его сквозь призму дискурсивных структур и концептуально-лексических единиц, обеспечивает рассмотрение концептуальной и языковой картин мира, а, следовательно, проливает свет на универсальное и специфическое в смыслообразовании языковых единиц. Инвариантное и вариативное в восприятии реальной действительности убедительно и оптимально высвечивается в сравнительно-сопоставительном ракурсе исследования. Нам интересуют российские слои русского языка, а именно, факты литературного языка и говоров Сибири, которые прежде изучаются в самостоятельном изучении.

В данной работе внимание сосредоточивается на том содержательном пространстве суперординантной категории «атмосферные осадки», для которого основным средством выражения является общерусское слово *град* 'атмосферные осадки в виде частиц льда, выпадающих из облаков' как единица базового уровня (ср. атмосферные осадки – *град* – *крупа*). Ее концептуальное содержание в литературном идиоме представлено 21 аспектом смысла (словом) и 50 признаками (квантами смысла), комплексуемыми эти аспекты [1]. Считается, что при языковом означивании естественной реальности обусловленность системного вычленения определенного сегмента смысла во многом детерминирована рационально осмысливаемой в социуме природой самого явления и представляет инвариантную часть концепта. Другая его часть прогнозируется комплексами особых способов и форм жизнедеятельности соответствующего сообщества, что фиксируется языком и/или вообще маркируется имплицитными периферийными смыслами, «добытыми» нерациональным путем.

Для постижения концепта под углом зрения выделения сегментов смысла, закрепляемых в языковой системе, используется ранее разработанная процедура анализа [2], согласно которой выделяются различные в информативном отношении группы слотов: 1) лингвистически релевантные слоты (как правило, интенциональные), все признаки которых получают не только текстовую, но и системно-языковую вербализацию, 2) слоты, содержащие релевантные и нерелевантные признаки (обычно относящиеся к сильному импликационному концепту), 3) лингвистически нерелевантные слоты, имеющие только текстовую реализацию, а значит, являющиеся слабым импликационалом концепта.

Анализ языкового воплощения метеоконцепта *град* в литературном языке относительно первой группы слотов, характеризующих интенционал концепта, обнаруживает в кодифицированной форме языка системную символизацию признаков таких концептуальных аспектов метеообразования, как «составные элементы», «агрегатное состояние» (*град* '...частички льда...' – *дождь* '...капли воды...'), «способ существования», «источник образования» (*град* '...выпадающие из облаков' – *туча* '[кристаллы льда], оседающие из влажного воздуха...'), которые получают, как видим, системно-языковую отмеченность посредством парадигматической сопоставленности метеонима с омонимирами.

Что касается деривационной и синтагматической осей в системной организации лексики, то они также активно, хотя избирательно задействуются для лексикализации ядерных элементов смысла. Так, дериваты: *градина* 'крупинка града' и *градовая/градоточная* (туча) 'несущая град', *градобитие* 'уничтожение или повреждение градом посевов, плодовых насаждений...' < *бить* 'с силой ударять во что-л., ударяться обо что-л. при движении', *градоопасность* '[опасность в отношении образования] и выпадения града' – инкорно удостоверяют аспекты «составные элементы», «источник образования» и «способ существования». Последний из названных аспектов упрочивается также синтагматическими связями метеонима с глаголами функционального состояния *падать*, *выпадать*, *пойти*, *по-сыпаться* и т.п., являющимися самостоятельными системными средствами овнешнения этого сегмента его концептуального содержания.

Итак, для языковой дискретизации понятийного ядра метеоконцепта приложимыми оказываются все виды системных отношений – сильные, то есть таксономические, и слабые, не имеющие классификационного статуса. Более того, прослеживается координация системных

параметров лексики. К примеру, через соотношение парадигматики, эпидигматики и синтагматики слова *град* дополнительно подчеркивается важность для языкового знания о природном явлении такого сегмента информации, как «туча» аспекта «источник образования осадков». Ср. *туча – град → градовая, градобойная, градоносная... туча*. В рамках единства синтагматики и эпидигматики сверх указанного в языковой системе фигурирует знание о частях града аспекта «составные элементы»: *крутинки (части чего-л.) града → градинки*. Таким образом, интенционал концепта *град*, дву- или трехкратно заявляя об укорененности в лексической системе, свидетельствует о своем прочном положении в ней. В этом, можно предположить, прототипичность анализируемой единицы (ср. метеоконцепт иней [2]).

Вместе с тем своеобразие системно-языкового сегментирования концепта обуславливается по преимуществу набором (количеством) и содержащим (тематикой) единиц денотативного класса, а также степенью их представительности. В типичной ситуации это связано со второй группой слотов, то есть тех, которые относятся к сильному импликационалу концепта. Метеоконцепт *град* имеет системную реализацию примерно третьей части импликационала (6 слотов). Каждый из смысловых аспектов обладает своей мерой закрепленности в языке. Системные аспекты логически и прагматически характеризуют погодное явление:

а) качественно – аспект «величина частиц осадков» – за счет внешней и внутренней деривации *градинка* 'уменьш. к градина', *градобой* 'уничтожение и повреждение градом (=не мелкими градинами) посевов, плодовых насаждений...'; *градом* '(в знач. нар.) в виде крупных, [обильных] капель (о поте, слезах)' или устойчивых сравнений *слезы как град* 'о чьих-л. крупных [и обильных] слезах' / *слезы капают (льются) градом* 'об [обильно пахлынувших] крупных слезах', а также синтагматов с замкнутой сочетаемостью корнеслова *сыпать* 'идти, падать (о мелком [чистом] (снеге, дожде))', распространяющихся, надо понимать, и на град. Последнее, кроме того, одновременно оязыковляет квант смысла «близко расположенные друг к другу» параметра «плотность расположения частиц осадков при выпадении». Под воздействием названного и других глаголов функционального состояния в сферу системно означающих попадают атрибутивы, находящиеся с ними в отношениях семантического включения. Это прилагательные размера (*мелкий град*) и расположения частей относительно друг друга (*частый град*);

б) количественно – аспект «интенсивность выпадения осадков», – что достигается в первую очередь деривационными композитами *градобой*, *градобитие* < *бить* 'с силой ударить во что-л. ...'; а также композитивами *сыпаться (посыпаться) как град (градом)* 'о [часто] и сильно наносимых кому-л. ударах', *слезы как град*, *слезы капают (льются) градом* и внутренне-словным дериватом *градом* '(в знач. нар.) в виде [крупных] обильных капель (о поте, слезах)', нерасчлененно актуализирующих кванты «значительный по степени проявления», «очень значительный по степени проявлению». Аналогичную смысловую направленность опосредованно эксплицирует глагол нанесения удара (*град бьет*), содержащийся в композитах, который в свою очередь «притягивает» в качестве системных показателей глаголы проявления качества (*град душит*) и прилагательные-интенсивы (*сильный град*);

в) темпорально – аспект «время года», – что устанавливается только сочетаемостью производных атрибутивов, например, *градобойное лето*, которая, по сути, демонстрирует координацию синтагм *градобойное лето ↔ летний град*, связанных между собой отношениями разнонаправленной производности лексических единиц;

г) на фоне разных метеонимических явлений – аспект «связь с другими атмосферными явлениями» – в результате парадигматического пересечения анализируемого слова с единицами, характеризующимися комплексной семантикой, *буря* 'сильный разрушительный ветер с дождем, градом или снегом', *гроза* 'гром и молния с дождем или градом';

д) утилитарно – аспект «утилитарная оценка», – в котором первое место занимает ряд деривационных композитов различной частеречной представленности: *градобой* / *градобитие* 'уничтожение или повреждение градом посевов...'; *градоопасность*, *градоопасный* 'опасный в отношении образования и выпадения града', *градозащита* 'мероприятия по защите сельскохозяйственных культур от града'. На синтагматической оси его дополняют глаголы повреждения объекта: *выбить* 'уничтожить градом [вытоптать] (посевы, всходы, поле и т. д.)', *побить* 'уничтожить, повредить: посевы чего-л., какую-л. растительность (о неблагоприятной погоде, стихийном бедствии) и т. п.', – провоцирующие появление системного статуса у глаголов ли-

шения жизни живых существ (*град забил индюшат*), отделение объекта (*град обивал кисти рябины*) и разделения объекта (*град разбил стекло*) того же корнеслова.

Из сказанного очевидно, что в свете доминирующих признаков *град* для владеющих литературной нормой крушной, сильный, причиняющий вред, то есть онтологические характеристики натурфакта сосыкуются с социально значимыми. Представляется, что первые со вторыми находятся в сложных, причинно-следственных, отношениях. Как преобладающая выделяется типичная для слотов сильного импликационала деривационная языковая объективация смыслового содержания концепта, которая сопровождается глагольной синтагматикой – все это на фоне детерминирования корня *бить*, что, должно быть, предопределяет негативный модус природного явления.

Более половины смысловых аспектов (11) метеонома *град* образуют его слабый импликационал, располагая лишь текстовой базой. Это качественные: «твердость составных частиц осадков» (*халючий град*, *градины рикошетили от скалы*), «форма составных частиц осадков» (*шарики града*), «цвет составных частиц осадков» (*белые шарики града*, *вытая синий град*), локативные: «локализованность града в пространстве» (*полоса града*); качественные: «вес составных частиц осадков» (*град превратился в ливень тяжелых камней*); темпоративы: «фазисный способ существования осадков», «время прохождения фаз существования осадков», «продолжительность выпадения осадков», «время суток, когда выпадают осадки» и аксиология: «эмоциональная оценка» и «гедонистическая оценка» осадков.

Через языковое деление концепта, иллюстрирующее результат расчлененно-дифференцированного отражения явления, выводится в темы речевых сообщений важные для носителей языка отдельные сегменты его информации. Значимость этих тем тем выше, чем больше системных средств задействовано в их экспликации.

Литература

1. Васильев, В. П. Концепт и его языковая семантическая интерпретация. Метеоним град / В. П. Васильев // Тематическая концептосфера в лингвистическом представлении: вестн. Томского гос. ун-та: Биолетень оперативной научной информации. – Томск, 2005. – № 46. – С. 34–52.
2. Васильев, В. П. Концепт в контексте языковой системы как интерпретационного механизма / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Язык и межкультурная коммуникация. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский ун-т», 2007. – С. 113–115.

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСИВНОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ТЕКСТА ФИЛОСОФСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В.С. БИБЛЕРА «ОТ НАУКОУЧЕНИЯ – К ЛОГИКЕ КУЛЬТУРЫ» ДВА ФИЛОСОФСКИХ ВВЕДЕНИЯ В ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК»

О.О. Варнавская

Ставропольский государственный университет

Диалогичность рефлексивного субъекта вносит новые акценты в философский дискурс как речемыслительный процесс, которые не характерны для других видов научной деятельности [2, с. 22–30]. Этот процесс обращен одной своей стороной к прагматической ситуации, а другой – к процессу мышления участников коммуникации, к стратегии порождения, интерпретации и воспроизводства форм мышления, имплицитно заданных в текстовых формах философского речемыслительного произведения.

Особенностью философского текста является то, что он может разворачиваться в чисто рефлексивных определениях. Таковы классические тексты «Основы общего наукоучения» Фихте, «Наука логики» Гегеля. В современной традиции русского философского текста можно в качестве примера сослаться на работы В. Библера, М. Мамардашвили, некоторые тексты Э. Ильенкова. Здесь темпоральные, локальные и каузальные координаты в сверхфразовых единствах модифицируются и выражают достоверность соотношенности субъекта (процесс

мышления) и предиката (рефлексия в основание этого мышления), темы или ремы сверхфразового единства.

Доминирующие принципы дискурсивного развертывания текста философского произведения совпадают с общими принципами порождения научного произведения, определенными, прежде всего, тем, что шаги автора по этому развертыванию реализуют определенные научно-исследовательские действия. Перформативная схема выступает в научном изложении не только как способ представления нового научного знания, но и как способ его доказательства. Она эксплицирует ход исследования, переход от условий и посылок к следствиям, путь получения нового знания, способ его выведения из наличного знания. Это – прием изложения, выступающий одновременно как прием доказательства. Он предоставляет адресату возможность пройти «тот же» путь исследования – способ получения знания и удостовериться в его обоснованности [4, с. 54–56]. Специфика философского речемыслительного произведения определяется лишь большим акцентом на рефлексивные и интроспективные элементы познания, которые нельзя однозначно маркировать как «научно-исследовательские действия».

Приводимый ниже фрагмент является типичным и с точки зрения стилистики, и с точки зрения грамматики для текста книги известного современного философа В.С. Библера «От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век».

«Всеобщность моего мышления, необходимость его начал и выводов для меня самого, доведение моих суждений до всеобщего смысла и всеобщей, объективной, бытийной необходимости, основательности ("порядок идей таков, как порядок вещей" – это синоним любой логики, в каком бы смысле ни понимать "идеи", "вещи", "порядок"+) – все это, вместе взятое, есть единственное условие собирания в точку (в точку перерешения судьбы) всех отдельных перипетий моей жизни (1). Это – единственная возможность увидеть, услышать, осознать и в конечном счете – осмыслить всю мою жизнь со стороны, в изначалии, то есть понять себя в возможности быть, но, значит, в возможности быть иным, прожить свою жизнь иначе. Это, значит, понять меня там, где меня вообще не существует, где я небытие, где мое бытие только мыслимо. И – там, где сама мысль только возможна, где ее еще (и – уже+) нет, где есть лишь неммыслимое (и – внеличностное) бытие (2). Возможность самому перерешить свою (уже завершавшуюся) жизнь – судьбу коренится в возможности всерьез помыслить себя и мир еще (уже) не существующим. Помыслить себя – "бесконечно возможным", готовым к бытию и небытию (3). Но этот корень и есть идея философской логики (4)» [1, с. 347–348].

В данном фрагменте автор текста устанавливает связь между философской рефлексией и философской логикой. Первая связывается им с экзистенциальной проблематикой самопознания: Для ее осмысления читателю предлагается провести своего рода мысленный эксперимент, мысля радикально иное по отношению к самому себе как некоторое «неммыслимое (и – внеличностное) бытие». Только осуществив этот акт рефлексии, и воспроизведя для себя проблемную ситуацию как эксплицированную в философском тексте стадию научного творчества, читатель может прийти к мысли (и может понять ее значимость, понять, что хочет сказать автор) о кардинальном различии бытия и небытия.

Проблемная ситуация строится для читателя как ряд последовательных операций стратификации, включающих 1) расщепление проблемы на подвопросы, приводящие последовательно к осознанию основного вопроса, основной проблемы; 2) композицию, то есть группирование и определение последовательности решения частных вопросов; 3) локализацию как определение поля анализа [5, с. 165].

При этом автор отсылает (в немаркированной форме) к своему тексту (несколькими страницами выше), в котором уже было доказано, что предьявленная читателю проблема отношения бытия и небытия как риз и лежит в основе классической философской логики. Но это – лишь одна сторона медали. Другая ее сторона – рефлексия. (Аналогичным образом и автор «Науки логики» Гегель начинает свой труд противопоставлением бытия и небытия как исходных категорий логики, раскрывая далее, во второй части своего труда – в учении о «сущности», смысл рефлексии как эксплицирующей идеи единства бытия и небытия).

Здесь мы видим два вида отношений между компонентами сверхфразового единства. Первый – традиционный. Тема сверхфразового единства (1) дополняется информацией (2) и (3), на основании которой делается результирующий вывод (4). Обращает на себя внимания

более радикальная и сложная, чем в обычном научном тексте система дейктической замены компонентов предложения при переходе от (1) к (2) и (3).

Второй вид отношений между компонентами сверхфразового единства определен введением в контекст скрытого плана рефлексии. В действительности, отмеченный переход (1) – (2) – (3) – (4) возможен лишь при совершении в сознании читателя тех мыслительных процедур, в которых как раз и идет речь непосредственно в данном фрагменте. Рефлексия является одновременно и объектом, и субъектом высказывания, закреплённого данным сверхфразовым единством. Коммуникативно-прагматический элемент обнаруживает себя важнейшей несущей конструкцией грамматической структуры текста.

Отметим, что именно рефлексивной природой философского текста, как нам представляется, можно объяснить тот факт, что авторы последних лет, тяготеющие к классическим образцам, все чаще используют для выражения своей позиции личное местоимение Я, что в целом нетипично для стилистики современной научной речи, в которой авторское Я ставится, как правило, «на задний план». Не случайно целый ряд лингвистов указывает на то, что характерной чертой научных текстов является широкое обращение к пассивным конструкциям, позволяющим отойти от использования авторского Я, создать тон объективности и беспристрастности изложения. Не менее распространенным приемом является создание объективности изложения путем повествования от 3-го лица с тем, чтобы сосредоточить внимание читателя на основных этапах научного исследования, его результатах, а не личности автора, его чувствах и эмоциях.

Личная манера изложения в философском тексте позволяет авторам как бы непосредственно беседовать с читателем, сообщать о трудностях, с которыми сталкивается процесс познания, о колебаниях, сомнениях. В результате этого научное повествование приближается к изложению того или иного события. В этом плане особенно примечателен текст книги А.А. Королькова «Русская духовная философия», в которой строгий научный анализ органично сочетается личными авторскими размышлениями, ведущимися от первого лица, и отступлениями, в которых художественными средствами описывается личный духовный опыт. Нужно заметить, что в начале XX столетия подобная манера построения научного текста вообще была достаточно типичной [3, с. 4]. Однако можно обратить внимание на то, что частичный отказ от данного приема более характерен для текста книг, монографий, научно-популярных изданий и в гораздо меньшей степени он присущ диссертационным и учебным работам.

Возвращаясь к анализу выделенного фрагмента философского текста, отметим, что здесь оказывается особенно важным своего рода «качество» контрсубъекта дискурсивного диалога «автор–читатель». Автор пропускает ряд промежуточных аргументов, которые должны были бы заполнить логическое «пространство» от 1) положения о противоположности «бытия–небытия», раскрывающихся в акте рефлексии и экзистенциальной интроспекции, до 2) положения о начале философской логики. Подразумевается, что читателем данного текста может быть только личность, обладающая базисной философской культурой и знакомая с основными классическими философскими текстами. Автор, актуализируя языковые сигналы обращенности к классическому произведению, как бы незримо отсылает к этим текстам, вступая с ними также в диалогические отношения и делая классическую философию необходимым элементом коммуникативно-дискурсивной конструкции своего текста. Именно для такой стилистической конструкции характерна типологическая открытость текстов одного класса друг другу как прототипизация на уровне общей типологической конституции. Она выражает такую связь со старым знанием, при которой становится очевидно, что определение проблемы произошло в результате познавательной рефлексии автора над всем историческим процессом развития философской науки и ее результатами.

Таким образом, характерной чертой философского дискурса является применение авторами последних лет, тяготеющих к классическим образцам, различных способов, приемов, методов, позволяющих отойти от использования авторского Я, создать тон объективности и беспристрастности изложения.

Классический философский текст и ориентированные на классические образцы современные тексты стремятся к эксплицированности факта активности сознания человека в процессе познавательной деятельности, аргументации достоверности познанного, а также в процессе информирования о результатах познания, выраженных в языковых знаках. Способом этой экспликации и одновременно активным средством познания выступает философская рефлексия.

Литература

1. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцатый век / В. С. Библер. – М., 1991.
2. Геллер, Э. С. Синтаксические средства экспрессивности и их роль в абзаце научных текстов: дис. ... канд. филол. наук / Э. С. Геллер. – Махачкала, 1991.
3. Лаптева, О. А. Внутрителивая эволюция современной научной прозы / О. А. Лаптева // Развитие функциональных стилей русского языка. – М., 1968.
4. Рябцева, Н. К. Ментальный модуль – от лексики к грамматике / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М., 1993.
5. Чернявская, В. Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук / В. Е. Чернявская. – СПб, 2000.

СТИХОТВОРНЫЙ ТЕКСТ КАК ЧАСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Е.А. Горло

Тагирогский государственный педагогический институт

Исследование проведено в рамках гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых (МК-460.2007.6)

Стихотворный текст – это речевое произведение, вокруг которого объединяются все составляющие поэтического дискурса, в том числе: отправитель и получатель, их интенции, предположения, личностные характеристики, характеристики обстановки порождения и восприятия стихотворного текста. Рассмотрим специфические особенности стихотворного текста, исходя из перечисленных составляющих.

Отправитель стихотворного текста осуществляет творческий процесс его создания, выбирая наиболее удачные (с его точки зрения) коммуникативные ходы, актуализируя собственный образ «Я», образ «Я» получателя, образ идеального стихотворного текста [1, с. 1–5; 2, с. 1–16], обрабатывая коммуникативное сообщение (стихотворный текст) в соответствии с исходными целями, мотивами и намерениями. Поясним сказанное на примере:

Друзьям Н.И. Петровской

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.

Но смейтесь над мертвым поэтом;
Снесите ему цветок.
На кресте и зимой, и летом
Мой фарфоровый бьется венок...

[3, с. 178]

В данном стихотворении автором текста реализован образ мертвого поэта и опосредованный им образ самого отправителя (Андрея Белого), образы предполагаемых получателей: Н.И. Петровской (см. посвящение), друзей поэта (см. заглавие), а также других возможных читателей или слушателей стихотворения (см. содержание).

Получатель стихотворного текста воспринимает, декодирует и интерпретирует реальный стихотворный текст, актуализирует собственный образ «Я», образ «Я» отправителя и образ идеального стихотворного текста [3, с. 5–12; 7, с. 5–19]. Так, например, воспринимая, декодируя и интерпретируя приведенное выше стихотворение А. Белого «Друзьям», мы реализуем свой собственный образ «Я», образ мертвого поэта, опосредованный им образ А. Белого, образ Н.И. Петровской, образы друзей поэта и образы других получателей стихотворения.

Таким образом, стихотворный текст как часть поэтического дискурса представляет собой продукт двунаправленной речевой деятельности отправителя и получателя [1, с. 15–16; 5, с. 9–10]. Структура речевого акта по характеру вступающих во взаимодействие динамических систем (отправителя и получателя) может быть симметричной и асимметричной [6, с. 144–146]. Двусторонний обмен сообщениями между двумя активными субъектами (отправителем и получателем) выражается в симметричной структуре речевого акта [6, с. 22–24]: субъект (отправитель) ↔ сообщение (сообщения) ↔ субъект (получатель).

Асимметричная структура предполагает одностороннюю передачу сообщения от активного субъекта (отправителя) объекту (получателю) [6, с. 22; 5, с. 24; 10, с. 73]: субъект (отправитель) → сообщение (сообщения) → объект (получатель).

Структура речевого акта, применительно к стихотворному тексту, асимметрична [2, с. 1–19]: отправитель → сообщение (поэтический текст) → получатель.

Это значит, что позиция отправителя стихотворного текста активна. Отправитель стихотворного текста организует коммуникативную среду, в которой заранее отводит место и роль получателю, обеспечивает средства регуляции коммуникативного взаимодействия (внимание к стихотворному тексту, эмоциональный контакт с получателем, личностную включенность получателя в коммуникативный процесс), находит наиболее эффективные выражения собственных намерений и т.д.

Получатель не только интерпретирует коммуникативное сообщение (стихотворный текст), но и может в любое время остановить коммуникативный поток (например, закрыв книгу). Заранее заданная автором стихотворного текста информация (сообщение) становится кодом [7, с. 13–16], так как не прибавляет получателю каких-либо новых сведений к уже имеющимся, а переводит уже имеющиеся сведения в новую систему смыслов. Сталкнувшись, например, с такими строками:

Как перья, облаков прозрачные волокна
Сквозят, и на домах безмолвных и пустых
Мерцают тусклые завешенные окна
Зловещей белизной, как очи у слепых,
Всегда открытые безжизненные очи.
Уходит от земли светлеющая твердь.
В такие белые томительные ночи –
Подобен мраку свет, подобна жизни смерть.
[18, с. 29]

Мы не узнаем ничего нового ни о белых ночах, ни о Петербурге, мы воспринимаем уже известное по-другому: в сознании на первое место выходят сообщаемые автором образы (прозрачные волокна облаков; безмолвные и пустые дома; окна, тусклые, завешенные, мерцающие тусклой белизной, как очи у слепых; уходящая от земли, светлеющая твердь зари). Эти образы одоляют настроение тоски и подавленности. Последние строки стихотворения (*В такие белые томительные ночи – Подобен мраку свет, подобна жизни смерть*) воспринимаются на фоне созданного автором настроения уже как сами собой разумеющиеся.

Стихотворный текст как часть поэтического дискурса соотносится не только с коммуницирующими языковыми личностями (отправителем и получателем), но и с обстоятельствами, сопровождающими обстановку порождения и восприятия стихотворного текста.

Традиционно поэтические произведения считаются более сложным материалом по сравнению с прозаическими текстами в вопросах анализа и интерпретации их получателями. Это, как нам представляется, можно объяснить следующим образом. Посредством минимального количества языковых знаков в поэтическом произведении помимо информации о реальной действительности автором сообщается дополнительная прагматическая информация, которая требует от получателя определенных усилий в процессе «декодирования» текста. При этом получатель не располагает, как правило, каким бы то ни было устойчивым алгоритмом действия, напротив, сам вынужден каждый раз формировать его заново на основе особенностей структуры конкретно взятого поэтического произведения, опираясь на его фонетические, графические, морфологические, лексические, синтаксические характеристики. Субъективная интерпретация стихотворного текста получателем является следствием его субъективного восприятия. Наряду с этим, большую роль играет уровень знаний получателя о речевых средствах, заложенных от-

правителем в структуру поэтического произведения, и умение распознавать их на основе ранее приобретенного опыта в области интерпретации и анализа стихотворного текста.

Подведем итог сказанному. Стихотворный текст как часть поэтического дискурса соотносится со всеми его составляющими, в том числе с отправителем и получателем, их presuppositionами, намерениями и интенциями, а также с обстоятельствами, сопровождающими обстановку порождения и восприятия стихотворного текста. Такое соотношение обуславливает специфику стихотворного текста как части поэтического дискурса.

Анализ стихотворного текста как части дискурса, соотносящейся с другими его компонентами, позволяет перейти к динамическому изучению речевых средств, характеризующих индивидуальные особенности субъекта-отправителя, в частности: перформативные прагматические намерения и интенции, а также саморепрезентацию отправителя в поэтическом дискурсе.

Литература

1. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт; пер. с фр. Ролан Барт; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс: Универс: Рея, 1994. – 615 с.
2. Белый, А. Стихотворения / От символистов до обэриутов. Поэзия русского модернизма. Антология: в 2 кн. / А. Белый / Сост. А. Кобринский, О. Лекманов. – М.: Эллис Лак, 2001. Кн. 1. – С. 173–185.
3. Гринбаум, О. Н. Онегиинская строфа. Числа Фибоначчи. Поэтическая коммуникация (к вопросу о взаимодействии наук) [Электронный ресурс]. – Электронные данные. – 2005. – Режим доступа: http://rusnauka.narod.ru/lib/author/grinbaum_ol/1, свободный. – заглавие с экрана. – Язык рус., английский.
4. Каган, М. С. Мир общения / Проблема межсубъектных отношений М. С. Каган. – М.: Политиздат, 1988. – 315, [4] с.
5. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: ИЯЗ: Перемена, 1992. – 329 с.
6. Куликова, Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: монография / Л. В. Куликова. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2006. – 392 с.
7. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста [Электронный ресурс]. – Электронные данные 2005. – Режим доступа //: <http://artchka.agava.ru/statyi/teoriya/lotman/lotman6.html>.
8. Мережковский, Д. С. Стихотворения / Д. С. Мережковский / От символистов до обэриутов. Поэзия русского модернизма. Антология: в 2 кн. / Сост. А. Кобринский, О. Лекманов. – М.: Эллис Лак, 2001. Кн. 1. – С. 22–35.
9. Николаева, Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы / Т. М. Николаева / Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 8. Лингвистика текста: сб. науч. тр. / сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой; общ. ред. Е. В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1978. – С. 8–19.
10. Pflrer, H. Publizistik und Kommunikationswissenschaft. Ein Handbuch / H. Pflrer – Stuttgart, 2003. – 98 Seiten.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

И.А. Громова, О.Е. Розкова

Российский государственный университет им. И. Канта, г. Калининград

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 07-04-00130 «Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Контрастивный анализ данных русского, английского, немецкого языков».

Одной из определяющих задач когнитивно-дискурсивной парадигмы знания является изучение процессов познания мира в их связи с языком. Решающим фактором концептуализации мира являются социально-психологические установки, ценности, стереотипы сознания, формирующие способы видения мира и представления людей, принадлежащих к определенной эпохе и лингвокультурной общности. Изменчивость окружающего мира влечет за собой динамичность процессов мышления и восприятия: «Мир меняется, а потому меняются и наши концепции мира, и модусы самопонимания.» [4, с. 25].

Категория времени является одной из базовых категорий в человеческом сознании, которая отражает архетипные представления об устройстве мира и его развитии. Категория вре-

мени является универсальной, поскольку относится как к онтологическим категориям, отражающим устройство и существование мира, так и к когнитивным категориям, относящимся к выявлению способов познания и отражения мира человеком.

Для выражения существенной взаимосвязи временных и пространственных отношений в дискурсе необходимо ввести понятие хронотопа (что значит в дословном переводе — «время-пространство»). Данный термин широко используется в математическом естествознании и был введен и обоснован на почве теории относительности А. Эйнштейна. Являясь формально-содержательной категорией дискурса, хронотоп представляет собой условность, от характера которой зависят разные формы пространственно-временной организации дискурса. Как отмечает Е.С. Кубрякова, время и пространство ощущалось на каком-то этапе развития человека целостно и едино [5, с. 276]. Таким образом, понятие хронотопа является важным для изучения функционирования категории времени, поскольку воплощает в себе существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений в дискурсе. В характере хронотопов воплощается не только время и соответствующая ему культура, но и тип мышления о мире, который в свою очередь формируется исходя из ситуации в мире на определенном этапе развития общества.

Особой характеристикой хронотопа XX в. является то, что пространственно – временные формы становятся индивидуализированными. Языковая личность становится носителем не только персональных приоритетов в иерархии ценностей, но и носителем культуры целого народа, которая не может не проявляться в языке, выражая накопленный веками опыт, традиции, образ мышления, специфику национального сознания.

Рассмотрим фрагмент инаугурационного обращения президента США Дж. Буша 20 января 1989 г.:

“...We live in a peaceful, prosperous *time*, but we can make it better. For a *new breeze* is blowing and the world refreshed by freedom seems reborn; for in man's heart, if not in fact, the *day* of the dictator is over. The totalitarian *era* is passing, its old ideas blown away like leaves from an *ancient, lifeless tree*. A *new breeze* is blowing, and a nation refreshed by freedom stands ready to push on. There is *new ground* to be broken, and new action to be taken. There are times when the *future* seems thick as a *fog*; you sit and wait, hoping the *mists* will lift and reveal the right *path*. But this is a time when the future seems a door you can walk right through into a room called tomorrow. ...”.

В данном фрагменте политического дискурса понятийная категория времени представлена целым набором ярких концептуальных метафор с областью-источником «Неживая природа» (TIME IS BREEZE, TIME IS MIST, TIME IS FOG, TIME IS GROUND), «Живая природа» (TIME IS TREE), «Жилище» (TIME IS DOOR, TIME IS ROOM). В сознании адресата система концептуальных метафор создает своеобразный «виртуальный» хронотоп, служащий своего рода системой координат, в рамках которых происходит его самоопределение. Временная ось координат в данном фрагменте политического дискурса образуется из рассмотрения прошлого в его отношении к настоящему (национальные корни) и будущему (идеальный прообраз развития страны). Пространственная ось направлена на выделения общего пространства в географическом и культурном смысле. Очевидно также, что решающую роль при анализе играет ценностный аспект – процесс принятия или отторжения определенных ценностей, фактов и явлений, обладающих определенными характеристиками и знаковыми функциями.

А.Н. Барацов и Ю.Н. Караулов подчеркивают основную функцию метафоризации как «инвентаризации» новой категоризации на действительность или на ее отдельные фрагменты. Следствием этого является новая концептуализация ранее абстрактной сущности, которая трудно поддается рациональному осмыслению [1]. Таким образом, говоря о хронотопе политического дискурса можно утверждать, что он представляет собой единый комплекс, нагруженный многообразными историко-культурными ассоциациями от глубочайшей архаики до современности, которые активизируются посредством концептуальных метафор.

В современных работах исследующих проблему языкового времени основной акцент делается на когнитивной природе концепции времени и функциональности грамматической категории глагольного времени, обусловленной когнитивной основой [2, 3]. Таким образом, временные отношения порождаются на основе определенных когнитивных структур, связанных с категоризацией пространственного опыта. Поскольку грамматические (временные) формы глагола образуют систему межпредметных отношений особый интерес представляет выявление способов функционирования когнитивных структур в значении номинативных единиц

(именных групп), поскольку имя выражает свойство, связанное с непосредственным языковым объектом (референтом имени).

Понимание времени как когнитивной основы пространственной природы связано с включением отдельных предметов, артефактов, сущностей в структуры концептуального представления времени.

Выявление временных оттенков в значении экономических терминов позволило выделить следующие видовые категории:

1. *Повторяемость во времени.* Прототипической словообразовательной моделью для репрезентации данной категории являются производные с латинским префиксом *re-* «повторение». Необходимо отметить наличие здесь большого количества глаголов, так как они являются ключевыми для экономической науки в целом, что обусловлено важностью описания процессов, происходящих в различных отраслях экономической деятельности:

recall – to ask customers to return a company's product because it does not work or is unsafe;

reclaim – to get back something lost or owed;

refund – to give money back to, to repay (a customer);

reimburse – to pay back money to someone who has spent or lost;

redraft – to make another rough plan of a document, letter, report.

2. *Продолжительность.* В экономической терминологии зафиксированы термины с категориальным значением «период», ограниченный временными рамками:

shortbill – a bill of exchange that must be paid as soon as it is presented for payment **within 10 days**;

current liabilities – debts, which are payable on demand or **within one year**;

shortterm agreement – agreement or contract for a **short period of time**;

capital asset – an item such as land, a machine, a building or a vehicle belonging to a business and expected to **last a long time**.

3. *Последовательность событий (событий, явлений).* В экономической терминологии последовательность может выражаться при помощи словообразовательных средств, таких как префиксы с антонимическими значениями: *pre-* (до) и *post-* (после):

post-date – to put a later date (on a document, letter, cheque) than the date at the time of writing;

pretax – before tax has been deducted;

prepaid – **paid for in advance**.

Кроме этого, последовательность может выражаться с помощью лексических средств:

payment in advance – paying for goods or services **before** they have been received;

payment in due course – the paying of a bill of exchange **as soon as** it is due for payment.

4. *Одновременность.* Категория представлена в основном производными с латинским префиксом *co-*. Необходимо отметить, что процесс деривации обязательно происходит при образовании экономического термина. Готовое слово может заимствоваться из общепотребительной лексики в готовом виде:

co-ownership – the owning of property, land or business by two or more people at the same time.

co-partner – a person who works with another in business.

Таким образом, категория времени выполняет в политическом и экономическом дискурсе целый ряд функций: классифицирующую, информационную, идентифицирующую. При этом категориальные признаки темпоральности находят свое выражение при помощи различных деривационных процессов, которые концептуализируются как на уровне слова так и на уровне дискурса.

Литература

1. Баранов, А. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М.: ИРЯ, 1991.

2. Бондарко, А. В. О значении видов русского глагола / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1990. – № 4.

3. Бондарко, А. В. Предельность и глагольный вид / А. В. Бондарко // Изв. АН СССР / Сер. лит. и яз. – 1991. – № 4.

4. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. М., 1994. – № 4. – С. 17–33.

5. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М.: Институт языкознания РАН, 1997. – 330 с.

6. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст, семантика и структура. – М., 1983. – С. 227–284.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ УСТНОСТИ СУДЕБНОГО ДИСКУРСА

Е.Л. Доенко

Академия управления МВД Украины, г. Киев

Современные лингвистические исследования так или иначе связаны с особенностями использования языковых средств в реальных ситуациях общения, то есть с различными типами дискурса. Такие исследования, безусловно, чрезвычайно интересны и перспективны, но очень не просты. Особенно сложно описать устный дискурс, каковым является судебный. Связано это со спецификой фиксации устной речи (это могут быть аудио-, видео-, цифровые записи), ее транскрибирования, многими другими. Но, несмотря на трудности, исследования судебного дискурса ни в коем случае нельзя сводить к описанию опубликованных речей юристов в судебных заседаниях (хотя, следует признать, что и такие тексты часто бывают очень интересны с лингвистической точки зрения). Кроме того, нужно иметь в виду, что и на законодательном уровне и в России, и в Украине устность определена как один из принципов судебного процесса.

Приципиально для исследования судебного дискурса является дифференциация понятий устная речь (проявляемая в некодифицированных сферах общения) и устная публичная речь, которая «является кодифицированной, то есть строится по тем же правилам, что и письменная речь. Из этого утверждения, однако, не следует, что между кодифицированной устной и письменной речью нет никакой разницы» [1, с. 730]. Как же на языковом уровне отражается устный характер судебного дискурса? Важно отметить, что, несмотря на актуальность проблемы, она остается практически неизученной. И если на материале русского языка мы имеем работу М.В. Максименковой [3], посвященную устности одного из жанров судебного дискурса, то на материале украинского языка только лишь предстоит провести такое исследование. Осознавая глобальность проблемы реализации принципа устности судебных заседаний, проводимых в соответствии с процессуальным законодательством Украины, в публикации остановимся на специфике проявления некоторых синтаксических маркеров.

Материалом для исследования стиля выступления профессиональных участников судебных слушаний, речевые особенности которых очень точно определила М.В. Максименкова: «Устная форма и восприятие судебной речи на слух провоцируют в ней проявление спонтанности, а следовательно, и значительного количества разного рода устно-речевых средств и типичных синтаксических построений, иногда граничащих с РР (разговорной речью. – Е.Д.). В то же время официальность ситуации, в которой произносится судебная речь, содержательная сложность и заданная тематика приближают ее к книжным стилям литературного языка, с обязательным использованием кодифицированных языковых средств. Таким образом, можно предположить, что УЗР (устная защитительная речь – Е.Д.) находится на пересечении письменных кодифицированных разновидностей литературного языка и его устно-разговорной разновидности» [3, с. 114]. Это отчасти обусловлено тем, что такие речевые произведения проходят несколько стадий реализации в рамках судебного дискурса: 1) конспект будущего выступления в суде (то есть письменная речь); 2) устное выступление в суде; 3) протокол судебного заседания (подготовленный и воспроизведенный автором текст записывается слушателем, имеющим специальные навыки). Сразу же отметим, что тексты, читаемые с листа, не будут браться во внимание.

Выступления непрофессиональных участников судебного дискурса заслуживают отдельного исследования, поскольку их речевые черты значительно отличаются от выступлений, ставших объектом нашего наблюдения.

Итак, мы имеем дело с текстами, подготовленными как письменная речь и воспроизведенными в зале суда или являющимися компонентами диалога участников судебного заседания в ходе следствия. Остановимся на синтаксических маркерах устности, реализуемых в них и определенных такими особенностями устной речи, как спонтанность (для судебного дискурса

намного значимее слова *плотник* (соотношение рангов 732:7746). В языке Мандельштама это соотношение составляет 1682:1648, то есть слово *плотник* более значимо. И величайшие греческие драматурги становятся у Мандельштама работниками тяжелого физического труда: *Но эти злы вводит прямо в суть / Эсхила-грузчика, Софокла-лесоруба* [11, с. 267]. Даже мифологический персонаж у Мандельштама может оказаться ремесленником: *То Зевес подкручивает с толком / Золотыми пальцами краснодеревца / Замечательные дукотары-стекла* [11, с. 203–204]. Речь здесь идет о военном бинокле, сквозь стекла которого можно многое заметить. Таким образом, предмет здесь характеризуется через отношение к действию.

Существительное *рабочий* у Мандельштама в 3,5 раза значимее, чем в системе языка (соотношение рангов 1207:4234). Рабочие могут быть объектом любования лирического субъекта: *Какое лето! Молодых рабочих / Татарские сверкающие стигы* [11, с. 213].

Немало в поэтическом мире Мандельштама и работников бытовой сферы: *в корень злову шампуню / Мне вымыл парикмахер Франсуа* [11, с. 209]. Р. Дутли предполагает, что *парикмахер Франсуа* — это Вийон [9, с. 77]. Обозначения различных профессий, связанных со сферой обслуживания, находим в стихотворении «Феодосия»: *И хладнокровен среди базарных фурий / Монументальный повар с броненосца* [11, с. 151]. *Базарными фуриями* здесь, очевидно, названы рыночные торговки. Также в этом стихотворении упоминаются *циркульник* и *прачки*. Упоминание о *фуриях* вызывает ассоциации с другим стихотворением того же времени — «Концерт на вокзале». У *повара*, сохраняющего хладнокровие, есть нечто общее с Орфеем, смягчившим грозный хор теней [6, с. 182].

Наименованием лица по действию является, конечно, и слово *брадобрей*. Но в строке стихотворения «Ариост» *Власть отвратительна, как руки брадобрея* [11, с. 223] обозначает оно отнюдь не «работника сферы обслуживания», а исполнителя казни. Вспомним о том, что в Средние века палач назначался из числа цирюльников [1].

При этом в стихах Мандельштама важны и слова, называющие ученых: *Арабских песне геометр* [11, с. 229]; *Египтологи и пумпкматы* [11, с. 203]. О ворах сказано: *Теоретики ужасной казни* [11, с. 105].

Значимы в языке Мандельштама и наименования спортсменов: *И с легкостью тикель-веса / Удары отбивал боксер* [11, с. 335]. Заметим, что боксер обладает большой силой. В поэте «Спорт» спортсмен оказывается близок подлинному художнику, ему доступен мир неземной радости: *Но только тот действительно спортсмен — / Кто разорвал печальной жизни плен: / Он знает мир, где дышит радость, плясь...* [11, с. 338].

Достаточно важную роль в поэзии Мандельштама играют наименования военных: *Столби войны-кругом / На страже стынущего тела* [11, с. 318] Соотношение рангов слова *воин* 1385:2313 (на первом месте ранг слова в мандельштамовском списке, на втором — в словаре Шарова). Но, например, со словами *солдат* (749:353) и *офицер* (1622:766) дело обстоит совершенно иначе. К тому же военные в поэзии Мандельштама часто занимаются чем-то глубоко мирным: *И адмиралы в твердых треуголках / Припоминают сон Шехерезады* [11, с. 152]; *однодумь-генералы / Свой коротают век усталый, / Читая «Ниву» и Дюма...* [11, с. 104].

Мы-субъекты одного из поздних стихотворений сравнивают себя с пехотинцами: *Ды того ли разночинцы / Рассохлые топтали сапоги, / чтоб и теперь их предаст? / Мы умрем, как пехотинцы, / Но не прославим / ни хищни, ни подвешенны, / ни джми* [11, с. 205]. Слова *разночинцы* и *пехотинцы* не только рифмуются, но и отсылают к одной исторической эпохе. Слово *пехотинец* вошло в литературный язык из лексикона военных не ранее 20–30-х гг. XIX в. и впервые отмечено в Словаре 1847 г. [5, с. 465]. И примерно с 1840-х гг. стало особенно заметным влияние разночищев на развитие общественной жизни и культуры [3, с. 427]. Заметим, что именно пешее передвижение роднит героя стихотворения и разночинцев.

В идиостиле Мандельштама значимы слова, обозначающие человека в движении: *пешеход* (соотношение рангов 1174:9945), *прохожий* (2875:15682), *странник* (7383:8042), *мореплаватель* (5284:22994) и др. *Кто этот дивный пешеход?* [11, с. 122]; *И попадетесь прохожие навстречу* [11, с. 300]. Более того, слова *пешеход* и *пилигрим* оказываются заголовками стихотворений. Немало и наименований лиц, управляющих транспортным средством: *Извозчики пляшут вокруг костров* [11, с. 116]; *Кучера измывались от крика* [11, с. 155]. Мы вновь убеждаемся, что в лирике Мандельштама значима категория «движение» [14].

Обозначения профессий нередко формируют образный план произведения. Яркий пример тому находим в стихотворении «На мертвых ресницах Исаакий замер...»: *Уже выгоняет выжлятник пожар — / Линеек раскидистых стайку, / Несется земля — мейбированный шар, / И зеркало корчит всезнайку* [11, с. 247]. В этих строках говорится о последних часах певички Ляджолины Бозио. **Выжлятник** — это псарь, управлявший гончими [4, с. 412], он выгонял собак на зверя и одновременно следил за тем, чтобы они во время гона не отбивались от стаи. Мимо комнаты, в которой умирала певичка, проезжал пожарный обоз [12, с. 35]. Конечно, **линейки** — это экипажи, принадлежавшие пожарной команде. Но вместе с тем **линеек раскидистых стайку** — это ногные знаки, соединенные ребром длительности. Причем слово **стая** (в нашем случае **стайки**) в языке охотников применялось именно к гончим, а не борзым собакам. Выжлятник брал собак на особый поводок, называемый **смычком** [8, с. 240]. В этой детали опять проявляется связь мира музыки с миром охоты. Выжлятники носили одежду красного цвета — вот переключка с пожаром. (Благодарю Г. Ю. Смирнову за сведения о быте охотников). Итак, образ **выжлятника** объединяет сферу охоты, сферу пожара и сферу музыки.

Слово **всезнайка** тоже можно считать наименованием деятеля, ведь **знать** — глагол интеллектуального действия [15, с. 318]. Вероятно, **всезнайкой** назван человек, отражающийся в зеркале. Но, возможно, зеркало делает вид, что ему все известно, поскольку в нем все отражается. В этом случае по поведению характеризуется олицетворенный предмет.

Имена деятеля используются и в автохарактеристиках лирического «я»: *Кто я? Не каменщик прямой, / Не кровельщик, не корабельщик — / Деурушник я, с двойной душой, / Я пока друг, а дня застрельщик* [11, с. 177].

Лирический герой стихотворения «Квартира тиха, как бумага...» своего предполагаемого антипода и оппонента также изображает с помощью названий действий: *Какой-нибудь изобразитель, / Чесатель колхозного льна, / Чернила и крови смеситель, / Достоин такого рожка // Какой-нибудь честный предатель, / Проваренный в чистках, как соль, / Женя и детей содержатель, / Такую ухлопает моль* [11, с. 225–226]. Слово **смеситель** в системе языка не применяется к человеку [13], следовательно, здесь представлен семантический окказионализм.

Среди обозначений лица по профессии встретился и лексический окказионализм: *От смрой простыми говорящая — / Знать, нишелся на рыб звукопас — / Подвигалась картина звучащая / На меня, и на всех, и на вас...* [11, с. 245] (речь идет о звуковом кино).

Итак, в лирике Мандельштама важны наименования лица по действию. На это указывают высокие ранги данных слов, а также авторские окказионализмы и образное употребление. Имена деятеля отражают значимость категорий «сила» и «движение» в мандельштамовском поэтическом мире. Существенно, что ремесленники занимают в этом мире не менее важное место, чем художники.

Литература

1. Антонова, Елена. Палач и врач, он же простой ширюльник // Торговое дело [Электронный ресурс]. — Электронные данные. — 2003. — № 5. — Режим доступа: <http://www.torg.spb.ru/2003/arch05/paluch.htm>, свободный. — Заглавие с экрана. — Яз. рус., англ.
2. Арутюнова, Н. Д. От редактора / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Модели действия. — М., 1992. — С. 3–4.
3. Большая Советская энциклопедия. — М., 1975. Т. 21.
4. Большой академический словарь русского языка. — М.; СПб., 2005. Т. 3.
5. Виноградов, В. В. История слов / В. В. Виноградов. — М., 1999.
6. Гаспаров, Б. М. Еще раз о функции подтекста в поэтическом тексте: «Концерт на вокзале» / Б. М. Гаспаров // Литературные лейтмотивы. — М., 1993. — с. 161–186.
7. Гаспаров, М. Л. *Orpheus faber*. Груд и постоянство в поэзии Мандельштама / М. Л. Гаспаров // Избранные статьи. — М., 1995. — С. 221–235.
8. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — М., 1991. Т. 4.
9. Дутли, Р. Еще раз о Франсуа Вийоне / Р. Дутли // «Сохрани мою речь...». — М., 1993. № 2. — С. 77–85.
10. Еськова, А. Д. Поэтический мир О. Мандельштама как социум (заметки к теме) / А. Д. Еськова // Основные проблемы современного языкознания: сборник статей Всероссийской конференции (с международным участием). — Астрахань, 2007. — С. 17–19.
11. Мандельштам, О. Полн. собр. Стихотворений / О. Мандельштам. — СПб., 1997.
12. Мандельштам, О. Э. Египетская марка / О. Э. Мандельштам // Собр. соч. : в 4 т. — М., 1991. — Т. 2. — С. 3–42.

13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Электронные данные. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
14. Панова, Л. Г. Du mouvement avant toute chose, или движение в поэзии О. Мандельштам / Л. Г. Панова // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна, 1999. – С. 444–455.
15. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М., 1999.
16. Шаров, С. А. Частотный словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Электронные данные. – Режим доступа : <http://www.artint.ru/projects/frqjlist.asp>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Н.О. Ильина

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Изображение действительности, оценка и объяснение ее явлений и сторон в художественном тексте совершается своеобразно: это не простое воспроизведение или констатация факта, а эстетически опосредованное отражение жизненных явлений. В тексте художественного произведения любые отвлеченные понятия, а тем более чувства, эмоции, даются максимально точно, выразительно, чувственно-конкретно. Для усиления образной выразительности в художественном тексте используются специальные образные средства языка. Мы употребляем термин «образные средства языка» в узком смысле, применительно к эпитетам, метафорам, сравнениям и другим тропам, хотя мы и не отрицаем образный потенциал любого слова, возможности его образного функционирования. Образные средства не только конкретизируют понятия и придают оцветимость, выпуклость изображаемому, способствуют созданию предельно ярких представлений о предмете.

Изображая внутренний мир героев, интерпретируя различные эмоциональные состояния, писатель наиболее часто прибегает к использованию именно образных средств языка, ибо, как известно, сами эмоции недоступны прямому наблюдению. В отличие от ментальных состояний, которые достаточно легко вербализуются самим субъектом, эмоции очень непросто перевести в слова, описывающие их наиболее точно. Как правило, в тех случаях, когда прямое объяснение какого-либо явления по той или иной причине невозможно, говорящий (либо автор) использует различные окольные пути, которые по его предположению, позволяют достигнуть наибольшей степени точности, выразительности, в конечном итоге, адекватного восприятия адресатом. Один из этих путей – метафорический, при котором потребность выделить этакую-либо необходимую автору сторону явления осуществляется путем переноса значения одного слова на другое на основании сходства формы, цвета или других свойств ими обозначаемых. Рассмотрим метафорическое представление эмоций в цикле И.А. Бунина «Темные аллеи».

В образном представлении эмоциональных состояний, воплощенных в цикле рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи», метафора играет значительную роль. Анализ рассказов обнаруживает, что, описывая чувства, эмоции героев, И.А. Бунин, опирается на концептуальную метафору, решающую осмысление этих абстрактных явлений в терминах явлений другого рода. При этом наиболее часто концептуализируется мотивный смысл «любовь». Это вполне закономерно, ибо изображение любовных переживаний является доминантным в цикле в силу авторского замысла и основной темы, объединяющей рассказы. В цикле «Темные аллеи» метафорическое осмысление любви идет по нескольким направлениям, поскольку автор изображает данное чувство в чрезвычайно многообразных проявлениях. Анализ показывает, что наиболее часто автор метафорически осмысляет любовь как болезнь и безумие. В художественном пространстве цикла «Темные аллеи» было выявлено 25 примеров концептуальных сближений понятий «любовь» и «болезнь» и 11 примеров концептуальных сближений понятий «любовь» и «безумие».

Рассмотрим концептуальную метафору «любовь – это болезнь». Мотивировкой сближения этих двух понятий служит то, что физическая и душевная боль воспринимается человеком как очень близкие сущности, а их воздействие вызывает сходные поведенческие реакции. Метафорическая взаимосвязь понятий «любовь» и «болезнь» проявляется прежде всего в структуре выражений, которые принято называть «симптомагическими» (термин Ю.Д. Апресяна), которые описывают физическую реакцию человека на какую-либо эмоцию. Ср.: – Дядька

же я могла! Сердце заходило, как ты приезжая. («Дубки»); Но при этой мысли так проза-до воспоминание о бархатистости ее вишневых губ, что отнимались руки и ноги («Зойка и Валерия»); Сердце у меня колотилось уже в самом горле, било в виски. Я поднялся и, шатаясь, пошел вон («Муза»). Индивидуальный почерк И.А. Бунина проявляется прежде всего в чувственной конкретности описания эмоционального состояния героя, что позволяет добиться наибольшей точности, выразительности, яркости создаваемого образа.

В образных выражениях, реализующих концептуальное сближение понятий «любовь» и «болезнь», часто центральными, опорными словами выступают сердце, душа, которые обозначают своеобразные «органы чувств» и участвуют в изображении внутреннего состояния человека. Ср.: В оставшие спросил в номер бутылку кавказского коньяку и стал пить чайными чашиками, в надежде, что у меня разорвется сердце... («Наталья»). Выражение *разорвется сердце* ассоциативно предполагает болезненные, мучительные ощущения, сопутствующие эмоциональному состоянию. Авторски своеобразным представляется другой пример, в котором это же метафорическое выражение имеет более развернутый состав компонентов, формирующих образ. Ср.: И молодость, красоты всего этого, и мысль о ее красоте и молодости, и о том, что она любила меня когда-то, вдруг так разорвали мне сердце скорбью, счастьем и потребностью любви... («Наталья»). Своеобразным представляется объединение в структуре микроконтекста образного выражения слов, обозначающих противоположно направленные эмоции, - скорбь, счастье, любовь. Исследователи отмечают бунинское представление о странной природе человеческой души, когда противоположные чувства одновременно живут в душе человека. Ю. Малышев считает, что это открытие равнозначно джойсовскому открытию синхронности мыслей в потоке сознания.

В контексте метафорического воплощения эмоциональных состояний нематериальная душа, подобно такому материальному органу, как сердце, участвует в реализации многообразия конкретно-чувственных представлений, раскрывающих своеобразие и остроту чувств, переживаний героя. Ср.: И мирное счастье всего этого – сумерек, закатов – и все еще что-то обещающая мука ее присутствия, ее существования возле него... *Разрывающая душу мука любви к ней* – и ее беспощадное равнодушие, отсутствие («Зойка и Валерия»); Многие знали, что еще в Константинополе его бросила жена и что он и живет с тех пор с постоянной рваной в душе («В Париже»). В представленных примерах конкретно-чувственное содержание метафорического выражения выдвигается на первый план благодаря лексемам *мука* – 'сильное физическое или нравственное страдание', *рана* – 'повреждение от внешнего воздействия', семантика которых предполагает болезненные физические ощущения, таким образом, формируется образ «страдающей души». Актуализация семантического признака «боль», «мука» свидетельствует о концептуальном сближении понятий «любовь» и «болезнь».

Анализ метафоры как структурно – текстового элемента доказывает, что метафора, с одной стороны, участвует в организации контекста, выполняя текстообразующую роль, а, с другой стороны, часто темы метафорического образа как бы рождаются из темы контекста и из той ситуации, которая описывается. Кроме этого, метафорический контекст обнаруживает способность актуализировать многозначность слова, реализуя одновременно его несколько семантических блоков. Рассмотрим данное утверждение на примере из рассказа «Таня». Ср.: *Не понимаю, что с тобой. Ты просто не здорова*

...*Вот оттого-то, верно, и не мила я вам стала. А чем же я больна?.. Ты меня не понимаешь. Я говорю, что ты душевно нездорова...* Слово «нездорова» характеризуется семантической осложненностью и, как следствие этого, неоднозначностью восприятия, толкования. Об этом свидетельствует контекст: героиня воспринимает прямое значение слова «нездорова». Далее двойственность в прочтении семантики слова снимается благодаря уточнению «душевно нездорова», тем самым значение слова переключается на несколько иное содержание, проявляется образный контекст. В свою очередь образное выражение «душевно нездорова» также допускает два плана восприятия: с одной стороны, имеется в виду состояние внутренней дисгармонии, отсутствие эмоционального равновесия, а с другой стороны, накладываются дополнительные смысловые оттенки, представления, ассоциации - образ «душевно нездорова» в данном контексте передает состояние, когда душа «болеет» от тоски, разлуки, неоплотности мечты о счастье. Подобная смысловая двумерность выражения, предполагающая компрессию разных смыслов в одном образе, является отображением ситуации, рисуемой в тексте, при этом образный смысл складывается исподволь, заранее.

Так, метафорическое выражение «душевно нездоров» является своеобразным итогом, которому приходит герой, анализируя внутреннее эмоциональное и внешнее физическое состояние Тани.

Таким образом, анализ художественного текста подтверждает, что душевная и физическая боль воспринимается человеком как очень близкие сущности, а их воздействие вызывает сходные поведенческие реакции. Это и обуславливает концептуальное сближение понятий «любовь» и «болезнь».

В художественном тексте, эстетически организованном мыслью писателя, проявляется индивидуальное авторское своеобразие словесной организации образа, предпочтительности лексических средств и значений. Применительно к метафорическому сближению понятий «любовь» и «болезнь» индивидуальным почерком И.А. Бунина проявляется, прежде всего, в чувственной конкретности создаваемого художественного образа. Элементы чувственно-конкретного описания различных физических ощущений позволяют добиться наибольшей точности, выразительности, яркости образных выражений, рисующих эмоциональное состояние персонажей.

ДЖАЗОВАЯ ФОРМА И АРХИТЕКТОНИКА РОМАНОВ ТОНИ МОРРИСОН (опыт интермедального анализа)

О.В. Каркавина

Университет Российской академии образования, Рубцовский филиал, г. Рубцовск

В понятийный аппарат литературоведов, лингвистов давно проникли такие термины как «мелодика», «полифония», «политимия», «соничность». Данный факт позволяет сделать вывод о том, что «музыкальность» рассматривается как возможное свойство литературно-художественного текста. Тема взаимодействия искусств стала популярной уже в эпоху Просвещения. Несколько позже появились первые ученые изыскания в этой области. К ним можно отнести труды Вильгельма Альбрехта Эдуарда Ганслика, появившиеся в середине XIX в.. Кристаллизация проблематики интермедальных исследований произошла, как и в других науках, в XX в., в значительной мере из-за отождествления законов построения текста и культуры. Интермедальность стала самостоятельной сферой исследований и одним из перспективных и интересных направлений литературоведения и лингвистики. Термин «интермедальность» вошел в один ряд с такими понятиями как «интертекстуальность» и «синтез искусств». В 1968 г. вышла монография Стивена П. Шера, в которой автор ввел понятия «вербальной» и «словесной» музыки. Кроме того, он предложил три способа репрезентации звучащего, музыкального в литературе [6]: 1) словесная музыка – литература пытается заимствовать средства выражения музыки, стремится к музыкальности слога; 2) уподобление словесного текста той или иной музыкальной форме; 3) вербальная музыка – литература стремится воссоздать музыкальный художественный мир. В рамках данной работы будет проведена попытка проследить степень сходства джазовой формы и архитектоники романов американского автора Тони Моррисон.

На сегодняшний день, это, пожалуй, наиболее распространенный путь выявления музыкально-литературных корреляций. Однако, как отмечают многие исследователи, в частности И. Борисова [1], Б. Кац [2], подобные опыты не всегда правомерны. В нашем случае вопрос о справедливости, неоправданности такого подхода не возникает, так как в предисловии, например, к роману *Джаз* Тони Моррисон раскрывает свой художественный замысел, поясняя свое желание не просто написать роман о джазе, а сделать это таким образом, чтобы сам текст стал воплощением этого музыкального стиля: «Я не хотела, чтобы у романа был просто музыкальный фон. Я хотела, чтобы роман стал воплощением джазовой чувственности, анархии, его истории, ритма и повизны» [5].

Типичной формой джазовой пьесы является тема с вариациями. В начале пьесы играет совместно ряд инструментов. Затем поочередно выступают исполнители в сольных вариациях. Кульминация и завершающий момент пьесы – последнее появление рефрена с участием всего состава. А теперь, попробуем разобраться в том, как построено развитие сюжета в романе *Джаз* [5]. Весь основной сюжет раскрыт буквально в первых двух параграфах первой главы. Читатель узнает о любовном треугольнике: Джо – Виолет – Доркас, об убийстве Доркас ее любовником, о попытке Виолет причинить увечья уже мертвой Доркас. Постепенно, по ходу ро-

чье мы узнаем детали произошедшего от лица каждого из героев: Виолет (глава 4), Джо (главы 5, 7), Доркас (глава 8), Филлис (глава 9). В этих случаях повествование ведется от первого лица. В большей части эпизодов используется несобственно-прямая речь – прием, который позволяет опосредованно слышать голоса, мысли основных и второстепенных персонажей. В конце романа повествование ведет рассказчик. В последней главе даются краткие сведения (в среднем, по одному параграфу) о том, как сложилась жизнь каждого из персонажей после описываемых событий. Таким образом, структура романа несомненно напоминает построение джазовой пьесы: краткое содержание всего романа (тема в джазовой пьесе) – представление событий с точки зрения каждого из персонажей (соло отдельных инструментов, вариации темы) – краткое описание изменений внесенных трагедией в жизнь всех участников описываемых событий (последнее появление темы с участием всего состава). Для джазовой композиции также характерно наличие краткой виртуозно-импровизационной вставки со сложной и капризной ритмикой ('break'). В последней главе романа читатель сталкивается с подобным явлением. Рассказчик высказывает свои мысли и ощущения в свете произошедших событий. Это рассуждение с глубоким философским смыслом, который не так легко уловить: мысли о ценности любви и взаимопонимания, о том, насколько трудно построить и сохранить отношения, основанные на доверии и взаимоуважении.

Одной из основных черт джазовой музыки является прием респонсорной переключки, другими словами, прием «вопрос и ответа» ('call-and-response pattern'). Этот прием находит свое отражение и в структурной организации *Джаза* Тони Моррисон. Это, пожалуй, наиболее заметное проявление сходства музыкального стиля и художественного текста. Прием респонсорной переключки используется на стыке глав. Каждая последующая глава начинается либо ответом на поставленный вопрос, либо комментарием к последнему предложению предшествующей главы. Кроме того, следуя импровизационной природе джаза, каждый ответ, комментарий ('response') открывает новое направление развития основной идеи, темы. На языковом уровне это, прежде всего, проявляется использованием повторов (повторов-подхватов, повторов морфем), а также неполных предложений в качестве ответа или комментария мысли. Рассмотрим несколько примеров. В конце 7 главы Джо пытается найти свою мать, которая отказалась от него сразу после его рождения, и которую он никогда не видел. Глава заканчивается его вопросом: "But where is she?" Глава 8 начинается ответом на этот вопрос: "There she is". Однако, несмотря на повтор местоимения 'she', здесь оно обозначает совсем другого человека. Оно относится к возлюбленной Джо – Доркас, которую он также пытается найти, чтобы выяснить их запутанные отношения. Таким образом, здесь дополнительно присутствует момент неожиданности, непредсказуемости, в какой-то степени эффект обманутого ожидания, столь характерные для джазовой музыки. Глава 8 заканчивается фризой умирающей Доркас: "I don't know who is that woman singing but I know the words by heart". Глава 9 начинается односоставным предложением "Sweetheart" (повтор корня), которое уже служит для описания погоды.

Построение сюжетной линии в романе *Возлюбленная* [4] также во многом сходно с построением джазовой темы с ее постоянным варьированием. Нить повествования незаметно переходит от одного персонажа к другому, одни и те же события представлены с позиций разных героев. Таким образом, происходит бесконечное развитие и изменение основных мотивов и тем. Так, автор и его персонажи на протяжении всего романа возвращаются к истории рождения Денвер, к эпизоду насильственного сцеживания молока у Сеф. Каждое появление того или иного эпизода, истории обрастает новыми деталями. Обратимся к тем отрывкам текста, которые по своему построению максимально ярко напоминают структуру джазового исполнения. Речь пойдет о нескольких главах второй части романа. Одним из ключевых элементов джазового исполнения является так называемый джем-сешн ('jam session'). Под этим термином понимается свободное совместное музицирование нескольких исполнителей, в ходе которого происходит обмен идеями или соревнование в искусстве импровизации [3, с. 52]. Каждый последующий солирующий исполнитель включает в свою часть некоторые элементы (мотивы), которые были замечены в выступлении предыдущего солиста, варьирует их, импровизирует. Джем-сешн обычно заканчивается совместным звучанием всех инструментов. В джем-сешн часто используется прием, получивший название рифф ('riff'). Рифф представляет собой короткую, легко запоминающуюся мелодическую фразу (обычно 2 или 4 такта), многократно повторяемую группой инструментов или всем оркестром с незначительными мелодическими или

гармоническими изменениями при повторении. Иногда серия риффов проводится в виде респонсорной переключки между группами инструментов оркестра [3, с. 102]. Последние главы второй части *Возлюбленной* служат прекрасной демонстрацией практики джем-сешн в литературном тексте. Первые строки каждой из глав наглядно демонстрируют то, что каждый из поворящих по-своему варьирует одну тему: "Beloved, she my daughter. She mine" (глава 2, повествование от лица Сеф); "Beloved is my sister. I swallowed her blood right along with my mother's milk" (глава 3, повествование от лица Денвер); "I am Beloved and she is mine" (глава 4, повествование от лица Возлюбленной). Каждый персонаж продолжает развитие темы в соответствии со своим характером, своим настроением, мыслям и чувствам. После второго выступления Возлюбленной все голоса объединяются в едином звучании, появляются все те же вариации, но уже в форме респонсорной переключки. Начинают Сеф и Возлюбленная:

"Tell me the truth. Didn't you come from the other side?"

Yes, I was on the other side.

You came back because of me?

Yes."

Затем происходит диалог между Денвер и Возлюбленной:

"We played by the creek.

I was there in the water.

In the quiet time, we played.

The clouds were noisy and in the way..."

После этого все три голоса объединяются в одновременном звучании:

"Beloved

You are my sister

You are my daughter

You are my face; you are me"

Таким образом, сходство формы джазовой пьесы и литературного произведения может проявиться по-разному: как на уровне целого текста, при этом как в музыке, так и в литературе развитие темы проходит по схожему сценарию; так и на уровне нескольких глав, когда в литературном тексте используются некоторые элементы джазового выступления (джем-сешн, рифф, брейк).

Литература

1. Борисова, И. Перевод и граница: перспективы интермедиальной поэтики [Электронный ресурс]. – Электронные данные. – Режим доступа : www.utoronto.ca/tsg/07/borisova07.shtml, свободный доступ. – Яз. рус., англ.
2. Кац, Б. А. Музыкальные ключи к русской поэзии / Б. А. Кац. – СПб, 1997.
3. Королев, О. К. Краткий энциклопедический словарь музыки. Джаз. Рок. Поп / О. К. Королев. – Москва, 2002.
4. Morrison, T. *Beloved* / T. Morrison. – New York : Vintage International, 2004.
5. Morrison, T. *Jazz* / T. Morrison. – New York : Vintage International, 2004.
6. Scher, St. P. *Verbal Music in German Literature* / St. P. Scher. – New Haven, 1968.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

С.В. Коломнец

МОУ Средняя школа № 61, г. Новокузнецк;

В.А. Каменева

Кемеровский государственный университет, г. Новокузнецк

Человек как существо социальное живет в реальном мире, однако ориентируется в нем и совершает свои действия на основании тех представлений о действительности и ее описаниях, которые вырабатывались на протяжении всей истории. Эту обусловленность человеческого бытия определяют как информационное пространство.

В свою очередь именно государство и люди, имеющие власть формируют содержание информационного пространства, определяющего нашу жизнь в реальном мире [5, с. 87–97].

В рамках информационного пространства реализуются все коммуникативные дискурсы как общепринятые модели вербального поведения людей, опосредующие социальные процессы. Любой дискурс порождает текст – конкретный материальный объект, отображающий специфику взаимодействия людей при создании информационной среды в той или иной сфере деятельности. Наиболее существенными в плане формирования информационного пространства выступают политический, педагогический, научный и публицистический дискурсы. Публицистический дискурс наиболее полно отвечает задачам формирования общественного мнения, позиции общества к той или иной проблеме, так как он более мобильный и позволяет охватить более массовую аудиторию.

События и факты, о которых трактует публицистика, разворачиваются, развиваются, прежде всего, в духовном пространстве. Оно может заполняться политическими, религиозными и прочими идеями. Виды публицистического пространства логично классифицировать по характеру развивающихся в нем идей: политическое, религиозное, экономическое, правовое и т.д. Однако главный вид публицистического пространства – социальное. Практически все публицистические сюжеты развиваются в социальном пространстве (семья, социальный слой, народ, нация). Содержание публицистического дискурса составляют идеи, имеющие социальное значение, социальный статус. Любая идея, мысль развивается на социальном фоне. Именно социальное пространство образует содержательный каркас, содержательную форму, в которой действуют, развиваются идеи политические, философские и т.д. [7, с. 14].

Публицистический дискурс – это передача когнитивного содержания, вкладываемого адресантом, адресату через посредство текста в его лингвистическом воплощении и заложенных в нем определенных стратегий подачи информации.

Т.А. Ван Дейк, рассматривая публицистический дискурс, говорит о том, что, средства массовой информации предписывают не столько, что люди должны думать, а, то, как они должны думать [2].

Западные исследователи определили восемь основных функций средств массовой информации:

1. Наблюдение за современными событиями, способными положительно или отрицательно воздействовать на благополучие граждан.
2. Определение ключевых социально – политических проблем, включая их происхождение и возможности решения.
3. Предоставление «трибуны» для людей, представляющих и защищающих интересы аудитории.
4. Передача разнообразной информации как от различных сторон и групп, так и о них.
5. Внимательное наблюдение за государственными чиновниками, общественными институтами и другими органами власти с целью контроля их действий и политики.
6. Информирование и побуждение граждан к активному участию в политических и общественных процессах.
7. Принципиальное противостояние внешним силам, пытающимся разрушить независимость СМИ.
8. Почтительные отзывы об аудитории как о заинтересованных, здравомыслящих и активных гражданах [1, с. 337].

Среди данных функций первое место занимает информативная и регулятивная функции. И если информативная функция более чем очевидна, так как мы часто обращаемся к СМИ, как источнику информации, то регулятивная функция скрыта. Она служит для организации и регулирования социально – политических процессов, воздействия на аудиторию, контроля над общественным мнением и управления с помощью языка [3, с. 199].

Реализуя, свою регулятивную функцию публицистический дискурс направлен на формирование массового сознания, которое определяется в современной научной литературе как «отражение «массовыми общностями» различных сторон социальной реальности», на сознание групповое («тип общественного сознания, совокупность групповых чувств, ценностных ориентаций и идеалов, представлений о групповых целях, путях и средствах их достижения») и индивидуальное («совокупность особых мотивов, целей и интересов, которыми обладает индивид»), что определяет характер его взаимодействия с другими людьми» [4, с. 390]

Функции публицистического дискурса влияют не его форму, определяют способы, механизмы и средства трансляции установок.

Будучи когнитивным процессом, дискурс включает в себя особенности представления подачи информации, а также особенности ее восприятия [6, с. 50–55].

Таким образом, адекватное описание механизмов текстообразования в СМИ возможно в рамках модели информирование – воздействие. И если в литературном произведении выбор языковых форм подчинен художественному замыслу автора, то в публицистических текстах этот выбор обусловлен коммуникативно – прагматическими факторами: формированием общественного мнения вокруг тех или иных социальных событий. Данные факторы и определяют структуру газетного текста и формируют его коммуникативно- прагматический потенциал.

Литература

1. Брайтман, Д. Основы воздействия СМИ / Д. Брайтман. – М., 2004.
2. Ван Дейк Язык. Познание. Коммуникация / Ван Дейк. – М., 1989.
3. Желтухина, М. Р. Топологическая сущность масс-медиального дискурса / М. Р. Желтухина. – М., 2003.
4. Кравченко, С. А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь / С. А. Кравченко. – М., 2004.
5. Манаенко, Г. А. Специфика дискурса масс-медиа в современном информационном пространстве / Г. А. Манаенко // ВМГУ. Серия 10. – 2005. – № 1.
6. Менджерияк, Е. О. Термин «дискурс» и типология медиадискурса / Е. О. Менджерияк // ВМГУ. Серия 10. – 2006. – № 2.
7. Солганик, Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиа-текст» / Г. Я. Солганик // ВМГУ. Серия 10. – 2005. – № 2.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Н.М. Копысова, В.А. Каменева

Кемеровский государственный университет

Особым видом дискурса как одним из наиболее очевидных свойств газетных и журнальных сообщений является публицистический дискурс. «Публицистический дискурс обладает огромной, подчас скрытой силой, чье влияние осуществляется путем различного рода потоков информации, способов ее изложения и представления читателю и т.д.» [7, с. 54]. Публицистический дискурс понимается нами как идеологически структурированное печатными средствами массовой информации единство письменного текста и прагматических, политических, социокультурных, психологических факторов, которые представляют собой символический порядок, систему, в рамках воспроизведения, построения и/или корректировки социальной действительности и процесса восприятия данного социального контекста.

Изучение публицистического дискурса включает не только эксплицитное описание структур самих по себе. Главным в исследовании текстов массовой коммуникации является расширение понимания контекстуальной перспективы дискурса. Публицистический дискурс неразрывно связан с социальным контекстом. [2, с. 67–68].

Публикация выступает как продукт и объект коммуникативно-познавательной деятельности человека. По мнению У.Л. Риверс, У. Шрам, Д. Цитром, все знания и представления человека об окружающем его мире стандартизируются и структурируются под влиянием различных общественных институтов – прежде всего, средств массовой информации, особенно печати [6, с. 158; 13, с. 5–15]. Газетно-публицистический текст предназначен для широкого круга читателей и посвящен общественным или политическим вопросам (события политической жизни, явления культуры, проблемы морали и т.п.) в их актуальном для данного времени значении. Текст современных средств массовой информации состоит из чрезвычайно разнородных материалов. Но все они объединены общими целями, находящими свое выражение в функциях публицистического дискурса. Рассмотрим основные и наиболее характерные для публицистического дискурса функции:

1 функция – информационная, влияет на общественное мнение через языковые средства, опираясь на словесную информацию об актуальных событиях и фактах повседневной жизни в социальном, политическом, культурном, научном, духовном, экономическом и т.д. аспектах [7].

Большую часть информации о малейших изменениях, как в своей стране, так и за рубежом, мы получаем посредством электронных и печатных средств массовой информации. Их особенностью является возможность повторного обращения к информации и критический анализ подлинной информации в свете происходящих событий [13].

2 функция – воздействующая, в качестве влияния на читателей и манипулирования их сознанием [4, с. 217; 6, с. 156]. Речевое воздействие, осуществляемое публицистическим дискурсом, следует понимать как целенаправленное воздействие в рамках речевого общения на интеллектуальную и эмоциональную стороны восприятия человека.

Каждое высказывание следует рассматривать не просто как акт речи, то есть произнесение определенным способом скомбинированных звуков, а речевое действие, при помощи которого нами осуществляется некое социальное действие. Данное социальное действие заключается в том, что мы вступаем с собеседником или собеседниками в определенные социальные отношения, в силу которых принимаем на себя определенные взаимные, как правило, не всегда симметричные обязательства и получаем некие права. В ходе данного процесса изменяется и наше поведение, и наша последующая деятельность [3, с. 66].

Речевое воздействие может рассматриваться как сложное социопсихолингвистическое явление, в ходе которого происходит изменение деятельности адресата и отправителя речевого сообщения. При передаче сообщения, которое «порождается» текстом, происходит управление сознанием человека посредством языка [5, с. 3].

3 функция – рекламная: стимулирование потребления рекламируемых товаров и услуг, престижного образа жизни, действий и, как результат образа мысли [1; 9; 11; 12].

Установка на стимулирование потребления рекламируемых товаров, поддержания престижного образа жизни, действий и мышления постоянно циркулирует в прессе. Навязывание тех или иных продуктов потребления сопровождается созданием необходимых социальных установок на мотивирование читателя следовать указанным путем, жить указанной ему жизнью, желать и стремиться добиться того, что подается в рамках публицистического дискурса как престижное и желанное [3, с. 67].

4 функция – конструирование социальной действительности [10] при помощи единиц тех или иных идеологий. Языковая репрезентация идеологии извлекается из социального и лингвистического контекста репрезентации идеологием [3]. Скрытость протекающего процесса дискриминации отдельных «непривилегированных» социальных групп, происходит в рамках идеологических технологий. Доминирующая группа старается склонить подчиненные группы к принятию своего положения, а также насильственно навязывает свою идеологию, которая преподносится как интересы общества в целом.

Исследователи публицистического дискурса (Беккер, Беркнер, Гойхман, Желтухина, Козова, Михалева Надеина, Fairclough, Rivers, Williams и др.) выделяют еще несколько функций: развлекательную, оценочную, творческую, семиотическую, интертекстуальную, суггестивную, пропагандистскую, образовательную, культурно-просветительскую, манипулятивную, функция социализации подрастающего поколения и источника некоторых ценностных ориентиров.

Литература

1. Беккер, А. В. Особенности функционирования ассимилированной иноязычной номинации в британской и американской прессе / А. В. Беккер // *Английский лексикон: познание и культура*. – М., 1997. – Вып. 438.
2. Каменева, В. А. Понятия дискурса. Особенности публицистического дискурса. Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе и школе : сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции / В. А. Каменева. – Пенза : РИО ПГСХА, 2005.
3. Каменева, В. А. Лингвокогнитивные средства идеологической природы публицистического дискурса (на материале американской прессы) / В. А. Каменева. – Новокузнецк : КузГПА, 2006. – 236 с.
4. Медведев, С. Ю. Специфика языка печати как средства массовой коммуникации / С. Ю. Медведев // *Роль языка в средствах массовой коммуникации*. – М., 1986.

5. Найденов, О. Ю. Прагматические аспекты оптимизации речевого воздействия языка средств массовой коммуникации (на материале торговой рекламы в российских печатных изданиях) / автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Ю. Найденов. – М., 2000.
6. Трошина, Н. Н. Лингвопрагматический аспект текстов массовой коммуникации / Н. Н. Трошина // Роль языка в средствах массовой коммуникации. – М., 1986.
7. Швейцер, А. Д. Введение в социолингвистику / А. Д. Швейцер. – М., 1978.
8. Czitrom, D. J. Media and American Mind: from Morse to McLuhan / D. J. Czitrom. – 1982.
9. Embree, A. Media Images. Madison Avenue Brainwashing – the Facts / A. Embree // Sisterhood powerful. – N Y, 1970.
10. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. – London, 1989.
11. McLaughlin, S. D. The Changing Lives of American Women / S. D. McLaughlin. – London, 1982.
12. Reah, D. The Language of Newspapers / D. Reah. – London, 1998.
13. Rivers, W. L. The Impact of Mass Communication / W. L. Rivers // American Mass Media Industries and Issues. – N-Y, 1982.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАЗГОВОРНОСТИ В ОРИГИНАЛЬНОМ И ПЕРЕВОДНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Л.Н. Козлова

Брянский государственный университет

В Лингвистическом энциклопедическом словаре (гл. ред. В.Н. Ярцева) в качестве специфических характеристик разговорной речи, в которых проявляются ее основные свойства, указываются: неподготовленность, линейный характер, ведущий как к экономии, так и к неточности речевых средств, непосредственный характер речевого акта [6, с. 407].

Перечисленные особенности разговорной речи (РР) определяют основные лингвистические характеристики РР. Задача данной работы – рассмотреть лингвистические характеристики разговорности в оригинальном и переводном художественном тексте. В качестве фактического материала использовались оригинальные и переводные произведения Людмилы Улицкой (роман «Медя и ее дети», повести «Веселые похороны» и «Сквозная линия»).

Следует отметить, что «писатель, даже самый убежденный и талантливый реалист, может непосредственно отобразить в ткани художественного произведения реальную распространенность устно-разговорных фактов». [1, с. 64] Но, с другой стороны, использование разговорных языковых средств в целях стилизации под устно-разговорную речь весьма характерно для художественного текста, выполняющего, помимо прочих, и функцию воздействия. Конечно, немалую роль при этом играет авторский замысел.

В исследуемых нами художественных произведениях были выявлены следующие лингвистические характеристики разговорности:

1. Неподготовленность/спонтанность РР обуславливает наличие в художественном тексте самоперебивов, пауз, логико-содержательных ошибок. Приведем примеры:

– *Дети наши... того... разбились насмерть... – С Машей? – только и нашла ствол Александра. – Нет, Маша на даче... Они на дороге... забирать ее хотели... – прослезил генерал* (Они разбились на дороге, когда ехали на дачу забирать Машу).

– *Я рада, Левушка, что тебе нравлюсь. Ты очень изменился, но, знаешь, неплохо, ведь солидный, капитальный господин.* (Ты очень изменился, но выглядишь неплохо, как солидный капитальный господин).

– *Веришь ли, такое напряжение, у самой-то давление стало, еле хожу... Жара эта гонимая еще... Вот, принесла последнее... (От большого напряжения поднялось давление, трудно ходить, особенно в жару, но, не смотря на это, я принесла последнее (лекарство)).*

Из первого примера видно, что с помощью самоперебивов и логико-содержательных ошибок автор передает и эмоциональное состояние героя, его подавленность, вызванную смертью детей.

В переводе данных примеров общий характер логического содержания сохраняется:

"Unsere Kinder... sie haben einen Unfall, sie sind tot..." – "Mit Mascha?" konnte Sandra nur fragen. – "Nein, Mascha ist auf der Datscha. Sie waren unterwegs... wollten sie abholen...", schiefte der General.

"Ich freue mich, dass ich dir gefalle, Ljowa. Du hast dich sehr geändert, aber gar nicht mal so übel, bist ein richtig solider, kapitaler Herr."

"Glaub mir, das ist ganz schön anstrengend ß mein Blutdruck, ich kann mich kaum noch auf den Beinen halten. Und dann diese verfluchte Hitze. Hier, ich hab den Rest mitgebracht."

2. Линейный характер РР ведет как к экономии, так и к избыточности речевых средств. В художественном тексте языковая экономия проявляется, главным образом, в эллиптичности, неполноте предложений:

– Тебя проводить или сама добежишь? – Сама

Перевод: *"Soll ich dich bringen oder läufst du allein rüber?" – „Allein."*

– Ты где остановишься? – В «Октябрьской».

Перевод: *"Wo wohnst du?" – "Im Oktjabrskaja".*

– Пап, а на море? – просунулся Артем. – Вряд ли, – с открытым раздражением бросил он сыну...

Перевод: *"Papa, geh'n wir ans Meer?" – wagte sich Georg hervor. – "Kaum", warf Georg mit unterdrücktem Ärger dem Sohn hin...*

Языковая избыточность, обусловленная, по сути, устным характером речи, встречается в художественном тексте при стилизации РР также довольно часто. Она может быть выражена повторами, переспросами, частым употреблением частиц и междометий. Например:

– Он очень мне нравится... он очень интересный человек... он тебе очень хорошо известен.

Перевод: *"Er gefällt mir sehr, er ist ein sehr interessanter Mann... du kennst ihn sehr gut..."*

– Вы, пожалуйста, возьмите, возьмите. Я же не могу их выбросить. Нам на что? Мы же не верушки.

Перевод: *"Nehmen Sie bitte, nehmen Sie sie. Ich kann sie doch nicht wegwerfen. Was sollen wir damit, wir sind doch nicht gläubig".*

– «Кушайте, кушайте! Борщ кушайте! Сметанку вот положите! Хлебушка!»

Перевод: *"Esst nur, greift zu! Nehmt euch Bortsch! Tut ordentlich Smetana dran! Nehmt euch Brot".*

В последнем примере при переводе используются синонимы: essen, zugreifen, nehmen; в оригинальном варианте же автор употребляет многократно одно и то же слово: кушать.

Из примеров видно, что в переводах, как языковая экономия, так и языковая избыточность передается за счет использования тех же лингвистических средств, как и в оригинальных произведениях.

3. Непосредственный характер речевого акта определяет диалогичность общения. «Диалог – центральный вид разговорной коммуникации». [5, с. 132] Однако, «разговорные диалоги обладают такими существенными способностями, которые в кодифицированных текстах, даже таких, которые стремятся как-то воспроизвести разговорные черты – диалоги в художественной литературе – либо вообще никак не проявляются, либо проявляются неярко и непоследовательно». [5; с. 132] В рассматриваемых произведениях преобладают диалоги с проявлением явных связей между репликами:

– Да нет, я про детей. – Про каких детей, Жень? – еще больше удивилась Вера.

– Вы приехали в гости или на работу – задала Рейчел важнейший вопрос. – Я приехала всегда, Микки обещал меня встретить и помочь с работой, – вздохнула она.

Гораздо реже в художественном тексте встречаются диалоги с использованием общей перцепционной базы для неформальной связи реплик:

– Машка! Что с тобой? – ахнула Ника. Маша жадно пила из кружки и, допив, странно сказала: – А ведро-то полное... Аллергия у меня. – Не краснуха ли? – встревожилась Медя. – Откуда ей? Сегодня к вечеру пройдет, – улыбнулась Маша. (Общая апперцептивная база: симптомы аллергии такие же, как и у краснухи).

Для перевода характерна точная передача связи между репликами, как явной, так и неявной:

"Nicht doch, ich meine die Kinder" – "Welche Kinder, Shenja?" fragte Vera noch erstaunter.

"Sind Sie zu Besuch gekommen, oder zum Arbeiten" stellte Rachel die wichtigste Frage - "Ich bin für immer gekommen - Micky hat versprochen, mich abzuholen und mir wegen Arbeit helfen". Sie seufzte.

"Maschka! Was ist mit dir?" rief Nika. Mascha trank gierig aus einem Becher und sagte, ob er leer war, abwesend: "Der Eimer ist doch voll... Ich hab' eine Allergie". - "Nicht etwa die Nieten?" fragte Medea beunruhigt. - "Woher denn? Heute Abend ist das weg". Mascha lächelte.

4. Нельзя не отметить и такую особенность РР как ее экспрессивность. В художественном тексте экспрессивность высказывания достигается за счет использования частиц, междометий, восклицательных предложений и, в первую очередь, эмоционально окрашенной разговорной лексики. Нейтральная лексика, преобладающая в РР, экспрессивной функции не выполняет и в данной работе не рассматривается. При сравнении разговорно окрашенной лексики в оригинальном и переводном тексте можно отметить следующее.

1. Большая часть выявленной лексики переводится на немецкий язык с помощью нейтральных слов: *прихватить (mitnehmen)*, *переждать (abwarten)*, *видать (sehen)*, *облакнито (ist entspannen)*, *обмереть (erstarren)*, *хлебнуть (nippen)*, *кожица (die Haut)*, *врушка (die Schwimmlin)*, *свистулька (die Pfeife)*, *звонкий (schallend)*, *корявый (knorrig)*, *вперевалку (humpelnd)*.

2. Довольно редко встречается лексика, перевод которой осуществляется за счет использования разговорных же эквивалентов: *верещать (quieken)*, *тряпье (die Klamotten)*, *подмыльник (der Katzenkopf)*, *дрембедень (der Quatsch)*, *толчея (das Gewimmel)*, *бегонья (die Renner)*.

3. Часто разговорная лексика переводится описательно, при помощи устойчивых выражений: *слыхать (vom Hörensagen kennen)*, *зараза (eine ganz schlimme Infektion)*, *верховодка (den Ton angehen)*, *разом (mit einem Schlag)*, *зуськом (in einer Reihe hintereinander)*, *алилуя (gefangen sein)*.

Итак, лингвистические характеристики РР, обусловленные ее основными особенностями, в художественном тексте проявляются, главным образом, на синтаксическом и лексическом уровнях. Средства имитации РР выступают и как яркие художественные приемы, характеризующие персонажей произведений и передающие общий характер разговорности. Лингвистические характеристики, проявляющиеся на синтаксическом уровне, сохраняют свои особенности и в переводном тексте. Что касается разговорной лексики, то она переводится преимущественно с помощью нейтральных эквивалентов либо описательным способом.

Литература

1. Лаптева, О. А. Русский разговорный синтаксис / О. А. Лаптева. - М., 2003.
2. Улицкая, Л. Бедные, злые, любимые: Повести. Рассказы / У. Улицкая. - М., 2002.
3. Улицкая, Л. Медя и ее дети / Л. Улицкая. - М., 2007.
4. Улицкая, Л. Сквозная линия: Повесть. Рассказы / Л. Улицкая. - М., 2002.
5. Ширяев, Е. Н. Семантико-синтаксическая структура русского разговорного диалога. Русский язык в научном освещении / Е. Н. Ширяев. - № 1. - М., 2001.
6. Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь 2-е. изд. / В. Н. Ярцева. - М., ДС

УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНИЯ РЕЧЕВОГО АКТА ОБЕЩАНИЯ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Н.М. Колоколова

Астраханский государственный университет

При анализе иллокутивного акта обещания Дж. Р. Серль выводит ряд условий, необходимых и достаточных для того, чтобы произнесение данного высказывания было совершением акта принятия обязательства. Эти условия представлены в виде множества суждений, так как «конъюнкция членов этого множества влечет суждение, что говорящий дал обещание, и суждение, что говорящий дал обещание, влечет эту конъюнкцию». Каждое условие спитых необходимым для совершения речевого акта обещания (РАО), а множество условий в совокупности является достаточным для реализации этого акта речи.

При формулировании условий необходимо учитывать тот факт, что порядок произнесения обещания не представляет собой четкий алгоритм речевых действий, который можно принять

шестве модели построения акта принятия обязательства. Это связано с тем, что в любом языке существуют не только собственно лингвистические явления, характеризующие конкретные проявления человеческой речи, но и присутствуют экстралингвистические факторы, распознавание которых невозможно без проведения соответствующего анализа ситуации, учета специфики конкретного языка и его структуры в целом. Поэтому для наиболее четкого определения особенностей РАО Дж.Р. Серль предлагает ограничиться центральной частью понятия обещания.

Совершая иллокутивный акт, говорящий намерен получить определенный результат, заставив слушающего опознать свое намерение получить этот результат, и далее, если он употребляет слова в буквальном смысле, он хочет, чтобы это опознание было осуществлено благодаря тому факту, что правила употребления произносимых им выражений связывают эти выражения с получением данного результата [1, с. 160].

Успешная реализация иллокутивного акта связана с наличием и выполнением определенных условий, которые Дж.Р. Серль подразделяет на:

- предварительные условия;
- условия искренности;
- существенные условия.

Для успешности осуществления коммиссивного речевого акта предварительным условием является способность говорящего совершить действие, которое он обязуется выполнить. Условием искренности является желание говорящего исполнить взятое на себя обязательство. Под существенным условием понимается намерение говорящего убедить адресат в том, что данный речевой акт направлен на удовлетворение его интересов.

В целом, Дж. Р. Серль, характеризуя речевые акты обещания, выделяет необходимые условия для их корректного совершения.

1. Говорящий и слушающий владеют данным языком и действуют сознательно, не по принуждению, у них нет физических препятствий для общения, они не исполняют роль в спектакле и не говорят в шутку и т.п.

2. Говорящий при произнесении высказывания выражает мысль, что р.

3. При обещании должно предсказываться говорящему некоторое действие, и это действие не может относиться к прошлому.

4. Для обеспечения корректности обещания обещаемое должно быть чем-то, чего слушающий хочет, в чем он заинтересован или что он считает предпочтительным и т.п.; а говорящий должен сознавать, полагать или знать, что это так.

5. Обещание должно иметь мотив. Нельзя обещать то, что и так со всей очевидностью будет или должно делаться.

6. Обещание должно содержать искреннее намерение или принятие на себя ответственности за намерение выполнить / не выполнить что-либо.

7. Обещание должно быть принятием на себя обязательств сделать что-либо.

8. При обещании говорящий намерен вызвать у слушающего посредством произнесения высказывания убеждение в том, что условия 6 и 7 имеют место благодаря опознанию им намерения создать это убеждение, и он рассчитывает, что это опознание будет следствием знания того, что данное предложение принято употреблять для создания таких убеждений.

Говорящий намерен вызвать определенный иллокутивный эффект посредством подведения слушающего к опознанию его намерения вызвать этот эффект, и при этом он намерен обеспечить такое опознание благодаря существованию конвенциональной связи между лексическими и синтаксическими свойствами произносимой им единицы, с одной стороны, и производством этого эффекта – с другой. Иными словами, необходимо, чтобы говорящий, произнося предложение, делал это всерьез. Производство всех этих эффектов есть простое следствие того, что слушающий знает, что означает данное предложение. Последнее в свою очередь является следствием знания им языка, каковое предпологается говорящим с самого начала. Условие 8) объясняет, что это значит, что говорящий произносит предложение «всерьез», то есть произносит нечто и имеет это в виду.

9. Необходимо соблюдать семантические правила языка, которые как раз используются в данном языке для того, чтобы давать обещания.

Таким образом, Дж.Р. Серль считает, что речевые акты обещания представляют собой класс речевых актов, иллокутивная цель которых заключается в принятии говорящим искрен-

него обязательства выполнить или не выполнить определенное действие в пользу адресата. Определению коммиссивной интенции речевого акта обещания способствует его отнесение к контексту диалога. В результате того, что коммуникативная ситуация определяет характер речевого акта обещания, для обеспечения корректности данного речевого акта, обещаемое должно быть чем-то, чего хочет слушающий, в чем он заинтересован или что он считает предпочтительным, а говорящий должен знать, сознавать или полагать, что это так.

В случае неискреннего обещания, говорящий не имеет всех тех намерений и убеждений, которые имеются у него в случае искреннего обещания. Однако он ведет себя так, как будто они у него есть. Именно из-за того, что он демонстрирует намерения и убеждения, которых не имеет, поступок описывается как неискренний. Но неискренние обещания – это, тем не менее, обещания, которые имеют свои особенности. [1, с. 165]. Поэтому, чтобы охватить неискренние обещания, необходимо заменить содержащееся в условиях утверждение о том, что говорящий имеет те или иные убеждения или намерения, на утверждение о том, что он принимает на себя ответственность за то, что они у него есть. Показателем того, что говорящий в самом деле принимает на себя такую ответственность, является абсурдность таких высказываний, как, например:

Je promets de faire A, mais je n'ai pas l'intention de faire A – Я обещаю сделать A, но я намерен сделать A

Сказать «*Je promets de faire A – Я обещаю сделать A*» – значит принять на себя ответственность за намерение сделать A, и это условие справедливо независимо от того, искренним или неискренним было высказывание.

Из приведенных выше условий Дж.Р. Серль выводит пять основных семантических правил употребления показателя функции высказывания (P) для обещания [1, с. 167]:

Правило 1. P должен произноситься только в контексте предложения или большого речевого отрезка, произнесение которого предвещает некоторое будущее действие A говорящему S. Это *правило пропозиционального содержания*, которое выводится из условий пропозиционального содержания 2 и 3.

Правило 2. P должен произноситься, только если слушающий H предпочел бы совершение субъектом S акта A не совершению им A и S убежден, что H предпочел бы совершить субъектом S акта A не совершению им A.

Правило 3. P следует произносить, только если ни для S, ни для H не очевидно, что H совершит A при нормальном ходе событий.

Правила (2) и (3) называются *подготовительными правилами*. Эти правила выводятся из подготовительных условий 4) и 5).

Правило 4. P следует произносить, только если S намерен совершить A. Это *правило искренности*, которое выводится из условия искренности 6).

Правило 5. Произнесение P считается принятием обязательства совершить A. Это *судебное правило*.

Дж. Р. Серль обращает внимание на то, что: правила 2–5 применяются, только если соблюдено правило 1, а правило 5 применяется, только если соблюдены также правила 2 и 3.

Литература

1. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – У. 1986. – Вып. 17. – С. 160–169.

«ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ» А. АХМАТОВОЙ – КЛАССИЧЕСКИЙ ПРИМЕР «ТЕМНОГО» ТЕКСТА

Н.С. Кравцова

Санкт-Петербургский государственный университет

Рассмотрим текст «Поэмы без героя» в отношении эмоционально-смысловой доминанты. По типологии Белякина этот текст по всем признакам можно отнести к «темным текстам» [3, с. 20]. Каковы же характеристики «темного» текста?

Смысл жизни, представленный в «темном» тексте, состоит в том, чтобы делать свое дело и бороться с врагами, которые умны и опасны. Жизнь тяжела и неприятна. Человек нередко становится игрушкой в руках враждебных сил. Для «темного» текста характерно наличие жесткой оппозиции добра и зла. Время в «темных» текстах *импульсивно*; пространство обладает способностью сжиматься.

«Поэма без героя» Ахматовой очень хорошо подходит под это описание. Поэма стоит вне времени и пространства, в прошедшем видится будущее, а будущем отражается прошлое. Это очень запутанный текст с точки зрения пространственно-временных координат [1; С. 606]:

Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет...

Или:

Как вы были в пространстве новом,
Как вне времени были вы...

Или:

Пусть навек остановится время
На тобою данных часах.

Эмоционально-смысловая доминанта «темных» текстов базируется на психических состояниях таких как помрачение и спутанность сознания, сумеречные состояния. Когнитивная установка героя «темного» текста основана на противопоставлении «я» — человека простого, природного, делающего свое дело, и «он» — умного и потому опасного. Образ «умного и опасного» в рамках «темного» мироощущения близок образу дьявола, сатаны, черта. Описание врага в образе сатаны можно отчетливо проследить в «Поэме без героя»:

Сам изящнейший сатана,
Кто над мертвым со мной не плачет,
Кто не знает, что совесть значит
И зачем существует она.

Или:

Я надеюсь, Владыку Мрака
Вы не смели сюда ввести?

Помутнение рассудка автор «Поэма без героя» рассматривает как искушение нечистой силой:

Бес полутал в укладке рыться...
Ну а как же могло случиться,
Что во всем виновата я?

Или:

Я от злой погони спешлась
И над полным врагами лесом,
Словно та, одержимая бесом,
Как на Брокен ночной неслась...

Или:

И беснуется и не хочет
Узнавать себя человек,

Или:

И, бесовскою черной жаждой
Одержима, не знала, как
Мне раздалаться с бесноватой.

В любом случае в «темных» текстах речь нередко идет о грехе человека и о его искуплении. Тема вины, греха, оправдания у Ахматовой в поэме приобретает особый смысл. Без вина в том, что она осталась жива, и это воспринято автором как миссия:

Веселиться — так веселиться,
Только как же могло случиться,
Что одна я из них жива?
Ну а как же могло случиться,
Что во всем виновата я?

- Или: Так и знай: обвинят в плагиате...
Разве я других виноватей?
- Или: Оправдаться... но как, друзья?
- Или: И ни в чем не повинен: не в этом,
Ни в другом и ни в третьем...
Поэтам
Вообще не приставай грехи.

«Темные» тексты очень колоритны по образности и насыщены повторяющимися семантическими компонентами, являющимися по функции психологическими предикатами. Они встречаются при описании почти всех действий героев «темного» текста, создавая вполне определенный коннотативный ореол. В частности, в них много описаний эмоциональных состояний злобы и тоски, проприоцептивных ощущений, ощущений равновесия, всевозможных фактивных, слуховых и обонятельных ощущений:

- Или: Это все наплывает не сразу.
Как одну музыкальную фразу,
Слышу шепот:
- Или: На призыв этот странный звук –
Клокотание, стон и клекот
- Или: И я слышу даже отсюда –
Неужели это не чудо! –
Звуки голоса своего: ...

В «темном» тексте преобладает такой семантический компонент, как «тревога». Само «тревога» не только сопровождает события, разворачивающиеся в «темном» тексте, она даже заставляет героя активно действовать, избавляться от нее: «Нету меры моей тревоге / И безмятежная в том тревога».

В «темных» текстах важную роль играет смех. Наиболее часто встречаются такие посылы и существительные, как улыбаться, улыбки, усмешка, ухмыльнуться, насмешка, хохот, ухмылка, захохотать, захохотать, разразиться смехом (хохотом). Положительный герой «темного» текста не любит, когда над ним смеются, когда в лицо ухмыляются, он не видит ухмылки, которыми его может вывести из себя отрицательный герой, он считает смех издевательством, унижением своего достоинства. Описание врага:

Обидный баловень и насмешник –
Перед ним самый смрадный грешник –
Воплощенная благодать...
Демон сам с улыбкой Тамары,
Завтра утро меня разбудит,
И никто меня не осудит,
И в лицо мне смеяться будет
Закононая синева.

Бахтин справедливо подчеркивает «неразрывную и существенную связь» [3, с. 69–111] смеха со свободой. Он пишет, что смех может быть «внеофициальным» и предполагает присутствие страха. У Ахматовой: «До смешного близка развязка; / Неуместным смущая смехом».

Возвращаясь к «темному» тексту, отметим, что смех в нем связан с высвобождением физического, природного в человеке, смех тут является манифестацией простоты, естественности героя, его погруженности в быт, приземленности: «Улыбнусь всем и замолчу».

Важным признаком «темного» текста является наличие в них описания зрительных ощущений с семантическим компонентом *сумрак*. Относя этот компонент формально к зрительным

ощущениям, отметим его близость как к органическим ощущениям так и к эмоциональным состояниям в силу ярко выраженного эмоционального тона, который ему сопутствует. Например:

Оставляя с глизу на глаз
Меня в сумраке с черной рамой,
Из которой глядит тот самый,
Ставший нагорчайшей драмой.

Можно также отметить, что среди лексики, связанной со зрительными ощущениями, выделяются две подгруппы слов. Первая из них отражает резкое изменение световых ощущений (блеск, блики, вспышка, мерцание, пятно). Например: «В блеске шпилей, в отблеске вод, / Завтра в новом блескут плаще, / Это всплески жесткой беседы, / Вспыхнул свет, завывали сирены, / Кто застыл у померкших окон, / На црках твоих азые пятно».

Вторая подгруппа слов связана также с изменением цвета (позеленеть от злости, покраснеть, побледнеть, измениться в лице). Например: «Бледен лоб и глаза открыты... / В бледных локонах зная рожки, / Побледнев, он глядит сквозь слезы, / Побледнел, помертвел, затих».

Дым, мрак, сумрак, туман, тучи, тьма нередко встречаются при описании обстановки, которая представляется положительному персонажу «темного» (простого) текста угрожающей. Все эти лексемы широко представлены в поэме, например *дым*: «За окошком Нева дымится, / В этом странном, дымном лице: / Дым писал вприсядку на крыше»; *мрак*: «Слова из мрака: / Как-нибудь побредем по мраку, / Сколько мрака в твоей любви, / И выглядывал вновь из мрака»; *туман*: «Горло в свой уходил туман, / Опоздает ночью тумашной»; *тьма*: «Кто застыл у померкших окон, / У кого пред глазами тьма?» Еще пример из предисловия: «Я даже не ждала ее в тот холодный и темный день моей последней ленинградской зимы».

В целом, сталкиваясь с угрожающей его жизни ситуацией, герой «темного» текста оказывается в ее эпицентре, как бы стремясь к собственной смерти, к аутодеструкции (саморазрушению). Мир для героя «темного» текста враждебен, он словно физически ощущает, что вокруг него сжимается пространство, замыкается или сжимается кольцо врагов или вокруг него становится темно.

Существует также множество других показателей «темного» текста (двойник, вода, луна, огонь, запах, звук, смерть), освещение которых требует более детального анализа. «Поэма без героя», по нашему мнению, имеет все признаки «темного» текста, что позволяет нам посмотреть на поэму с точки зрения психолингвистики и открывает нам новые возможности для анализа.

Литература

1. Ахматова, А. Стихотворения и поэмы / А. Ахматова. — Л.: Лениздат, 1989.
2. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — М., 1990.
3. Белянин, В. П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе) / В. П. Белянин. — М.: Тривола, 2000.

НЕКОТОРЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО ПЕРЕВОДА

(сравнительная характеристика переводов стихотворных произведений
Сэмюэля Даниэля «Сонет» и Уильяма Шекспира «Сонет 151»)

Н.И. Кривых

Астраханский государственный университет

Перевод текстов поэтического жанра как нельзя более предоставляет возможность автору констатировать общее содержание текста и одновременно репрезентовать собственное «Я».

Ниже приведены стихотворные произведения Сэмюэля Даниэля «Сонет» и Уильяма Шекспира «Сонет 151». Переводы выполнены автором данной статьи.

Care-charmer Sleep, son of the sable Night,
Brother to Death, in silent darkness born,
Relieve my languish, and restore the light:
With dark forgetting of my care return.
And let the day be time enough to mourn

The shipwreck of my ill adventured youth:
Let waking eyes suffice to wail their scorn,
Without the torment of the night's untruth.
Cease, dreams, the images of day-desires,
To model forth the passions of the morrow;
Never let rising Sun approve you liars
To add more grief to aggravate my sorrow:
Still let me sleep, embracing clouds in vain,
And never wake to feel the day's disdain.

Благословенный Сон, ребенок мудрой Ночи,
Рожденный в тишине могильной темноты,
Меня он более утешить и не прочит,
Томленья снять до светлой до поры.
Пусть день безжалостно дает понять
Что серо, скучно молодость прошла,
Растерянным глазам презрению не внять,
Ночным обманам сила не дана.
Остановись, мгновенье, и желанный лик
Позволь запечатлеть как сказку бытия
С рассветом сладкой лжи исчезнет миг,
Тоскливо-горестно вздохнет печаль моя.
Уж лучше Сон, иллюзий лучше счастье,
Чем будничной трясины быть во власти.

Love is too young to know conscience is;
Yet who knows not conscience is horn of love?
Then, gentle cheater, urge not my amiss,
Lest guilty of my faults thy sweet self prove:
For, thou betraying me, I do betray
My nobler part to my gross body's treason;
My soul doth tell my body then he may
Triumph in love; flesh stays no farther reason;
But, rising at thy name, doth point out thee
As his triumphant prize. Proud of this pride,
He is contented thy poor drudge to be,
To stand in thy affairs, fall by thy side.
No want of conscience hold it that I call
Her 'love' for whose dear love I rise and fall.

Любовь не знает, что такое совесть;
А может совесть – порождение любви?
Тогда, обманщик нежный, для тебя не новость,
Вину за все ошибки сладкие прими!
Мне изменяют, изменяю я,
Хоть восстает все лучшее во мне;
И с телом вечный спор ведет душа,
Триумф любви? Иль плоти зов во тьме?
Но вступившись весь при имени твоём
Судьбы поларком величая, горделив и горд,
Готов быть рядом иль грозюю быть сражен
Довольн участью раба у твоих ног
Ее любовь не ведает про совесть
Побед лишь верениц она есть повесть.

Несомненно, каждое из данных стихотворных произведений в оригинале отличает свои стилистические особенности на лексическом, грамматическом и графическом уровне. У разных авторов разная импликация. Переводы же выполнены одним человеком. И репрезентация авторского «Я» в переводах выражается через конгентное наполнение и стилистическую подачу достаточно однородно.

Так, переводчиком в обоих случаях задана рамка – начало перевода по импликации совпадает с концом: в переводе первого стихотворения в начале воспевается Сон (благословенный, ребенок мудрости) и в конце выдерживается выбранная тональность Сна (счастья); в переводе второго стихотворения «разведены» понятия любви и совести в начале и в конце.

Далее, «сладкая ложь» в переводе первого произведения коррелирует с «обманщик нежный» в переводе второго произведения; предпочтение «счастья Сна и иллюзий», противопоставленное переводчиком «будничной тряпине» переносится на видение «любви, как вереницы побед», противопоставленное совести. Переводчик склонен выбирать экспрессивные средства, например, «печаль», которая «вздыхает» в первом переводе, и «душа», «ведущая спор» с «телом», во втором переводе.

Указанные стилистические репрезентативные особенности авторского перевода еще раз подтверждают тот факт, что при переводе, при всей адекватности смысловой трансмиссии, во внимание должен приниматься субъективный фактор личностной репрезентации.

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ И КОМБИНАТОРНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ТЕКСТА

Н.Д. Кручанина

Мордовский государственный университет

Текст, как любая конструктивная единица, должен быть, чтобы называться единицей, целостным как в своем парадигматическом определении, так и в синтагматической реализации [3, с. 80]. В нем, как в любой другой единице, принадлежащей и к плану языка, и к плану речи, можно найти признаки как парадигматической, так и синтагматической ипостасей. Любая конструктивная единица в своем означающем, чтобы называться единицей, должна отличаться целостностью, то есть дискретностью и обеспечивающей ее внутренней связностью конституентов. В отечественной филологии большая роль в исследовании текста принадлежит М.М. Бахтину. В теории М.М. Бахтина не делается различия между письменным и устным текстом: М.М. Бахтин не говорит о дискурсе и тексте как отдельных понятиях [1, с. 473].

Идея целостности неоднократно отмечается М.М. Бахтиным [2, с. 268–271]. Целостность текста как единицы М.М. Бахтин определяет, называя его своеобразной монадой. Он видит в этой монаде и определенную синтагматическую протяженность: содержательную последовательность во взаимосвязи «всех смыслов», которые реализуются в высказываниях [2, с. 269]. В речевом плане целостность определяется им по содержательному критерию как внутренняя сторона смены речевых субъектов [2, с. 268]. Завершенная целостность высказывания характеризуется, по мнению М.М. Бахтина, возможностью ответного понимания, и, соответственно, ответа. Целостность признается органическим свойством высказывания [2, с. 269]. Названы и конкретные факторы, которые неразрывно связаны «в органическом целом высказывания» [2, с. 269]: предметно-смысловая завершенность; речевой замысел или речевая воля говорящего; типические композиционные жанровые формы оформления темы высказывания и интенции говорящего [2, с. 269–276].

Целостность текста, как мы заметили выше, означает дискретный характер речевых единиц: текста и высказывания. Обеспечивает эту целостность, а, соответственно, и дискретность внутренняя связанность конституентов речевых единиц. На уровне высказывания М.М. Бахтин рассматривает ее в неразрывном единстве с признаком целостности, называя это единство в высказывании развертывающимся *целым* [2, с. 270]. Говоря о тексте, ученый, имея в виду его прогрессивное линейное развертывание, назвал текст в этом аспекте *текстовой целью* [2, с. 299]. В настоящее время эти характеристики текста активно обсуждаются. При этом мы

находим много черт общности в интерпретации основных характеристик текста с тем, о чем говорил М.М. Бахтин.

В зарубежной лингвистике для обозначения целостности текста используется термин когерентность (текстовая когерентность) [4, с. 113; 5, с. 198–199, 207; 6, с. 272, 10]. Когерентность интерпретируется в ней как важнейшая характеристика текста – языковой и речевой единицы.

Зарубежными лингвистами когерентность определяется по-разному. Некоторые лингвисты для обозначения семантической целостности текста используют иные обозначения [5, с. 198]. А.-М. Дийер, при исследовании метафорических синтагматических образований, исследует когнитивные источники когерентности такого рода коллокаций в рамках предикативных образований [7, с. 225–226].

Другие лингвисты процесс семантической комбинаторики называют семантической композиционностью (*compositionnalité sémantique*) [5, с. 24; 11, с. 48–49, 134]. Они говорят о ней как о принципе коллокации [11, с. 134] в рамках высказываний или как о принципе, согласно которому значимость элементов конструкта (*séquence des éléments*) выводится, с одной стороны, из значимости конститuentов конструкта, с другой – исходит из правил комбинаторики подобных конститuentов, существующих в данном языке [5, с. 24]. Иначе говоря, правила композиционности являются, по мнению лингвистов, правилами конструирования смысла синтагматических образований предикативного статуса. А. Польгер показывает, что семантическая композиционность объективно исчислима на базе синтаксических и морфологических правил языковой комбинаторики и тождественности семантических составляющих компонентов высказываний [11, с. 134].

По мнению Б. Потье, когерентность текста обозначает семантическую непрерывность последовательности [4, с. 113]. Когерентный текст означает в такой интерпретации наличие смыслового центра текста и его логически и семантически последовательное развитие в композиционной структуре текста [8, с. 604–605]. В других работах по лингвистике когерентность определяют как начало, объединяющее концептуальную [12, с. 223] или логическую связь и последовательность конститuentов текста [6, с. 272].

Дифференциация и детализация обозначений в этой области связаны с самим процессом развития интереса к тексту со стороны того или иного лингвиста на новом этапе развития современной лингвистики. Так, в работе по семантике К. Байлона и К. Миньо о когерентности говорится в более общих чертах [5, с. 198]. У В. Спурена, в его главе о тексте уже дифференцируются референциальная и реляционная когерентность (*cohérence référentielle et relationnelle*) [12, с. 224, 231–234].

В определении Ж. Леро референциальной когерентностью отличается текст, который может быть понят адресатом [5, с. 198]. Референциальная когерентность исследователями относится к **концептуальным единствам**, о которых идет речь в тексте. Реляционная когерентность выявляется в **связях между концептами, которые восходят к связям между событиями**, о которых идет речь в тексте.

Когерентность, или целостность относится, в этой интерпретации, к означаемому текста. Для выполнения коммуникативной функции текст свое целостное означаемое должен эксплицировать в речевой реализации при помощи определенных языковых средств. Эти языковые средства обеспечивают синтагматическую связность текста [4, с. 11; 5, с. 199–201, 207; 8, с. 603–604; 9, с. 69–71, 10] и его событийную целостность.

К языковым средствам обеспечения реляционной когерентности относятся в первую очередь коннекторы: подчинительные и сочинительные союзы, союзные выражения, наречия. Референциальная когерентность обеспечивается прономинальными формами (*il, elle, lui*), референтно категоризирующими именами и именными группами.

Некоторые лингвисты, различая текст и дискурс, разграничивают когерентность дискурса (*cohérence discursive*) и когерентность текста (*cohérence textuelle*) [5, с. 198].

Когерентность обычно относят к макротексту. Однако, на наш взгляд, и микротекст обладает характеристикой целостности в той ее интерпретации, в какой она дается для референциальной и реляционной когерентности текста (Микротекст в языковом означивании может совпадать с предложением, в речевом – с высказыванием или фразой).

В концептуальном аспекте лингвистика в определении когерентности текста исходит из того факта, что тот целостно представляет ансамбль концептов и их референтов [12, с. 231]: в

концептуальной лингвистике слова текста интерпретируются референтно не как отражения предметов, а как их мыслительный образ, который создается у реципиента. При такой интерпретации можно объяснить наличие таких субстанций, которые существуют только в нашем воображении: Деда Мороза, Снегурочки и др.

Референция конститuentов текста может относиться как к концептам внутри текста (эндофорическая референция – *réfêrence endorphorique*), так и к концептам вне текста (экзофорическая референция – *réfêrence exorphorique*) [12, с. 231].

Экзофорический референт может быть представлен в форме дейксиса: (Жена, обращаясь к мужу, показывая в окно на стоящую там соседку): *Tu as parlé à celle-là?* Само высказывание может быть понято из ситуации. А предмет разговора может быть выявлен из контекста. При отсылке к antecedенту можно говорить об анафорической референции: *Il y a quelques semaines nous sommes revenus (de Paris). Nous l' avions trouvé magnifique*. При отсылке к consequentу говорят о катафорической референции: *C' est un bon souvenir pour toute ma vie! (J'ai eu de la chance de gagner le concours et de faire le voyage à travers la France)*. Так как эндофорические и экзофорические элементы текста получают интерпретацию из контекста, они непосредственно влияют на когерентность текста.

Особую роль в референциальной когерентности играют идентификаторы, вводящие субстанцию (объект). Во французском языке такая роль отводится неопределенному артиклию или неопределенным местоимениям: *Il était une fois une petite fille*. Обозначенный референт получает опосредованную отсылку к референту через средство соответствующего личного местоимения: *Elle s'appelaient Blanche*. В более эксплицированном виде эта референция может быть обозначена следующим образом: *La petite fille s'appelaient Blanche*. При эллипсисе референции получается фраза: *Il était une fois une petite fille (ø) appelée Blanche*.

Таковы некоторые из языковых и речевых способов обеспечения референциальной и коммуникативной целостности текста как дискретной, объективно выделяемой единицы языка и речи.

Литература

1. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М., 1986.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1986.
3. Кручинкина, Н. Д. Связность и целостность синтагматических образований // Н. Д. Кручинкина // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты. – Саранск, 2004. – С. 77–82.
4. Растье, Ф. Интерпретирующая семантика / Ф. Растье; пер. с франц. – Н. Новгород, 2001.
5. Baylon, C. Initiation à la sémantique du langage / C. Baylon, X. Mignot. – P., 2000.
6. Brousseau, A.-M. Syntaxe et sémantique du français / A.-M. Brousseau, Y. Roberge. – Québec, Saint-Laurent, 2000.
7. Diller, A. M. Cohérence métaphorique, action verbale et action mentale en français. *Communications. Sémantique cognitive* / A. M. Diller / Par C. Vandeloise. 53. – PGris., 1991. – P. 209–228.
8. Ducrot, O. Nouveau dictionnaire encyclopédique des sciences du langage / O. Ducrot, J.-M. Schaeffer. – P., 1995.
9. Greimas, A.-J. Sémantique structurale: recherche de méthode / A.-J. Greimas. – P., 1966.
10. Lemire, G. Texte et lecture: cohérence et cohésion / G. Lemire // *Langue française, vision systémique. Approche à la langue française de la théorie de M.A.K. Halliday et de R. Hasan par Gilles Lemire*: Электронная версия <http://www.fse.ulaval.ca/fac/Grammaire-BEPP/doc/va/lfsa/lfsacb7/vschap7.html>
11. Polguère, A. Lexicologie et sémantique lexicale / A. Polguère. – Montréal, 2003.
12. Spoorren, W. La structuration des textes. La linguistique textuelle // *Linguistique cognitive. Comprendre comment fonctionne le langage* / W. Spoorren. – Bruxelles, 2002. – P. 223–248.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ КОНТАМИНИРОВАННЫХ ФОРМ ЧУЖОЙ РЕЧИ В ТЕКСТАХ РАССКАЗОВ В.М. ПУШКИНА

Г.В. Кукуева

Барнаульский государственный педагогический университет

Смена культурных эпох на рубеже XX–XXI вв, осуществленная под знаком постмодернизма [2, 7; 8], послужила важнейшим методологическим толчком к формированию новой гуманитарной парадигмы, соединившей воедино концептуально важные положения системно-деятельностного, антропоцентрического, семиотического, герменевтического и риторического подходов. Формирующийся на этом фоне понятийно-методологический инструментарий анализа художественного прозаического текста одной стороной тесно смыкается с позицией антропоцентризма о центральном положении категории «*Nonso Loquens*» и коммуникативной сущности текста [1, с. 415], другой стороной – с постмодернистской тенденцией характеристики текста как диалогически организованного организма, имеющего специфическое языковое развитие.

Точки пересечения пушкинской поэтики с принципами постмодернистского устройства художественного текста во многом объясняют такие признаки малой прозы писателя, как интертекстуальность, диалогичность, открытость [3–5]. На уровне языковых средств, оформляющих речевые партии повествователя и персонажей как субкатегории художественно-речевой структуры, подобное пересечение демонстрируется изменениями конструирования форм чужой речи. Обнаруживающиеся в конструкциях постоянное динамическое взаимодействие различных субъектно-речевых сфер ведет, с одной стороны, к полифонии текста, с другой – к асимметрии его содержания и формы. Вектор открытости текстов на уровне речевой композиции предопределяет формирование нестратифицируемых «контаминированных форм чужой речи» [6, с. 29–30], обнаруживающих типологическую значимость во всем внутривидовом многообразии текстов В.М. Пушкина (собственно рассказы, рассказы-анекдоты, рассказы-сценки, рассказы-новеллы, рассказы-очерки). Отличительной чертой данных конструкций является утрата традиционных синтаксических, пунктуационных и графических сигналов смены одного субъектно-речевого слоя другим.

На уровне речевой партии повествователя подобное явление активно представлено трансформацией авторского слова в несобственно-авторское повествование, способах взаимодействия авторской ремарки с персонажным слогом и совмещением структур прямой и косвенной речи. Продемонстрируем выявленные особенности на примере отдельно взятого текстового фрагмента. *«Впрочем, безответственность его не простиралась беспредельно: пять дней в неделю он был безотказный работник, больше того – старательный работник, умелый (летом он пас колхозных коров, зимой был скотником – кочегарил на ферме, случалось – ночное дело – принимал телят), но наступала суббота, и тут все: Алеша выпрыгнул. Два дня он не работал в колхозе: субботу и воскресенье. И даже уж и забыли, когда это он завел себе такой порядок, все знали, что этот преподобный Алеша «сроду такой» – в субботу и в воскресенье не работает. Пробовали, конечно, похлопать по нему, и не раз, но все без толку. Жажели вообще-то: у него пятеро ребятшек, из них только старший добрался до десятого класса, остальной чеснок сидел где-то еще во втором (...)... Так и махнули на него рукой. А что сделаешь? Убеждай его, не убеждай – как об стенку горох. Хлопает глазами... «Ну, понял, Алеша?» – спросят. «Чего?», Что же он делал в субботу? В субботу он топил баню. Все. Больше ничего»* («Алеша Бесконвойный»). Объективированный авторский монолог постепенно диалогизируется за счет взаимодействия нескольких субъектно-речевых сфер (повествователя, героя, необозначенных персонажей) и, как следствие, трансформируется в несобственно-авторское повествование. Важную роль в структурной организации анализируемого фрагмента играет вставная конструкция, стилистика которой свидетельствует о смене субъектно-речевого плана. Активный ввод персонажного «слова» как дополнительного нарративного звена формирует признак полусубъектности, свойственный постмодернизму: *«летом пас колхозных коров, зимой был скотником – кочегарил на ферме, случалось – ночное дело – принимал телят»*. Дальнейшее развитие повествования о главном герое перерастет в рассказ, репрезентируемый от лица необозначенных персонажей, что в полной мере демонстрирует принцип децентрации – разрушение базового повествовательного звена в речевой композиции. Иноязычная речь по-

площает авторскую, создает синтез речевых планов. Отсутствие интонационно-пунктуационных маркеров, оформляющих переход от одной речевой линии к другой, свидетельствует о синтаксическом слиянии конструкций с чужой речью. Во фрагменте: «*все знали, что этот преподаватель Алеша «сроду такой» – в субботу и в воскресенье не работает*» наглядно просматривается совмещение форм прямой и косвенной речи. Авторская ремарка, союз «*что*» фиксируют ввод косвенного высказывания, однако сама грамматическая конструкция сохраняет оценочные интонации, свойственные прямой речи «*этот Алеша сроду такой*». Как свидетельствует пример, контаминация затрагивает и сферу взаимодействия ремарочного компонента с чужой речью: «*Жадали вообще-то: у него пятеро ребятнишек, из них только старший добрался до десятого класса, остальной чеснок сидел где-то еще во втором*». Совмещение ремарки и свободной прямой речи нарушает гармонию иерархического синтаксиса, создавая при этом «единое предложение» речи повествователя и персонажа.

Таким образом, отказ от традиционных нормативных пунктуационных и графических способов оформления чужой речи в рамках авторского повествования становится типологически признаком, позволяющем писателю конструировать фрагмент разговорной действительности, разрушать гармонию классически правильного повествования, запутывать «повествовательные» инстанции, создавать эффект полифонии и множественности интерпретаций.

Контаминированные формы чужой речи на уровне речевой партии персонажа проявляются в преобразовании несобственно-прямой речи. В текстах шукшинских рассказов данная конструкция представляет собой полисубъектное повествование как результат диалогического слияния внутренней речи персонажа, конструкций с чужой речью и диалоговых реплик. Посредством несобственно-прямой речи выстраиваются предельно диалогичные и структурно сложные текстовые фрагменты: «*Счас толкает» – опять подумал. И вдруг ясно увидел, как смеет он, с развороченной грудью, раскинув руки, глядя пустыми глазами в ясное утреннее небо... Взойдет солнце, и над ним, холодным, зажеужжат синие мухи, толстые, жадные. Потом соберутся всей деревней смотреть. Кто-нибудь скажет: «Надо прикрыть, что ли». Как? Тыфу! Спирька содрогнулся. Сел. «Погоди, милот, погоди. Стой, фраер, не суетись! Я тебя спрашиваю: в чем дело? Господи! – отметили. Тебя что, никогда не били? В чем же дело?!» – В чем дело? – спросил вслух Спирька. – А?»*. Трансформирование внутреннего монологического в несобственно-прямую речь конструктивно подтверждается воспроизведением в его структуре целостных диалоговых единств, эксплицирующих возможное развитие событий: «*Кто-нибудь скажет: «Надо прикрыть, что ли*». Эвоцирование диалога в речевой партии персонажа сопровождается разрушением его традиционного графического выведения (отсутствие абзацного членения и красной строки) и контаминацией с субъективной сферой героя. Включение диалогического единства в поток сознания героя порождает односторонний диалог – передачу реплик только одного из говорящих, остальные же реплики предстают как гипотетические. «Овеществление» внутренней речи за счет постепенной ее трансформации в диалог с самим собой также приводит к содержательному слиянию разноприродных конструкций (монолог, диалог), драматизирует не только внешний конфликт, но и внутренний, возникший в сознании Спирьки: «*Погоди, милот, погоди. Стой, фраер, не суетись! Я тебя спрашиваю: в чем дело? (...) – В чем дело – спросил вслух Спирька*».

Формирование несобственно-прямой речи посредством контаминации «слова» персонажа с конструкциями чужой речи демонстрирует такие типологически значимые для шукшинской поэтики признаки, как сценичность фрагмента, театральность разыгрывания персонажами речевых линий, полифония и плюрализм стилей.

Таким образом, контаминированные формы чужой речи, будучи своего рода новацией, вызванной влиянием постмодернистских принципов на структуру художественного текста, становятся одним из языковых факторов детерминирующих такой доминантный типологический признак малой прозы В.М. Шукшина, как синкретизм.

Литература

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика, Поэтика / Р. Барт. – М., 1994.
2. Ворожбитова, А. А. Теория текста: антропологическое направление / А. А. Ворожбитова. – М., 2001.
3. Гавенко, А. С. Язык прозы Шукшина в истории языка русской художественной литературы / А. С. Гавенко // Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник: Филологическое

шукшиноведеление. Личность В. М. Шукшина. Язык произведений В. М. Шукшина / А. С. Гапенко. – Барнаул, 2004. – Т. 1. – С. 188–193.

4. Гивенс, Дж. Творчество В.М. Шукшина в США (проблемы восприятия) / Дж. Гивенс // Творчество В. М. Шукшина. Поэтика. Стиль. Язык: сб. статей. – Барнаул, 1994. – С. 27–30.

5. Куляпин, А. И. Творчество В.М. Шукшина: от мимезиса к семиозису / А. И. Куляпин. – Барнаул, 2005.

6. Покровская, Е. А. Динамика русского синтаксиса в XX веке: лингвокультурологический анализ: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук / Е. А. Покровская. – Ростов-н/Д., 2001.

7. Руднев, В. Культурологический словарь / В. Руднев. – М., 2001

8. Скоропанова, И. С. Русская постмодернистская литература: учеб. пос. / И. С. Скоропанова. – М., 2002.

ВВОДНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПРАГМАТИКЕ ГАЗЕТНОГО СТИЛЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Е.А. Лебедева

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
г. Великий Новгород

Как известно, *гендер* и язык взаимосвязаны. В целом лингвистическое поведение находится под влиянием многих других факторов: возраст, класс, этничность, социальное положение и собственная индивидуальность. Современные лингвисты уделяют пристальное внимание гендерной проблематике в разных аспектах различных языков. Подробно исследуются особенности мужского и женского речевого поведения. Притом, что особенности языка, его выразительные средства являются достаточно важными для понятия пола и связанных с ним областей.

Обращаясь к такой разновидности человеческой речи, как «письмо» или письменная речь, хотелось бы обратить внимание на высказывание Элизабет Флайин, которое цитирует в своей статье Эрика Скотт. Она утверждает, что «мужчины становятся стандартом, против которого оценены женщины» [11, с. 17]. Флайин обнаружила, что способы написания мужчинами и женщинами могли бы продемонстрировать определенные гендерные образцы, но следует также помнить, что эти образцы не универсальны. Осмысление литературы любого типа через призму *гендера* стало восприниматься как более или менее единый комплекс, наиболее приемлемый для анализа «инаковости женского сознания» и тех средств, при помощи которых эта «инаковость» находит свое выражение.

Многие исследователи, в том числе и Дебора Камерон, соглашаются с точкой зрения Пенелопы Экворт, что женщины в смешанных гендерных сообществах практически часто воспринимаются и сами ощущают себя как «нарушители» [10, с. 489]. Лингвистическое поведение женщин отражает их понимание, чтобы получить оценку как «хорошего» члена сообщества, они должны приложить особые усилия, показывая их строгое соблюдение поведенческих норм, которые имеют специфический, символический вес.

Согласно мнению Е.И. Горюшко, «женское языковое сознание отлично от мужского», «а следовательно, и женская языковая способность гипотетично может отличаться от мужской, что и проявляется в определенных частотных закономерностях употребления мужчинами и женщинами тех или иных языковых средств, особенностях мужского и женского стилей письма» [4, с. 28].

Рассмотрим, например, с точки зрения гендерной асимметрии газетно-публицистические тексты известных американских и английских газет: *The New York Times*, *The USA Today*, *Chicago Tribune*, *The Financial Times*.

Как известно, главной синтаксической единицей является высказывание. Именно в нем – его структуре, завершенности, длине – усматривается основное различие между речью устной и письменной, а также между речью мужчины и женщины. Учет гендерных особенностей при определении содержания и структуры текста позволяет усилить степень текстового воздействия на адресата. Следовательно, становится очевидным утверждение Е.В.Спириюшкиной, что «влиянием гендерного фактора обусловлены закономерности употребления вводных конструкций и модально – маркированных выражений в речи разнополых авторов» [7, с. 13]. Что касается англ-

лийского языка, то необходимо все-таки отметить, что в английской синтаксической традиции не существует четкого разграничения на вводные и вставные конструкции. Большинство лингвистов чаще всего пользуются терминами *parenthetical clause (elements, sentences)*. Таким образом, под термином парантезы подразумеваются и вводные, и вставные предложения.

Однако мы будем придерживаться направления разграничения вводности и вставности. При наличии многих других различий между этими двумя группами конструкций обратим внимание только на один важный признак разграничения вводности и вставности на семантическом уровне. А.Б. Шапиро и И.И. Щеболева считают, что основным критерием разграничения является выражение субъективно-модального значения при вводности и объективно-модального значения при вставности (Шапиро, 1955; Щеболева, 1955).

По определению, данному в ЛЭС, «субъективная модальность – это отношение говорящего к сообщаемому. Семантический объем субъективной модальности значительно шире семантического объема объективной модальности. Смысловую основу субъективной модальности образуют понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую (рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции» [6, с. 303].

Эмоционально – экспрессивная функция (или как еще называют воздействующая функция) языковых средств позволяет автору (и мужчинам и женщинам) выразить свое отношение к фактам действительности, то есть субъективно отразить объективное, что оживляет информацию, делает ее интересной и читаемой. В любом отрезке речи можно наблюдать использование различных средств модальности. Например, Г.В. Колшанский считает, что «субъективная модальность может быть выражена различными модальными словами» [5, с. 140].

Мнения лингвистов в отношении данной категории сходятся. Например, в учебнике по грамматике английского языка М.А. Белзевой мы читаем: «модальные слова – это слова, выражающие субъективное отношение говорящего к высказываемой в предложении мысли. Модальные слова имеют значение предположения, сомнения, вероятности, уверенности говорящего в мысли, выраженной в предложении. Модальные слова выполняют функцию вводного члена предложения и обычно относятся ко всему предложению в целом» [1, с. 200]. Формально вводные слова довольно разнообразны. Так в газетном стиле, мужчины – авторы используют следующие модальные слова в функции вводного элемента: *of course, perhaps, unfortunately, in fact, indeed, speaking generally*. Женщины – авторы особенно не отличаются частотностью употребления аналогичных модальных слов в своих статьях: *unsurprisingly, in fact, of course, may be*. Не следует помнить, что если всякое модальное слово может выступать в функции вводного слова, то не всякое вводное является модальным.

Попытаемся разобраться в специфике употребления разных групп вводных слов, словосочетаний и предложений в текстах разнополюсных авторов. Самыми часто употребляемыми вводными элементами, привносящими эмоциональную окраску в контекст, являются вводные словосочетания и предложения, выражающие чужую речь или ссылку на источник информации. Сочетание *according to* – равно популярно как у авторов мужчин, так и женщин. Что касается вводных предложений, благодаря которым авторы пытаются указать на достоверный источник, сообщаемой информации, то здесь мы тоже можем наблюдать некий баланс, за исключением одного яркого нюанса – инверсии.

Всем известно, что традиционный порядок слов предложения в современном английском языке – это подлежащее, сказуемое, дополнение, другие члены предложения. Именно в таком понимании – количество примеров вводных предложений, написанных авторами мужчинами, почти не уступает количественному соотношению, найденных примеров у авторов женщин статей. Но инверсия – это нарушение обычного порядка следования членов предложения, в результате которого какой-нибудь элемент оказывается выделенным и получает специальные коннотации эмоциональности и экспрессивности. Исследование показало, что преимущественно женщины-авторы склонены к наиболее частому использованию инверсии в своих текстах. Как мы помним из вышесказанного, что именно женщины воспринимают как «нарушителей». В данном случае мы будем говорить о женщинах – «нарушителях» в таком смешанном гендерном сообществе, как средства массовой информации (СМИ).

Как считает И.Р. Гальперин: «всякая перестановка, нарушающая, в большей или меньшей степени, привычный порядок слов, влечет за собой либо изменение логического содержания пред-

ложения, либо сообщает дополнительную, эмоциональную окраску всему высказыванию [3, с. 188]. Эффект очевиден: при помощи инверсии достигается цельное воздействие на читателя. Существуют разные виды инверсии, но в наших примерах широкое применение находит интенсификация (способ смыслового выделения подлежащего). Выделение подлежащего как слова, несущего на себе наибольшую смысловую нагрузку в предложении (даже если это вводное предложение), возможно различными способами. Основными из них являются – порядок слов.

Например:

The Chicago hotel's location should help the relaunch, said one observer. (Kathy Bergen, Chicago Tribune 12.02.07)

Creditors lose from insolvency, says Mr. Lomas.

(Jenny Lucasby, The Financial Times 19.05.06)

Инверсия, как мы знаем, выполняет несколько функций. Первая, и самая очевидная, – это грамматическая, то есть изменение привычного, правильного порядка слов. Другая функция – это логико-информационная. Инверсия присутствует непосредственно в вводной конструкции, во именно эта конструкция, составляя сообщение, в то же время содержит информацию, по поводу другого сообщения, являющегося в основном в рамках общей структуры. Так мы можем предположить, что инверсия вводного предложения – это базовый слой для всего целого предложения. Где основное содержание является ремой; эта первая ударная позиция выделяет новое. А подлежащее вводной части, находясь в свою очередь в последней позиции, – это тема. Эта последняя позиция также имеет большой эффект. В поле зрения читателя попадает именно та информация, которая является движущей, основной.

Для женщин характерно использование таких сочетаний как *for example, for instance*, которые имеют сами по себе более нейтральный смысл в общем контексте. Мужчины более склонны к вводным словам, указывающим на порядок следования мыслей: *at first, after that, on the other hand, then again*, таким образом, они устанавливают логические связи отдельных предложений в составе сложного синтаксического целого.

Подводя итог всему вышесказанному, нельзя не согласиться с Р.М. Бободжановой, что «гендерные отношения, даже не являясь предметом публикации, могут проявляться в очень многом: от содержания публикации и разного рода смысловых акцентов до лингвостилистических средств оформления ее. СМИ – это не только проводник необходимой информации, но и агент социализации общества, распределитель социальных норм и стереотипов. Поэтому анализ гендерных аспектов массовой коммуникации представляется актуальным в первую очередь» [2, 3–4].

Литература

1. Белова, М. А. Грамматика английского языка / М. А. Белова. – М. : Высшая школа, 1984. – С. 319.
2. Бободжанова, Р. М. Роль СМИ в формировании гендерных стереотипов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Р. М. Бободжанова. – Душанба, 2006.
3. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1958. – С. 459.
4. Горошко, Е. Н. Языковое сознание (ассоциативная парадигма) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. Н. Горошко. – Москва, 2001.
5. Колчанский, Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колчанский. – М. : Наука, 1975. С. 140.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990.
7. Спирушкина, Е. В. Проявление гендерного фактора в немецком языке (на материале немецкой публицистики) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2006.
8. Шапиро, А. Б. Основы русской пунктуации. – М. : Академия наук СССР, 1955.
9. Щеболева, Н. И. Вставочные конструкции в современном литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1955.
10. Cameron, Deborah. (2005) Language, Gender and Sexuality: Current Issues and New Directions. from "Applied Linguistics". – Oxford University Press. – V. 26. – № 4. – December, 2005. – P. 482–487.
11. Scott, E. Composing as Person: Gender, Identity, and Student Writing. WJLLA. – V. 10. P. 17–22. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://scholar.lib.vt.edu/ejournals/WJLLA/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.

ТРЕХЧАСТНОЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С СОЧИНЕНИЕМ И ПОДЧИНЕНИЕМ КАК БАЗОВЫЙ КОМПОНЕНТ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Т.В. Парникова

Белгородский государственный университет

На протяжении нескольких десятилетий исследование сложных предложений остается одним из направлений современной лингвистики.

Сложное предложение определяют как один из подклассов полипредикативных конструкций, то есть конструкций, в составе которых имеется более одной предикации. Если представлять связную речь как развертывающуюся во времени последовательность предикаций, то основная функция полипредикативных конструкций – и сложного предложения в их числе – выделить в этой последовательности группы предикаций, более тесно связанных между собой по смыслу. Смысловое единство внутри такой группы обычно оформляется интонационно. Кроме того, оно может выражаться с помощью особых грамматических и лексических средств, например, посредством союзов [4].

На чрезвычайную сложность структурно-семантического механизма полипредикативных сложных предложений, их многоликость, их сложные отношения с другими синтаксическими единицами указывали многие исследователи. Г.Ф. Калашникова считает, что полипредикативное сложное предложение – синтаксическое построение в системе сложного предложения, строевыми элементами которого являются предикативные единицы и их блоки, которое включает в свой состав не менее трех предикативных единиц, объединенных связью соподчинения, последовательного подчинения или комбинациями подчинительных и сочинительных связей, и имеет уровни членения [1, с. 75].

К.И. Ракова выделяет шесть типов полипредикативных предложений с сочинением и подчинением, а именно: 1) конструкция, состоящая из минимального паратактического и минимального гипотактического комплекса закрытого типа; 2) конструкция с расширенным гипотактическим комплексом при минимальном паратактическом комплексе; 3) конструкция с расширенным паратактическим комплексом при минимальном гипотактическом комплексе закрытого типа; 4) конструкция с расширенными паратактическим и гипотактическим комплексами; 5) конструкция с несколькими гипотактическими комплексами, объединенными сочинением; 6) конструкция с минимальным паратактическим комплексом и несколькими гипотактическими комплексами; 7) конструкция с расширенным паратактическим комплексом и несколькими гипотактическими комплексами [3, с. 160].

Именно первая модель из предложенной классификации является объектом нашего исследования. Указанному типу предложений уделялось внимание в диссертационных работах Г.В. Поздышевой (2004), Н.В. Шейфель (2005).

Цель статьи – анализ минимальной полипредикативной конструкции с сочинением и подчинением закрытого типа, функционирующей в поэтическом тексте современного английского языка; выявление потенциала данного построения.

В поэтическом тексте как в любом другом виде текста взаимодействие предложений образует собой сложное явление. Бесспорно, предложение не существует изолированно, оно находится в непрерывном взаимодействии со своим окружением. Только в связи с ним оно может быть понято более полно, поэтому анализ предложения предполагает и описание той ткани (*in situ textus*), в которой оно действует.

Содержание анализируемого типа предложения облекается в форму минимального полипредикативного комплекса с сочинением и подчинением закрытого типа, вне которой оно не может существовать с полной самореализацией. Именно упомянутая форма служит проявлением содержания, а потому имеет смысл.

Минимальная единица полипредикативного предложения с сочинением и подчинением объединяет трехчастные предложения, состав конструкции определяется тремя предикативными единицами – одной сочинительной и двумя подчинительными частями. Данная модель является основной, базовой разновидностью минимального полипредикативного предложения с сочинением и подчинением. Большинство исследователей считают минимальной структурой

именно трехчастное полипредикативное предложение с сочинением и подчинением. Такие строения действительно являются типичными в иерархии полипредикативных предложений.

Г.В. Позднышева указывает, что подобные конструкции чаще других представлены в английской и американской художественной литературе - такие построения составляет 43 % от количества рассматриваемых предложений. По частоте употребления трехчастные предложения закрытой структуры занимают первое место среди всего корпуса анализируемых примеров. Предложения этого типа являются наиболее изученной моделью, исследованием которой занимались Г.Ф. Гарилова, О.Ф. Успенская, Н.Н. Холодов, В.И. Фурсенко, И.А. Василенко, делая основной вклад в семантические отношения в рассматриваемых конструкциях [2, с. 12].

Н.А. Шейфель, исследуя темпоральность в когнитивно-комплексном предложении современного английского языка, отмечает, что наиболее типичной конструкцией для монополярных и битемпоральных предложений в эпических произведениях является первый тип объединяющий минимальный паратактический и гипотактический комплексы [5, с. 10].

Что касается поэтических текстов, то по нашим данным упомянутая конструкция чаще других представлена в британской и американской поэзии и составляет 45 % от общего количества примеров. В детских стихотворениях (текстах малых форм) процент анализируемых конструкций достигает 51 от общего количества примеров, 41 % падает на поэтические произведения среднего объема, 42 % приходится на поэтические произведения большого объема (эпические баллады). Рассмотрим пример:

She went to the hatter's
To buy him a hat,
But when she came back,
He was playing the flute.
(Mother Hubbard)

Данное построение представляет собой минимальную модель полипредикативного предложения с сочинением и подчинением, реализованную в коротком детском стихотворении.

Анализ минимального трехчастного предложения с точки зрения наличия в нем стилистических изобразительно-выразительных средств языка показывает, что данный тип успешно реализует многочисленные лексические изобразительно-выразительные средства, такие как метафора, эпитет, гипербола, сравнение, метонимия и др.:

Full swiftly blew the swift Siroc,
When last I pressed thy lip;
And long ere now, with foaming shock,
Impelled thy gallant ship.

(G. G. Byron Stanzas. Composed During a Thunderstorm)

Кроме того, полипредикативное предложение первого типа с паратаксисом и гипотаксисом как элемент стихотворного текста несет в себе способность к реализации различных концептов, круг исследования которых постоянно расширяется, о чем свидетельствует большое количество публикаций и диссертационных исследований. Анализируя семантическую организацию указанных предложений в стихотворных произведениях военной тематики, мы выявили их способность к реализации концепта «Война» ("War") посредством различных репрезентантов:

We fired a single cannon,
And as its thunders roll'd
The mist before us lifted
In many a heavy fold.

(Th. Dunn English. The Battle of New Orleans)

В данном примере реализация концепта "War" предстает посредством лексем to fire, cannon, thunder, to roll, heavy.

Проведенное исследование минимальных полипредикативных предложений с паратаксисом и гипотаксисом закрытого типа подтверждает то, что представленный тип является емкой, насыщенной, экономной конструкцией в различных типах текстов. Функционирование

минимальных моделей полипредикативного предложения в детских стихотворных текстах и высокий процент их употребления доказывает, что данные конструкции являются базовыми в иерархии предложений, объединяющих паратактические и гипотактические связи. Монотемпоральные и битемпоральные предложения являются наиболее продуктивными из всех типов исследуемых конструкций.

Концентрация в одной трехблочной конструкции некоторого количества стилистических приемов, их взаимодействие позволяют в полной мере достичь художественного эффекта. Трехчленные полипредикативные предложения с сочинением и подчинением, как базовый компонент поэтического текста, способны реализовать концепты различными языковыми средствами.

Литература

1. Калашникова, Г. Ф. Синтаксический статус полипредикативных сложных предложений и их отличие от элементарных сложных предложений: сб. науч. Трудов. Сложные элементарные и полипредикативные предложения / Г. Ф. Калашникова. – Калинин, 1983. – С. 75.
2. Позднышева, Г. В. Минимальные конструкции полипредикативного предложения с сочинением и подчинением: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. В. Позднышева. – Белгород, 2004. – 25 с.
3. Ракова, К. И. Типы полипредикативного предложения с сочетанием гипотаксиса и паратаксиса в современном английском языке / К. И. Ракова // Научная мысль Кавказа. – Приложение 10, 2004. – С. 157–167.
4. Трошева, Т. Сложное предложение и его коммуникативная целостность / Т. Трошева // Филолог, 2003. – № 2.
5. Шейфель, Н. А. Темпоральность и компаундно-комплексном предложения современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Шейфель. – Белгород, 2005. – 18 с.

РОМАН С. ЖЕРМЕН «TOBIE DES MARAIS» В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА (К вопросу о межкультурной коммуникации)

М.В. Пивдунен

Карельский государственный педагогический университет, г. Петрозаводск

Термин «Магический реализм», изначально возникший применительно к живописи, все чаще употребляется в разговоре о литературе, особенно о литературе Латинской Америки. Определяя это явление, А. Карпентьер рассматривал его как литературное направление, характерное исключительно для стран Латинской Америки, противопоставляя их «подлинное, естественное чудесное» начало «искусственному, мнимому» европейскому. [2, с. 135–136] В своей статье, посвященной поэтике магического реализма в творчестве Г. Маркеса, И. Дейнеко считает, что в произведениях данного направления «реальное видится через призму фольклорного влияния», подчеркивая, однако, что это лишь одно из возможных определений. А далее, при анализе романа Г. Маркеса «Сто лет одиночества», признающего образца магического реализма, говорит о том, что его сюжетную основу «составили обобщенные и проинтегрированные через призму фольклорных представлений библейские предания», своеобразие же магического реализма, равно как и своеобразие латиноамериканского фольклора, заключается в самобытности самой реальности стран Латинской Америки, а также в духовных поисках латиноамериканцев [1, с. 58–59], процессе, который мы бы назвали попыткой нации самоидентифицироваться, каким-то образом позиционировать себя в международном культурном и духовном контексте. Представляется, однако, что за последние 60 лет магический реализм вышел за пределы региона, которому обязан своим рождением. Примером этому может стать роман французской писательницы С. Жермен «Tobie des marais», появившийся в 2003 году, произведение, относящееся к той самой «искусственной» европейской литературе. Тем не менее, оно, с нашей точки зрения, относится к направлению магического реализма. Попробуем доказать это, рассмотрев роман «Tobie des marais» по тем же позициям, что в статье И. Дейнеко рассматривается роман Г. Маркеса «Сто лет одиночества».

Сюжет романа отсылает нас к апокрифической библейской легенде «Книга Товия», роман пронзан ссылками и аллюзиями на события этого произведения, его героев. Каждая глава открывается цитатами из «Книги Товия». Имя главного героя – французский вариант имени Товий. Многие имена героев также взяты из библейского сказания. Само заглавие «Тоби с болот» многозначно и по-

рождает множество ассоциаций; оно отсылает искушенного читателя к загадочному сота А. Жюль «Топи», а у неискушенного рождает ассоциации со словом «болота». Вне зависимости от культурного багажа читателя, его происхождения и жизненного опыта это слово ассоциируется с чем-то таинственным, опасным. Болота – это иной мир, где обитает нечистая сила, где человек жить не может, где случайных посетителей ждет смерть. Семья, живущая на болоте, не может быть обычной. Она живет по законам иной, «болотной» реальности, оторвана от мира людей. Такова семья Лебоновых – евреев, бежавших из оккупированной фашистами Польши и после неудачной попытки эмиграции в США осевших во Франции и смешавшихся с коренными жителями провинции Пуату. Тем не менее, дух одиночества, воистину «ста лет одиночества», отсутствия корней, тяготы над французской ветвью семейства, поэтому оно и живет на болотах. Как и у Маркеса, трагичная история этой семьи переплетена со всеми трагедиями европейской истории XX в. Над родом тягостное проклятие – по странному стечению обстоятельств у него нет ни одной могилы, все члены семьи пропали без вести, либо возникали еще какие-то причины, по которым семье негде поглотить своих умерших. И этот факт тоже накладывает на Лебоновых печать вечных изгоев, отчужденности.

Как и в романе Маркеса, каждый персонаж «Tobi des magais» – носитель магической реальности. С ними происходят невероятные вещи, при этом герои воспринимают их как само собой разумеющееся, тем самым заставляя и читателя поверить в естественность такого хода вещей. Одни из ключевых персонажей – Дебора, матриарх рода, заменявшая мать для Тоби. Долгожительница, как Урсула у Маркеса, Дебора хранит память и традиции семьи. Она разговаривает с умершими и беседует с демонами, устраивает символический могилы для каждого исчезнувшего члена семьи. Другие члены семьи тоже необычны. Валентина раскрашивает прямо на зеркале отражения предметов. Артур проводит все свободное время в погасшей печи старого кирпичного завода. Теодор разговаривает с покойной женой и гуляет только в тумане. Анна, мать Тоби, постоянно ездит верхом по болотам. Ее смерть в заброшенном поместье тоже носит мистический характер: в результате несчастного случая у нее оказывается отрезана голова, которую так и не находят. Здесь нелишне вспомнить, какое обилие архетипических мифов и поверий у всех народов связано с фактом отрезания головы. Объединяет на одну отрезание головы является актом перехода всей окружающей реальности в иную, «параллельную» реальность.

Главный герой повествования – Тоби, ребенок – мессия, которому суждено освободить семью от тяготеющего над ней рока. Как и все члены семьи, он считает чудо и чудесное чем-то естественным. Для него это обыденные явления. Атмосфера романа полна магических явлений, как и атмосфера романа Маркеса. Говорящая рыба, родники, бьющие из могилы Деборы – все это находится у героев мистическое, но вполне обыденное, а главное – удовлетворительное для них объяснение. Маленький Тоби по вечерам уезжает на своем трехколесном велосипеде по пустынному шоссе, «чтобы встретиться с чертом». Когда он вырастает, у него появляется загадочный друг и спутник в странствиях – Рафиэль. Никого не удивляет, что это – архангел. При этом магическая атмосфера контрастирует как с внешней обыденностью происходящего, так и с обыденностью восприятия героями магического начала: магия в людях, а не в мире. Именно люди создают магические ситуации, увлекают в них других людей и «притягивают» полусторонние силы своей необычностью. Их неизбежная вера в естественность магического хода вещей овеивает магию, делает ее объективной реальностью. Одновременно с этим трагичность мировоззрения автора очевидна. Она проявляется в покорности героев судьбе, рок для них – часть магии этого мира, то есть часть их жизни. Ему нельзя и невозможно сопротивляться.

В романе Маркеса время делится на циклы, носит, по словам И. Дейнеко, поступательный возвратный характер. В романе С. Жермен время образует скорее восходящая спираль: циклы повторяющихся событий, при чем события каждого из них семья Лебонов переосмысливает всякий раз на ином, более высоком уровне сознания – от приземленно – бытового и начале истории, до возвышенного, религиозно – мистического – в конце романа. Как и в романе Маркеса, каждый цикл заканчивается катастрофой. У С. Жермен эти катастрофы носят двойной характер: историческое бедствие влечет за собой смерть кого-то из членов семьи. На уровне же семьи такое событие каждый раз обретает масштабы вселенской катастрофы. Автор произвольно замедляет ход романного времени: первый цикл, только вкратце повествует о жизни Деборы, ее юности, бегстве из Польши, смерти ее брата, неудавшемся бегстве в США, возвращении, замужестве и дальнейшей жизни. Более половины книги посвящено последнему цик-

ду – жизни и взрослению Тоби, его странствиям. У Маркеса в романе есть место, где время на-
конец остановилось. Точно такое же место есть и у С. Жермен – это дом Лебонов на болотах.

Г. Маркес говорил, что писатели должны «...просто верить в реальность, не пытаюсь
объяснить, почему они приверженцы именно магического реализма» [3, с. 117–118]. С. Жермен
ярит в реальность происходящего в ее книге, иначе ее герои не вели себя столь естественно в
совершенно сверхъестественных ситуациях. Но ее герои – не совсем обычные люди. Чтобы по-
казать, как вел бы себя в подобных обстоятельствах «обычный» человек, писательница ставит
на его место собак – вечных спутников Анны, Теодора, Рафаэля, Тоби. Реакция собаки каждый
раз показывает читателю, какова бы была его собственная реакция на ту или иную ситуацию.
Дух необычности, непредсказуемости повествования еще больше усиливается контрастом сме-
тения животных и спокойствия хозяев.

В романе нет авторской оценки – только повествование. Нет положительных и отрица-
тельных героев: почти каждый персонаж отсылает нас к «Книге Товия», легенде об искушении
ребяч рода, где все персонажи уже архетипичны. Естественно, герои романа С. Жермен также
очень близки к архетипам.

Таким образом, роман С. Жермен «*Tobie des paradis*» по всем признакам принадлежит к на-
правлению магического реализма. Как и роман Маркеса «Сто лет одиночества», он построен на
основе мифа, в данном случае библейского. Но «Книга Товия» не вошла в каноническую Библию,
ашиано, именно потому, что сохранила множество элементов различных восточных легенд. А
легенды, как известно, сохранили большое количество архетипических элементов. Книга С. Жер-
мен без сомнения, также переосмысляет миф. Но в повествовании не обнаруживается никаких сле-
дов собственно фольклора – французского, иудейского, или какого-то еще. Возможно, фольклорное
переосмысление мифологической первоосновы обязательно для магического реализма. Но оче-
видно, что переосмысление реальности все же присутствует в книге: мышление ребенка (или
взрослого, оставшегося ребенком в душе), без сомнения допускает магическую интерпретацию ми-
ра. А главный герой романа – ребенок, позже выросший, но сохранивший детский взгляд на мир. И
закрепляет он такое видение мира именно потому, что вырос в окружении взрослых, навсегда ос-
тавшихся в душе детьми.

Следовательно, понятие мифологического реализма как литературного направления можно
расширить. Безусловно, это явление расширило свои рамки и географически уже не принадлежит
только литературе латиноамериканских стран. Но магический реализм нельзя рассматривать как
явление только через призму фольклорных влияний – существует множество возможностей увидеть
архетипические, мифологические первоосновы мироздания и под другим углом зрения, также не
характерным для того, что называют современной цивилизацией. Роман Сильви Жермен не только
является доказательством этого, но и открывает перед магическим реализмом новые возможности и
перспективы дальнейшего развития.

Литература

1. Дейнеко, И. Поэтика магического реализма в романе Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет оди-
ночества» / И. Дейнеко // Андреевские чтения. – М., 2007.
2. Карпентьер, А. Избранное / А. Карпентьер. – М., 2000.
3. Маркес, Г. Г. Статьи о литературе / Г. Г. Маркес. – М., 2006.

ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ ОЦЕНОЧНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА

И.В. Смирнова

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург*

Автором были исследованы лексические единицы, содержащие в своей семантике эле-
мент оценки, в рамках газетного функционально-речевого стиля. Предмет исследования – оце-
нимость как компонент значения лексической единицы.

Предварительно было определено место газетного стиля в системе функционально-речевых стилей. Автор придерживается точки зрения Арнольд и считает, что целесообразно рассматривать газетный стиль как самостоятельный [2, с. 263], а не в рамках публицистического стиля [3, с. 128].

Известно, что оценочность является одним из микрокомпонентов в структуре лексического значения слова и может быть локализована в разных частях значения слова. Традиционно различают коннотативную (локализованную в коннотативной части) и денотативную (локализованную в денотативной части) оценки [1, с. 47]. Оценочный микрокомпонент значения слова – сложное образование с внутренней структурой. Сложная внутренняя структура оценки, ее содержание и полярность обусловлены особенностями человеческого сознания. Оценка может проявляться на разных языковых уровнях – фонетическом, морфологическом, синтаксическом. Оценочность является важным стилиобразующим элементом газетного текста и реализуется в газетном тексте на всех этапах его создания, разнообразными способами: лингвистическими и экстралингвистическими, имплицитно и эксплицитно.

Впервые предлагается типология категории оценки, основанная на литературных данных и собственных лингвистических наблюдениях. Оценочные единицы можно классифицировать, исходя из типа оценки и средства выражения оценки.

А. Тип оценки можно различать, руководствуясь следующими принципами:

1. Локализация оценочности в денотативном или коннотативном макрокомпоненте:

- коннотативная;
- денотативная.

2. Содержание оценки.

- интеллектуальная;
- интеллектуально-эмотивная.

3. Отношение субъекта речи к объекту высказывания:

- рациональная;
- эмоциональная.

4. Полярность оценки (рационально-оценочная интерпретация действительности).

- положительная;
- отрицательная;
- ситуативная.

Б. Оценку по средствам выражения оценки можно классифицировать, используя следующие принципы:

1. Формальная выраженность:

- формально выраженная;
- формально невыраженная.

6. Локализация оценки в семантике слова или в контексте.

а) Имплицитная:

- оценочная метафора;
- эвфемистическая замена;
- озадание окказионализмов на основе слияния слов-доноров.

б) Эксплицитная:

- квазисинонимическая ситуация;
- обусловленная контекстом.

Кроме того, оценочную лексику можно классифицировать по принадлежности тому или иному регистру речи:

- сленг;
- разговорный;
- нейтральный;
- книжный.

Оценочные лексические единицы могут быть распределены по классам, которые характеризуются перечисленными параметрами в разных сочетаниях.

Оценочность как часть лексического значения слова представляет собой не просто один из компонентов значения, но комплексное структурное образование. Оценочный компонент

можно рассматривать как структуру (автор вводит понятия «оценочный треугольник» и «оценочный вектор») и как отражение категории оценки в человеческом сознании (рациональное или эмоциональное отношение субъекта к объекту оценки, положительная или отрицательная оценка явления).

Лексические единицы с оценочным компонентом можно классифицировать по структуре подшаблонной рамки (структуре оценки). Возможны два варианта.

1. Субъект речи является нейтральным, он лишь констатирует оценочное отношение субъекта действия и оценки к объекту действия и оценки. Такую ситуацию можно описать с помощью «оценочного треугольника», три вершины которого – это нейтральный субъект речи, субъект оценки (который также является субъектом действия) и объект оценки. Одна из сторон этого треугольника является «оценочным вектором», направленным от субъекта оценки к объекту оценки.

2. Субъект речи является одновременно субъектом оценки, а также субъектом действия (если при этом совершается действие), он оценивает объект оценки (реалию или действие), в таком случае две вершины оценочного треугольника (субъект речи и субъект оценки) сходятся в одной точке, и оценочный треугольник «складывается» в оценочный вектор, направленный от субъекта речи и оценки к объекту оценки.

Поясним выше сказанное на примерах из информационных заметок современных англоязычных паев. Такие свойства оценки, как рациональное отношение субъекта оценки к объекту оценки и денотативная локализация оценочного компонента свойственны, например, лексическим единицам с формально невыраженной оценкой из лексического поля «преступления, противоправные действия»: *human trafficking, invasion, killer, murder, roach* и др., *trespassing, truant*. Это отрицательные оценочные единицы с оценочной структурой в виде оценочного вектора.

Одна и та же лексическая единица может, в зависимости от контекста, относиться к одному или другому типу. Например, *drunk* может передавать не только рациональное отношение, но и эмоциональное, в зависимости от того, в каком значении оно используется. В значении «валяющийся, пьяный» эта лексическая единица передает эмоциональное отношение, но в значении «исходящий в состоянии алкогольного опьянения (с точки зрения объективных характеристик, предусмотренных законодательством)» та же самая лексическая единица передает рациональное отношение субъекта оценки к объекту оценки.

К тому же лексическому полю относятся и слова из менее формализованного слоя языка, которые тоже определяют асоциальные действия (бродажничество, сексуальную распущенность): *down-and-out, tramp, promiscuity, concubine*.

Отрицательная оценочность этих слов может быть дополнена эксплицитно. Например, в предложении “What a false god promiscuity can be!” (M1) слово *promiscuity* поддержано предикативом с негативной оценочностью *a false god* и риторическим восклицанием “What a ... !”, добавляющим экспрессии всему высказыванию.

Примером лексических единиц со структурой оценки в виде оценочного треугольника могут служить, в частности, оценочные единицы, выражающие эмоциональное отношение субъекта оценки к объекту оценки с денотативной локализацией оценочного компонента. Положительные оценочные единицы этой группы описывают уважение: *respect, congratulate, endorse*; симпатии *prefer; well-wishers*; поддержку *boost* разг., в переносном значении – поддерживать.

Примером окказионализма в роли эвфемизма с отрицательной оценочностью может служить лексическая единица *wifelet*. К основе *wife* (жена) добавлен узнаваемый суффикс – *let* (образует существительные со значением уменьшительности). “Why did you call them wifelets?” I ask. “Was it because it was easier than remembering their names?” A blush suffuses his round cheeks. “Because wifelets sound nicer than concubines. But I admit I can't recall all their names. Some didn't last long”. На отрицательную оценочность слова *wifelets* указывает контекст (собеседник не помнит имен своих сожительниц) и слово *concubines*, употребленное вместе с *wifelets*. На первый взгляд, *wifelets* и *concubines* противопоставлены друг другу, но на самом деле в данном случае это не противопоставление, а поиск более «приятного» слова, то есть эвфемистическая замена.

Итак, пласт оценочной лексики в газетном дискурсе является динамичным и сложным образованием, представляющим богатый материал для классификации по различным

принципам. Причем тип оценочности – это не застывшая реалья. Напротив, закономерным является «перетекание» лексической единицы из одного оценочного типа в другой.

Литература

1. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка : учеб. для ин-тов и ф-ностр. яз.; 3-е изд., перераб. и доп. / И. В. Арнольд. – М. : Высш. шк., 1986. – 295 с. – На англ. яз.
2. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – Л., 1981. – 295 с.
3. Солганик, Г. Я. О поэтике публицистики / Г. Я. Солганик // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1986. – С. 128–134.

РЕЧЕВАЯ РЕФЛЕКСИЯ С.М. СОЛОВЬЕВА В ТЕКСТЕ «ИСТОРИИ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕНЬ»

Н.Г. Смирнова

Ставропольский технологический институт сервиса (филиал) ЮРГУЭС

В методологии науки рефлексия как личное отношение к предмету исследования проявляется в стремлении к сознательному контролю за ходом, формами, условиями процесса познания. При рассмотрении научного текста как системы субтекстов, то есть, с точки зрения политекстуальности текста, особо интересным компонентом политекстуальной структуры является рефлексивный субтекст.

Его содержание в значительной степени вырывает личностно-психологический аспект познавательной деятельности ученого. Рефлексивный субтекст свидетельствует о поиске автором лучшего выражения своих мыслей, содержит комментарий собственного и чужого текста; при этом он нераздельно связан с метатекстом, который считается способом упорядочения всех субтекстов научного текста как единого целого. Рефлексия ученого может быть направлена на процесс научного творчества как таковой, на старое и на новое знание, а также на сам текст.

Анализ текста «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева обнаруживает высокую насыщенность его фрагментами, формирующими рефлексивный субтекст. Он представлен как дискретными операторами, рассредоточенными по всему текстовому пространству, так и когнитивным способом текстуализации.

Авторские комментарии и объяснения понятий, терминов, заимствованных слов, географических названий и пр., размышления по поводу сказанного являются проявлением заботы об адресате: они облегчают восприятие информации, направляют мыслительную деятельность адресата в нужное русло, ориентируют его в коммуникативном пространстве, предотвращают возможную ситуацию непонимания. Высказывания такого рода являются маркерами речемыслительной деятельности автора.

В примечаниях к первым томам «Истории ...» обнаруживается особенно большое количество комментариев метатекстового характера по поводу происхождения названий, реалий, терминов, языка летописей. Причина тому – множество «белых пятен» в летописных источниках, сложность языка первоисточников, необходимость его дешифровки. По мере развертывания повествования количество подобных примечаний резко уменьшается за счет изменения характера источников, приближения исторического прошлого к рассказчику.

Часто чужое слово комментируется, оспаривается, то есть, предстает в метатекстуальном рикурсе. Выявляя согласие и противоречие взглядов, сравнивая точки зрения, С.М. Соловьев использует языковые средства, характерные для научной аргументации и таких процедур, как оценка, опровержение, аргументированное возражение. Подобные фрагменты текста всегда отмечены разнообразными метатекстовыми комментариями. «Автор вооружается против Карамзина ... Обвинение, по нашему мнению, несправедливое ...» [1, с. 308]. «Место летописи о распорядке между сыновьями Ярослава I нуждается в объяснении» [1, с. 668]. «Что же касается известия, сообщаемого Герберштейном ... то это сказка, выдуманная и рассказанная Герберштейну людьми, одобренными на потомство Василия Темного» [2, с. 648].

С.М. Соловьев отличает уважительное, бережное, скрупулезное отношение к слову. Исследование текста выявляет множество фрагментов «Истории России ...», свидетельствую-

них о ярко выраженной способности С.М. Соловьева к языковой рефлексии и его высокой лингвистической компетенции. Метатекстовый потенциал «Истории России» очень высок; в многомерном текстовом пространстве этого труда языковая рефлексия автора образует отдельное измерение текста. С.М. Соловьев постоянно комментирует свой и «чужой» тексты, контролирует собственную речь, ищет лучшие способы выражения мысли.

Даже беглый взгляд выделяет в тексте «Истории» массу слов, выделенных курсивом (который также относят к графическим метапоказателям), и сопровождаемых комментарием автора по поводу происхождения, источника, значения того или иного слова или выражения. Это вознесения к словам иноязычного происхождения, либо к словам местных говоров, к редким или забытым понятиям, спорным фрагментам летописей, терминам, географическим названиям. «Первым делом Ростислава было урядиться с *сестричицем* своим (племянником от сестры)» [1, с. 473]. «... перебили много мужей новгородских в *Клину*: *Клин* – это русский перевод эстонского слова *Waija*, или *Wagja*, как называлась часть нынешнего Дерптского уезда в XIII веке» [1, с. 403]. «Половцы – русский перевод татарского *кыпчак*» [1, с. 672]. «Как принять здесь слово *выдал*? В смысле ли физическом – отдал, сдал, или в том смысле, что он выдал его на суде, то есть, не вступился за него перед князем? По следующему известно ... можно принимать первое, но можно также принять и то и другое» [1, с. 710].

При этом комментарии и пояснения также выдержаны в духе диалога с читателем, с помощью метадискурсивных операторов автор показывает читателю свои сомнения или, напротив, уверенность в сказанном: «После этого ясно, как мы должны понимать выражения, что Новгороду принадлежали обширные страны от северной Двины до Урала и за Урал» [1, с. 713], «так понимают это место; но мы не решаемся признавать это понимание совершенно правильным ...» [1, с. 713].

С.М. Соловьев использует метасредства, характеризующие лексику по ее принадлежности определенной сфере, определенной личности либо определенной эпохе: «Ущедши в степь без воли, козляки могли подчиняться государству только номинально ... Покойно они жить не могли ... они должны были добывать себе средства к жизни, *добывать зипуны, по их выражению*» [3, с. 42]. «В Польше все дела шли, «как молодая брага», *по выражению Петра*» [4, с. 164]. «Екатерина ... хотела познакомиться, *по тогдашнему выражению, с умоначертаем мародным...*» [5, с. 71]. «... вспомним, что в старину изгибы морских берегов, заливы, буханы обыкновенно назывались *луками* или углами, *лукаморьем* ...» [1, с. 270].

Комментарии С.М. Соловьева в виде этимологической справки, лексико-семантической этиологии, характеризующая его языковую личность, свидетельствуют о тонком чувстве языка. «Слово *дружина* происходит от *друг*, а *друг* – от санскритского *дру* – *иду, следую* (удрить-убежать) ... Следовательно, дружина есть товарищество, сбор людей, идущих вместе, по одной дороге, откуда *дорога*, или *дрюги*, значит не только *via* и толпа, собирающаяся куда-нибудь, – общество, свита. ... Мы прибавим, что и французское *route* в древнем языке значит дружина, отряд. Если наипа *дружина* происходит от *дру* – идти, то нет препятствия и польское *szlachta* привести в связь со старинным словом *шлях* – *дорога, путь*» [1, с. 315]. Очевидно, что автор не ограничивается простым изложением фактов, но стремится научить читателя умению видеть структуру слова, ощущать изменения в развитии языка.

Суть бережного отношения к слову выражена Соловьевым в споре, где он отстаивает свой взгляд на родовое устройство и говорит: «когда дело идет о древних понятиях, то слова должны быть принимаемы в том значении, каковое они имели в старину, а не в том, какое имеют теперь, ибо известно, как слова переменяют значение ...» [1, с. 274].

Показательны также и другие замечания, свидетельствующие о тщательном анализе источников и отражающие речевую рефлексии автора: «Мы не думаем, впрочем, чтоб должно было, как здесь, *принимать эту поговорку буквально*» [1, с. 706]. «Не забудем, что это выражение – *бессмысленное* – мы должны принимать относительно» [1, с. 672]. В рассуждениях Соловьева о происхождении слова *варяг* находим выразительное замечание: «...если бы даже между этими двумя словами не было связи филологической, то есть исторической» [1, с. 290].

Интересно, что С.М. Соловьев не оставляет без комментария и факт отсутствия в летописях тех или иных сведений: «Летописи молчат о существовании храмов и жрецов у наших восточных славян» [1, с. 108]. «О движении дулебов-бужан летописец не знает» [1, с. 89].

Молчание источников тоже красноречиво, что подчеркивает автор: «О других племенах ... летописец сначала не упоминает ни в первом, ни во втором известии; из этого умолчания

имеем право заключить ...» [1, с. 88]. «... молчание древнейших дошедших до нас летописей ... ведет нас к заключению ...» [1, с. 195], «... но все не восполняет того, что молчат летописи, а летописи молчат о главном, о причинах событий, не дают видеть сущности явлений» [2, с. 621]. Последнее замечание С.М. Соловьева выдержано в духе его знаменитой идеи о *связи явлений*, которую он последовательно отстаивал.

Во многих фрагментах «Истории», отмеченных речевой рефлексией автора, мы встречаем классические, в понимании А. Вежбицкой, метатекстовые выражения, метатекстивные, которых упоминается сам акт речи; подобные высказывания получили также название операторов субъективно-рефлективного вмешательства: «Москва особенно поднялась, то есть, *лучше сказать*, расширилась и наполнилась людьми, во времена Иоанна III и сына его Василия» [1, с. 47]. «Таким образом, городская жизнь или, *лучше сказать*, посадская жизнь ... перед лицом преобразования представляет нам борьбу и с чужими, и со своими» [3, с. 101]. «Варяги имеют свою особую историю или, *лучше сказать*, одни составляют ее» [1, с. 324]. «Говоря про Олега приготовился к осаде города ...» [1, с. 134]. «Собственная, Южная Русь была украин так *сказать*, европейским берегом степи...» [1, с. 647].

Таким образом, рефлексия автора текста по поводу лучших способов вербализации нового знания, анализ своей и чужой речевой деятельности, отражая субъективное начало познавательной деятельности, характеризуют стиль мышления ученого, его языковую личность.

Рефлексивный субтекст вносит свой вклад в формирование смысловой многомерности научного текста; в конечном итоге читатель более продуктивно воспринимает текст, соотнося содержание нового знания с формой его репрезентации.

Литература

1. Соловьев, С. М. Сочинения. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. - М.: Мысль, 1988. - Т. 1-2. - Кн. I.
2. Соловьев, С. М. Сочинения. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. - М.: Мысль, 1988. - Т. 3-4. - Кн. II.
3. Соловьев, С. М. Сочинения. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. - М.: Мысль, 1991. - Т. 13-14. - Кн. VII.
4. Соловьев, С. М. Сочинения. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. - М.: Мысль, 1993. - Т. 15-16. - Кн. VIII.
5. Соловьев, С. М. Сочинения. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. - М.: Мысль, 1994. - Т. 27-28. - Кн. XIV.

ДЕРИВАЦИОННЫЕ СТРУКТУРЫ И СМЫСЛ ТЕКСТА

Ю.В. Грубникова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

Всякий текст как динамическая структура представляет собой пространственно-временное развертывание различных лексических рядов, члены которых находятся друг с другом в отношениях детерминации, то есть всякая «последующая» единица может быть рассмотрена как соматическое продолжение предыдущей. Данные ряды, взаимодействуя в тексте, образуют его лексико-деривационную структуру, которая определяет систему смыслов и служит основанием восприятия и интерпретации текста в целом.

Определяющая роль лексико-деривационной структуры текста в процессе его восприятия обусловлена внутритекстовыми деривационно-детерминационными процессами. В-первых, с деривационной точки зрения любой элемент текста, больший, чем слово, есть продукт развертывания, отдельный этап деривационного процесса и единица, обеспечивающая свертывание текста. Каждая единица как бы вырастает из всего предшествующего тексту конкретно из предыдущей единицы. В силу этого, между двумя сопологающимися языковыми единицами и, шире, между любыми элементами текста возникают определенные внутритекстовые связи и отношения. Связи и отношения разного рода (альтернатива, градация, конкретизация, обусловленность, тождество) возникают, таким образом, и между членами любого лексического ряда. Информационное наполнение («событийный материал») каждой части текста независимо от ее размера, является значимым, по крайней мере, с двух точек зрения: в-

первых, как источник информации о внутренних процессах, о разных аспектах смысловой структуры каждой из соотнесенных ситуаций, во-вторых, как источник информации о внутренних процессах возникновения смысловых связей и отношений. Если рассмотреть под этим углом зрения текстообразующие лексические ряды, то оказывается, что члены ряда, являясь частью семантической структуры, непосредственно участвуют в формировании контекстуального фактора отношения между смысловыми частями текста. Во-вторых, детерминационные связи между членами лексического ряда позволяют рассматривать весь ряд как целостный объект, собственностью которого, по сравнению с входящими в него единицами, является то, что он представляет собой не столько набор элементов, сколько именно систему связей между ними. Следовательно, лексический ряд как целостный объект определяет (может конкретизировать и даже менять) в том числе и семантику входящих в него единиц.

Деривационно-детерминационные процессы на уровне лексики протекают в тексте в двух направлениях – семантическом и/или формально-семантическом, соответственно, и все возникающие в тексте лексические ряды можно разделить на семантические и формально-семантические. Актуализация деривационных рядов возможна в микроконтексте в виде соположения в нем единиц формально сходных (лексический или морфемный повтор) или семантически близких (языковых и контекстуальных синонимов или антонимов). Ограниченность текстового пространства в этом случае мешает такого рода рядам занимать в тексте центральную смысловую позицию. Наоборот, лексико-деривационные ряды, организующие более широкий контекст и даже текст в целом, становятся ядром лексико-деривационной структуры, универсальной категории порождения и восприятия текста, и определяют процесс интерпретации данного текста, что можно показать на примере стихотворения И. Бродского «Folk Tune», написанного в 1980 г. уже на английском языке:

It's not that the Muse feels like clamming up,
 It's more like high time for the lad's last nap.
 And the scarf-waving lass who whisked him the best
 Drives a steamroller across his chest.
 And the words won't rise either like that rod
 Or like logs to rejoin their old grove's sweet rot,
 And, like eggs in the frying-pan, the face
 Spills its eyes all over the pillow-case.
 Are you warm tonight under those six veils
 In that basin of yours whose strung bottom wails,
 Where like fish that gasp at the foreign blues
 My raw lip was catching what then meant you?
 I would have hare's ears sewn to my bald head
 In thick woods for your sake I'd gulp drops of lead
 And from black gnarled shags in the oil – smooth pond
 I'd bob up to your face as some Tirpitz won't
 But it's not on the cards or the waiter tray,
 And it pains to say where one's hair turn gray.
 There are more blue veins than the blood to swell
 Their dried web, let alone some mote brain cell.
 We are parting for good, that's that.
 Draw an empty circle on your yellow pad
 This will be me: no insides in thrall.
 Stare at it a while, then erase the scrawl.

Центральными единицами, организующими все семантическое поле текста являются «circle» и «web», которые составляют двухкомпонентный деривационный ряд, вследствие соотнесенности по значению («круг», «сеть») являющийся центральным и формирующий как основную смысл текста («circle web»), так и его деривационную структуру в целом. Последняя представляет собой круг, некую «паутину» лексических рядов, объединенных сквозными семантиками (*безмолвие, неотторжимость, пустота, безысходность*), которые в свою очередь форми-

руют единый лексико-деривационный ряд. С названным рядом соотносен ряд «*Muse – clamping up – last par*», связь внутри которого определяется в первую очередь смыслообразующими интертекстуальными семантиками *безмолвие, молчание, тишина*. Мысль о безмолвии, творческой смерти воплощается в образ музы, готовящейся к «последнему сну», образ подчеркнуто материальный (*clamping up – проглотившая язык*). Следующий деривационный ряд текста (*waving less – steamroller – chest*) объединен, по нашему мнению, значением приземленности. Здесь уже муза предстает в образе и девушки, которая прощально машет платком, и в образе парового катка, уничтожающего вдохновение, а может быть, и вообще способность писать стихи. Все это так или иначе вновь приводит автора и читателя к идее безмолвия. По этому семантическому признаку эти ряды и объединяются в структуре целого текста.

Рассмотрим еще один ряд «*logs – grove*», связанный еще со словом *words*. Центральными семантиками ряда являются *совместимость, объединенность* и одновременно *отчужденность*. Возникает сопоставление ряда, «связки» бревен, совмещенных и подогнанных одно к другому, и словесного ряда, текста, но одновременно возникает и противопоставление, так как *logs* употребляется в тексте с отрицанием. Однако это противопоставление ограничено, связано только к герою: поэт уже не может выстроить словесный ряд, его муза безмолвна.

Со словами *words* и *Muse* связан и ряд «*eggs – frying-pan /eyes– pillow-case*». Данный двучленный ряд состоит тоже из двухкомпонентных семантических конструкций. Подчеркнутый бытовой характер сравнения помогает нам еще раз почувствовать опустошенность, безмолвие, смерть души. Возникает здесь и ощущение беспомощности, объединяющее данный ряд с рядом «*wails – gasp – fish – lip*», который создает задыхающейся без слов музы как ловайки воздух ртом рыбы. Нет крика отчаяния, есть лишь беспорядочное и беспомощное движение иссохших губ, пытающихся поймать слова. Рассмотренный нами лексический ряд продолжает и мотив отчужденности, чуждости среде. Этот мотив становится ведущим в ряду «*foreign – blues*». Отчужденность и уныние – вот основная семантическая доминанта этого ряда.

Следующий деривационный ряд текста – «*I'd gulp – I'd bob up*» – может быть расширен за счет слов *lead* и *Tirpitz*. Объединяющим началом здесь, по нашему мнению, выступает имя движения, настойчивого стремления, которое оказывается лишь миражом (*would*). С другой стороны, расширяющие ряд единицы вновь развивают мотив беспомощности и смерти: в первых, свинец (*lead*) в русской традиции, носителем которой, без сомнения, продолжал оставаться И. Бродский, всегда ассоциировался со смертью, во вторых, образ *Tirpitz* – немецкого военного корабля, затопленного 12 ноября 1944 г. – подчеркивает погружение в «чужие воды», в иностранную среду. Это объединяет анализируемый ряд с предыдущим.

Семантические «уныние», «безмолвие», «отчужденность» становятся ядерными и для ряда «*hair gray – blue veins – dried web – brain cell*», описывающего физическое состояние, старение лирического героя, который дышит чужим воздухом, под ногами которого чужой песок. Такое состояние приводит к «безмолвию», но в амбивалентной системе текста, на наш взгляд, возможно и обратное влияние, безжизненность музы вызывает перемену состояния поэта. Названный деривационный ряд, вступая в отношения с компонентом *walters tray* порождает мотив обманутого ожидания. Вместо положительных новостей на подносе официанта – седина, сухая, почти омертвевшая паутина вен и почти мертвый мозг. Значения неизбежности и вновь некоего погружения связывают ряд с предшествующими структурными компонентами.

Деривационный ряд «*empty circle – yellow pad – scrawl*!», является последним, смыслозавершающим рядом текста. Объединяет весь ряд значения пустоты, а также значения ничтожности и невозвратности. Жизнь представляется окружностью, неким контуром, внутри которого нет ничего, а творчество – неразборчивыми каракулями, которые необходимо уничтожить, стереть из своей памяти и памяти других. Бытовую жизнь и творчество лирического героя символизирует *yellow pad* – блокнот с записями, явно демонстрирующей безжизненность музы, в системе значений текста связанный с темой изгнания, эмиграции, чуждой родины. Именно *yellow pad* становится символом этой «второй родины», поглотившей одухотворение и творчество, уподобившей поэта затонувшему кораблю.

Все рассмотренные деривационные ряды текста тесно между собой связаны, объединены общими семантиками и взаимно дополняют и развивают их, создавая сложную деривационную структуру. При восприятии текста мысль движется по кругу, и вся схема напоминает нам цикл самой жизни, она пронизана движением, перемещением, взаимопроникновением смыслов и одновременно

пояет «слабый дискурсивный диалог». Мы воспринимаем аргументацию, деривационную модель текста, но одновременно постигаем представление автора о жизненном цикле, «паутине жизни».

Таким образом, рассмотренная деривационная структура представляет собой набор вертикальных и горизонтальных перекрещивающихся рядов. Возникает замкнутая круговая модель текста, отражающая авторское представление об окружающем мире. Ключевыми для данной деривационной структуры являются семы *безмолвие, неотвратимость, пустота, безысходность, повторяемость, бесконечность*, которые формируют вертикальные текстообразующие деривационные макроряды (*жизнь (творчество, музыка, духовное восприятие) – смерть*) и организуют смысл текста.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ НА МАТЕРИАЛЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ПОДЪЯЗЫКА

А.М. Туреханова

Казахский Национальный технический университет им. К. Сатпаева

Выявленный нами на основе компьютерной программы (Concorde) частотный список железнодорожных терминов представляет собой перечень концептов, ранжированный по убыванию частот их представленности в массиве текстов, состоящего из множества аутентичных отрывков произведений немецкоязычной и русскоязычной научной, научно-технической и художественной литературы объемом в 752167 печатных знаков. Всем концептам присваиваются номера (1, 2, 3 ...), возрастающие с убыванием частот, совокупность которых образует концептосферу «Железная дорога» с ядром и периферией, то есть слова-концепты выстроились в определенной иерархии, создавая, таким образом, своеобразное семантическое поле. Исследование показало, что каждый отдельно взятый концепт имеет свою концептосферу, которые рассматриваются нами как составные части общей концептосферы конкретного носителя языка и этноса.

Частотный список концептов немецкого языкового сознания, ранжированный по убыванию частот: 1) *Bahn*, 2) *Wagen*, 3) *Zug*, 4) *Bahnhof*, 5) *Schienen*, 6) *Verkehr*, 7) *Bremse*, 8) *Personenzüge*, 9) *Lokomotive*, 10) *Fahrzeug*, 11) *Geschwindigkeit*, 12) *Elektrizität*, 13) *Strecke*, 14) *Signal*, 15) *Gleis*, 16) *Lokomotivführer*, 17) *Güterzüge*, 18) *Leute*, 19) *Pferde*, 20) *Dampflokomotive*, 21) *Bau*, 22) *Regeln, Gesetze*, 23) *Rad*, 24) *Rudolf Diesel*, 25) *Diesellokomotive*, 26) *Tunnel*, 27) *Brücke*, 28) *Schwelle*, 29) *Hochgeschwindigkeitszug*, 30) *Georg Stephenson*, 31) *Ingenieur*, 32) *Schaffner*, 33) *Neigung*, 34) *Ellok*.

Частотный список концептов русского языкового сознания, ранжированный по убыванию частот: 1) поезд, 2) железная дорога, 3) вагон, 4) машинист, 5) люди, 6) скорость, 7) локомотив, 8) паровоз, 9) колесо, 10) перевозки, 11) строительство, 12) рельс, 13) тормоз, 14) мост, 15) инженер, 16) вокзал, 17) пассажирский, 18) Р. Дизель, 19) Ж. Стефенсон, 20) грузовой, 21) перегон, 22) сигнал, 23) тепловоз, 24) электровоз, 25) подвижной состав, 26) конь, 27) электричество, 28) законы, правила, 29) скоростные поезда, 30) тоннель, 31) уклон, 32) стрелка, 33) шпалы, 34) кондуктор.

В семантическом поле выделяются концепты разного плана значимости. Так, словосочетание «железная дорога» является доминантной по частотности и в массиве статистически обработанного русскоязычного текста встречается 654 раз, а в немецкоязычном тексте «Eisenbahn» 588 раз. Разумеется, концептосфера «железная дорога» не ограничивается перечисленными концептами. Есть еще и другие концепты, например: «перрон», «привокзальные часы» и т.д. Актуализированные в процессе подсчета слова приобрели разный вес, и указанные выражения не попали в список. Тем самым список направил нас в описании концептов в определенное русло и несколько ограничил диапазон наших исследований. Каждый концепт представляет относительно отдельный фрагмент железнодорожной языковой картины мира.

Концептосфера «железная дорога» – это область мыслительных образов, единиц предметного кода, представляющих собой структурированное знание людей, занятых в сфере рельсового транспорта. Семантическое пространство подъязыка «железная дорога» является частью концептосферы, получающую вербальную объективацию в системе языковых знаков – термина, фразеологизмов, синтаксических структур и образуемое значениями этих языковых еди-

ниц. Концептосфера «железная дорога» представляет совокупность различных типов концептов и репрезентируемых в языковом сознании индивида в виде мыслительных картинок, сценариев и сценарий.

Высокая частотность концепта «железная дорога» объясняется тем, что человечество может существовать не передвигаясь. «Via – Vita» = «дорога – это жизнь» – говорили древние римляне, что говорит о востребованности дороги во все времена, ее техническом совершенствовании от века в век и о бурном строительстве железных дорог в XIX–XX вв.

Частотная представленность концептов в сопоставляемых языковых сознаниях существенно различается. Так, «Bahnhof» стоит на четвертом месте (442), а «вокзал» на шестнадцатом месте (110), «Weichensteller» встречается 43 раза, а «стрелочник» только один раз. Полученные данные подтверждает утверждение о том, что каждый язык, являясь формой выражения мысли, представляет свое концептуальное видение окружающей действительности, и что у каждого народа свои представления о тех или иных объектах реальности. Разительная частотная дистанция между «Bahnhof» и «вокзалом», между «Weichensteller» и «стрелочником» объясняется тем, что расстояния от пункта А в пункт В на обычных железнодорожных линиях европейского континента, то есть не скоростных, во временном исчислении составляет не более 20–30 минут, а то время как на железных дорогах нашей страны оно измеряется не минутами, а сутками. Наши железные дороги в основном проходят по прямой линии и пассажиры из окна своего вагона видят стрелочника на протяжении своего пребывания в поезде не более 2–3 раз в течение одного светового дня, то европейские рельсовые пути изобилуют многочисленными выездами, мостами и тоннелями, а значит и стрелочными постами. Это касается в частотности и концепта «Weiche» (нем., 133) / «стрелка» (рус., 15). Несмотря на то, что профессия стрелочника как таковой уже не существует в западноевропейском пространстве и полностью заменена электронной автоматикой, она прочно укоренилась в этническом ментальном лексиконе и, прежде всего в паремнологическом фонде языка.

Вышесказанное о «вокзале» не говорит о том, что он не имеет большого значения для нашего человека. Для нашего человека главное попасть в поезд, а он в обыденном сознании – это, прежде всего вагон, то есть вокзал – это промежуточное явление между локомотивом и вагоном, не решающий проблемы в минуты острой необходимости перемещения из одного пункта в другой. Частность слова вагон равняется 388, а вокзала как было выше отмечено 110. В немецком языковом сознании наоборот, железная дорога – это, прежде всего вагон, а затем уже поезд. Наш человек выбирает поезд: пассажирский или скорый. В немецкой культуре «вагон» имеет более широкое значение, чем в русской. Для немца «вагон» – это начало или продолжение светового рабочего дня со всеми присущими ему атрибутами. Немец выбирает класс вагона: первый, второй или третий, об этом необходимо заранее побеспокоиться в билетной кассе вокзала. Нашему человеку главное сесть в поезд и ехать в пункт назначения. Для немца – это, прежде всего, удобно устроиться, поразмышлять, обдумать план действий на текущий день, или, например, открыть свой лэптоп пересмотреть еще раз материал, который будет ему необходим сегодня и при необходимости, откорректировать его. Мир – это люди, по разному мыслящих о нем. Что стоит на первом месте в их языке, то более всего значимо для их существования. Казалось бы, что «вокзал» должен быть значимым для всех пользователей услугами железной дороги. Театр начинается с вешалки. Город начинается с вокзала. Все поездки по железной дороге начинаются и заканчиваются вокзалом. Вокзалы слыли своими ресторанами, «фирменными» блодами. Они находились в центральной части города. Туда люди как в театр съезжались: парами, в вечерних нарядах, на других посмотреть и себя показать.

Следуя психологии современного пассажира, легко понять его стремление как можно быстрее, вверяя себя заботам железнодорожного сервиса, добраться до места своего назначения. Но это – современный пассажир, а на зоре железных дорог требовались усилия, чтобы привлечь пассажира и в его семантическое поле входили лексемы, «концерт», «праздник», «стилевые особенности», «барокко» из которых можно сделать вывод, что речь идет скорее о замке, нежели о служебном здании (сравните ж.-д. вокзалы Москвы, построенные в прошлые века). Однако по мере роста популярности железнодорожных сообщений вокзал довольно быстро освобождался от своих развлекательных функций и превращался в делового посредника, слугу пассажира, приспособляясь к его потребностям, расширяя сферу и повышая качество предоставляемых услуг.

Перечисленные концепты в этническом ментальном лексиконе могут не только занять незначительное место, но и полностью отсутствовать. Подобное явление можно объяснить отсутствием в социуме данных материальных объектов. Так, например, в картине мира жителей Финляндии нет железных дорог, соответственно нет и концептов «железнодорожный вокзал» и «стрелочник». Протяженность железной дороги княжества Монако составляет 1,6 км, однако это не говорит об отсутствии в языковой картине мира жителей этой мини-страны концепта «вокзал» и «стрелочник», так как она расположена на пересечении многих европейских рельсовых путей и как любой европейец она отличается большой мобильностью.

Строительство железных дорог у нашего человека по значимости стоит на 11 месте, а у немца на 21. Германия по территории в пять раз меньше Казахстана. Однако протяженность сети железных дорог почти одинаковая, у нас около 15 000 км, у них чуть выше 15 000 км. Мы испытываем потребность дальнейшего расширения строительства магистральных рельсовых сообщений, у них уже вся страна опутана сетью железных дорог. Мы модернизируем старые и строим новые, они модернизируют имеющиеся, перестраивая их на высокоскоростные. Поэтому в частотном списке концепт «строительство железных дорог» входит в первую десятку в концептосфере «железная дорога» и в массиве русскоязычного текста зафиксирован 158 раз, в то время как *“Eisenbahnbau”* в немецкоязычном корпусе текста упоминается 95 раз, и в частотном списке занимает 21 место. Таким образом, концепт «строительство» является для нас более значимым, чем для немца.

Важная роль концептов в представлении своеобразия национальной культуры, профессиональной и бытовой этики. Важнейшие концепты в сознании немецких работников железной дороги имеют больше совпадений с концептами наших железнодорожников, а не учителей. Архитектоника концепта усложняется при привлечении к анализу индивидуальных, эпохальных концептов, фразеологизмов. К примеру, *“er hat ein Rad los”*. / буквальный перевод: “у него колесо поехало”, что соответствует русскому выражению “у него крыша поехала”. *“Bei ihm fehlt ein Rad”*. / “У него не все дома”. *“Bei ihm ist ein Rad locker”* / “У него винтика не хватает”. Если в русском языке хотят сказать, что он “дурак”, чаще всего используют метафоры “дом”, “крыша”, а в немецком языке “колесо”. (Интегрирующими признаками всех железнодорожных объектов являются “колесность” и “рельсовость”, поэтому в качестве примера приведен фразеологизм с компонентом “колесо”)

Все рассматриваемые нами концепты обладают устойчивыми связями и отношениями друг с другом и представляют своеобразную матрицу и перечисленные объекты удерживаются, вращаясь в ней через устойчивую сеть взаимоотношений. Если в этой цепи происходит разрыв, то это не означает, что разрушен некоторый объект. Вероятно, разрушение происходит там, где разрушается связь человека с объектом, ибо любой железнодорожный артефакт существует благодаря своей значимости для человека, там, где обрывается связь концептов, там теряется смысл концептосферы.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

С.В. Шустова

Прикамский социальный институт, г. Пермь

Каузативность представляет собой основной категориальный признак, объединяющий глаголы, которые служат для отражения каузативных ситуаций. В каузативной ситуации выделяется каузатор (семантический субъект первой ситуации), каузирующее действие (действие-причина), объект каузации (лицо, семантический субъект второй ситуации), каузируемое действие (состояние, действие-следствие), отношение каузации. В работе исследуются каузативы интерперсонального характера (см. подход к рассмотрению каузативности С.Д. Кашельсона [2]). В связи с этим различные контекстные употребления одного и того же глагола могут расцениваться то как каузативные, то как некаузативные (или каузные). В центре нашего внимания находятся информативно-модифицирующие каузативы немецкого и английского языков, которые могут быть признаны как лексико-грамматические разряды, «так как данные глаголы объединяет не однородность обозначаемых действий, а однотипность способа представлений этих действий, комплексный характер семантики, которая обычно отражает несколько элементов каузативной ситуации» [5, с. 285]. Информативно-модифицирующие каузативы функционируют в целях воздействия

на объект каузации, специализируются на раскрытии содержания действий человека. Исследованный разряд глаголов указывает на целенаправленность речевого акта – доказательство, то есть в данном случае может иметь место характеристика говорящего. Этим можно объяснить наличие большого количества глаголов речи, их стилистическую и семантическую пестроту. Изучение семантического потенциала глагольных лексем имеет особую релевантность, так как описанию содержания семантические связи для определенного семантического пространства, что, однако, предполагает работу с неоднородным материалом.

Исследование семантического потенциала глагольной лексики осуществляется на базе компонентного анализа. Особое место в этой области отводится концепции Ю.Д. Апресяна, рассматривающему семантический анализ как своего рода перевод с естественного языка на «семантический язык, в качестве «слов» которого выступает то, что он называет «элементарными смыслами».

Информативно-модифицирующие каузативы рассматриваются как интерперсональные глаголы и относятся к синтетическим каузативам, репрезентирующим значение каузативности своим основным значением. Настоящее исследование предполагает разработку основных подходов к анализу функционирования указанных интерперсональных глаголов в рамках мотивной структуры. Избранные аспекты анализа и методика его проведения демонстрируют взаимодействие семантической и синтаксической организации каузативной конструкции, то есть позволяют выявить категориальные особенности компонентов каузативной структуры, определить соотношение эксплицитного и имплицитного значений, выделить актуальные грамматические и лексические значения для каузативной конструкции, а в конечном итоге – указать роль языковых значений разного уровня абстракции при порождении речи.

Особую релевантность имеют контекстные условия употребления и возможности соотношения языковой единицы с различными типами денотатов, для этого, по мнению О.Н. Селиверстовой, достаточно отобрать «диагностирующие» контексты и денотативные ситуации [4, с. 24].

Базовые глаголы группы каузативов доказательства (нем.: *begründen, belegen, beurkunden, überzeugen, argumentieren, bekräftigen, dokumentieren, nachweisen*; англ.: *to persuade, to prove, to argue, to admonish, to assure, to convince, to substantiate, to wheedle, to cajole, to coax, to dissuade, to talk out of*) демонстрируют в своем семантическом потенциале как общие, так и различные признаки, что отражено в нижеприведенных таблицах.

Семы «агентивность», «адресованность», «интенциональность», «способ» присутствуют в семантике каузативов доказательства обоих языков. Сема «средство» представлена в значении всех каузативов доказательства немецкого языка и лишь у трех (*to argue, to prove, to substantiate*) английского языка. Семантика каузативов доказательства немецкого и английского языков не демонстрирует наличие семы «результативность», которая, например, является отмеченной у каузативов подтверждения немецкого языка (*bekräftigen, bescheinigen, bezeugen, haupten, bestätigen, erhärten*).

Таблица

Семантический потенциал каузативов доказательства немецкого языка

Семы, входящие в семантический потенциал каузативов доказательства*	argumentieren	dokumentieren	begründen	belegen	beurkunden	beweisen	nachweisen	Обозначения
агентивность	+	+	+	+	+	+	+	+
адресованность	+	+	+	+	+	+	+	+
интенциональность	+	+	+	+	+	+	+	+
способ	+	+	+	+	+	+	+	+
средство	+	+	+	+	+	+	+	+
содержание речевого воздействия	+	-	+	-	-	+	+	+
характер речевого воздействия	-	+	+	+	-	+	-	-
результативность	-	-	-	-	-	-	-	-

*Выделение сем осуществлялось на базе лексикографических источников, представленных в данной работе.

Семантический потенциал каузативов доказательства английского языка

Семы, входящие в семантический потенциал каузативов доказательства	argue	assure	admonish	cajole	coax	convince	dissuade	prove	persuade	talk out of	substantiate	whoodle
затверженность	-	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+
стрессованность	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
интенциональность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
способ	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
средство	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-
образание речевого действия	+	-	-	+	+	-	-	+	-	+	-	+
характер речевого действия	+	+	+	-	+	-	-	-	+	-	+	+
результативность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Семантическое описание имеет очень важное значение для характеристики семантического потенциала глагольной лексики. Предметом семантического описания является соотношение значений с поверхностными структурами, следовательно, семантическое представление, базирующееся исключительно на семантической основе, должно быть исходным пунктом для синтаксического описания, а не наоборот. «Словарь и грамматика в совокупности составляют описание всякого языка. Чтобы лингвистическое описание в целом было эффективным, необходимо добиться максимальной согласованности лексикографического и грамматического описаний» [1, с. 13]. Релевантным представляется выявление механизмов взаимодействия семантического потенциала каузатива и его контекстного употребления в процессе отражения динамической природы языка, так как это может способствовать описанию поведения слова в условиях его реального употребления. С.Д. Кацнельсон, например, рассматривая полисемию, отмечает, что отдельные значения многозначного слова проявляются только в актуализации в речи [3, с. 44-45]. Данное положение считаем релевантным для актуализации значения в целом. С. Д. Кацнельсон подчеркивает, что «актуализуясь в контексте речи, значение не теряет ни одного из составляющих его признаков. Оно уточняется относительно объема и обогащает свое содержание, добавляя к нему ряд новых черт» [3, с. 44-45]. Проблема взаимосвязи между лексикой и грамматикой признается одной из актуальных. Однако, несмотря на обилие работ, посвященных этой проблеме и постоянно повышающийся интерес к ней, она продолжает оставаться во многом нерешенной в связи с большой сложностью и многоплановостью предмета исследования, и потому отсутствием детально полного и систематизированного его описания.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова и др. // Новый большой англо-русский словарь. – М. : Русский язык, 1998. – Т. 1. – 832 с. – С. 617.
2. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, Ленин. отд-ие, 1972. – 216 с.
3. Кацнельсон, С. Д. Общее и типологическое языкознание / С. Д. Кацнельсон; отв. ред. А. В. Данилова. – Л. : Наука, Ленин. отд-ие., 1986. – 300 с.
4. Селверстова, О. Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки / О. Н. Селверстова // Вопросы языкознания. М. : Наука, 2002. – № 6. – С. 12-26.
5. Чудинов, А. П. Регулярное семантическое варьирование в русской глагольной лексике : дис. ... канд. филол. наук / А. П. Чудинов. – Свердловск, 1990. – 348 с.

Источники

1. Agricola, E. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch / E. Agricola. – Leipzig : VEB Bibl. Institut, 1968. – 792 s.

2. Bulitta, E. u. H. Wörterbuch der Synonyme und Antonyme / E. u. H. Bulitta. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GMBH, 1990. – 795 s.
3. Duden, Bd. 8. Die sinn- und sachverwandten Wörter. Wörterbuch der treffenden Ausdrücke, 2., neu bearb., erw. u. aktualisierte Aufl. 1986. – 800 s.
4. Cambridge Dictionary of American English. – Cambridge University Press, 2000. – 1069 p.
5. Langenscheidt's Power Dictionary. Englisch-Deutsch. Deutsch-Englisch. Völlige Neuauswertung 1997. – Berlin/München/Wien/Zürich/New-York. – 888 s.
6. Langenscheidt Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. Das neue einsprachige Wörterbuch für Deutschlernende. – Berlin/München/Wien/Zürich/New-York, 1993. – 1216 s.
7. The American Heritage College Dictionary. The 3-rd edition. – Boston-New York : Houghton Mifflin Company. Copyright, 1997. – 1630 p.
8. The Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby, E.V. Gattenby, H. Wakefield. – London : Oxford University Press. 1958. – 1527 p.
9. The Oxford Dictionary and Thesaurus / E. Tulloch. 1996. – 1892 p.
10. The Pan Dictionary of Synonyms and Antonyms. London and Sydney / L. Urđing, M. Manser, 1980. – 346 p.
11. Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch. Neu herausgegeben von Dr. Renate Wahrig-Burfeind. Mit einem "Lexikon der deutschen Sprachlehre". Bertelsmann Lexikon Verlag GMBH, Gütersloh/München, 2000. – 1451 s.
12. Webster's New International Dictionary. Springfield, Mass. U.S.A., 1973. – 909 p.

РАЗВИТИЕ ТЕМПОРАЛЬНОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ПРОЗЕ М. АНДЖЕЛО

Е.В. Шустрова

Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург

Образ времени присутствует в любой лингвокультуре и, несомненно, зависит от этнокультурных особенностей мировосприятия. В литературном дискурсе к системе национальных трактовок и фоновых знаний добавляется авторское видение этого образа. В рамках данной статьи мы обратимся к афроамериканскому литературному дискурсу конца XX в. и проиллюстрируем, какое место занимает темпоральная концептуальная метафора в работах М. Анджело и какое языковое и стилистическое воплощение она получает. Повторим, что под темпоральной метафорой мы понимаем использование автором образа времени, систему индивидуальных авторских ассоциаций, которые притягиваются к концептуальной сфере «время суток или года».

В дискурсе М. Анджело концепт времени и его составляющих получает свое развитие в первую очередь через ряд образных связей с темой возлюбленного. В метафорической группе задействуются семантические компоненты «молодость», «цвет кожи», «сила». Так, юноша подобен весеннему рассвету, яркому дню, мужчина, напротив, принимает характеристики ночи.

You were my early love | New as a day breaking in Spring | You were the image of | Everything | That caused me to sing [3, c. 135].

If you are Black and for me, | press steady, as the weight | of night. And I will show | cascades of brilliance, astrally [3, c. 204].

В данной модели автор параллельно задействует и временные циклы женщины – начало ее цветения и взросление [3, с. 261]. Кроме того, ранняя любовь при всей своей привлекательности приносит и немало страданий, неопределенности, безответственности, последствия которой сама М. Анджело была вынуждена преодолевать всю свою жизнь. Поэтому в модели «день – юноша» потенциально заложены и отрицательные коннотативные компоненты, что согласуется с традиционной афроамериканской трактовкой дня как недруга или коварного изменника. В скрытом виде это заложено и при построении переноса на основе цветовых характеристик, например при сравнении кожи молодого человека с рассветом (*Your skin like dawn*) и кожи девушки с сумерками (*Mine like dusk*). Дальнейшее развитие сюжета подтверждает грядущий разрыв и несоответствие ожиданий: *One paints the beginning | of a certain end. | The other, the end of a | sure beginning [3, c. 67].* Уподобление мужчины ночи – это уже уверенность в друге, обретение защиты, истинной любви [3, с. 87, 166].

Вторая по частотности сфера-мишень в данной группе – это физические или эмоциональные состояния: радость и нежность, которые коротки как летний миг, тяжелое забытие, боль или смерть, «безмерные как ночь времени», грусть, подобная полночным часам одиночества [3, с. 15, 184]. На наш взгляд, данные модели появляются как следствие влияния общеевропейских образцов. Более того, автор часто помещает такие модели в крайне ироничный контекст, усиливающий впечатление шатранности, театральности, тривальности использованных образов.

I thought we were en route to an emergency hospital, and so with serenity I made plans for my teeth and will. As I faded into *time's dateless night*, I would say to the doctor, "The moving finger writes and having writ, moves on..." and my soul would escape gracefully [2, с. 241].

При описании действительно тревожающих ее событий, надежд на лучшее для всей диалогии, общей безопасности М. Анджело отказывается от устойчивых для английской метафоры в целом негативных компонентов понятия «ночь» и вводит афроамериканскую трактовку, в соответствии с которой темное время суток выступает как союзник и защитник, а день – как враг, паля [3, с. 40, 187–188].

Далее прочтение образа ночи наблюдается и в примерах приема метафорического олицетворения. Черты матери, хранительницы, утешительницы придают образу тьмы. В данных контекстах автор задействует лексемы *black* и *blackness* (*turn to black for comfort, the mothering blackness, etc.*) [3, с. 11, 22, 160]. Напротив, лексемы *night* и *darkness* связаны с картинами тьмого прошлого, ненавистью, утратами [3, с. 270].

При помощи приема метафорического олицетворения день становится либо жалким сморщенным существом, обреченным на гибель, болезнь, либо кем-то засыпающим, ищущим покоя в объятиях тьмы.

Shame the blanket of my night | And all *my days* are dying [3, с. 160].

A day | drunk with the nectar of | *nowness* | weaves its way between | the years | to find itself in the flophouse | of night | to sleep and be seen | no more [3, с. 78].

Излюбленным объектом олицетворения у М. Анджело становятся годы. Здесь две основные трактовки: либо это любовник, что напоминает о рассказе Р. Брэдберри «Смерть и день» и согласуется с европейским образцом персонализации смерти. В дискурсе М. Анджело вместо смерти выступают годы, время.

The years will lie beside me | on the queenly bed. | And coupled we'll await | The ages' dust to eke my lids again [3, с. 20].

В то же время годы предстают как почтенные или непрощенные гости, скромные дамы или шпиль полицейский.

Other acquainted *years* | sidle | with modest | decorum | across the scrim of toughened | Tears and to a stage | planked with laughter boards | and waxed with rueful loss. | But forty | with the authorized | brazenness of a uniformed | cop stomps | no-knocking | into the script | bumps a funky grind on the | shabby curtain of youth | and delays the action [3, с. 63].

Примыкает к этому и антропоморфный образ летних месяцев, полных невзгод, которые свиваются обжорами, поедающими душу, мужество, стойкость.

July and August of 1962 stretched out like fat men yawning after sumptuous dinner. They had every right to gloat, for they had eaten me up. Gobbled me down. Consumed my spirit, not in a wild rush, but slowly, with the obscene patience of certain victors. I became a shadow walking in the white hot streets, and a dark spectre in the hospital [1, с. 4].

Меньшая частотность персонализации наблюдается у таких понятий как будущее (*future*), время (*time*), судьба (*fate*), век (*century*), лето (*summer*), прошлое, история (*history*). В большинстве случаев это печальные образы, чья негативная линия развития подкрепляется дальнейшим макроконтэкстом.

Their future rode heavily on their shoulders, and blinded them to the collective joy that had pervaded the lives of the boys and girls in the grammar school graduating class [2, с. 165–166].

But with all crying in the past, I was on my way to another adventure. *The future* was plump with promise... On the third day, Guy... was injured in an automobile accident [1, с. 3–4].

Fate not only disabled him but laid a double tiered barrier in his path [2, с. 12].

I waited for *Fate, the string puller*, to dictate my movements [2, с. 240].

The *time* crowded together and at an End of Days I was swinging on the back of the rickety trolley [2, с. 262].

In Harlem and in Tulsa, in San Francisco and in Atlanta, in all the hamlets and cities of America, Black people maimed, brutalized, abused and murdered each other daily and particularly on bloody Saturday nights. Were we only and vainly trying to kill *that portion of our history* which we could neither accept nor deny? [1, с. 35].

Счастливые время и печальные страницы истории могут уподобляться часам, которые непременно ломаются, или клейму, знаку позора, навечно дарованному афроамериканской диаспоре.

In America we danced, laughed, procreated; we became lawyers, legislators, teachers, doctors, and preaches, but as always, under our glorious costumes we carried *a badge of a barbarous history* sewn to our dark skins [1, с. 76].

We lived hard and dizzyingly fast. *Time* was a clock being wound too tight, and we were furiously trying to be present in each giddy moment. Then, one day the springs burst and the happy clock stopped running [1, с. 78].

Наиболее типичные для М. Анджело случаи использования временных составляющих в качестве метонимии и аллегории представлены понятиями тьмы (*black*), сумерек (*twilight*), вечера (*evening*), которые становятся частью или символом поры успокоения, отдыха, тихой радости, досуга, а так же воспоминаний об Африке и своеобразном укладе жизни на Юге США; лексемы *night* и *dark* возвращают к картинам бед и обид, дополняя метафорическое олицетворение [3, с. 32, 87, 159, 160, 187–188]. Еще одним метонимическим и аллегорическим образом может считаться образ «зрелого лета» (*summer ripe*). В зависимости от контекста – это либо часть счастливых воспоминаний о жизни на Юге США, годах, проведенных в кругу семьи и друзей, либо аллегория грядущих мятежей, людей «созревших» для жатвы протеста [3, с. 38–39, 262].

Литература

1. Angelou, M. All God's Children Need Traveling Shoes / M. Angelou. – N.Y. : Random House, 1986.
2. Angelou, M. I Know Why the Caged Bird Sings / M. Angelou. – N.Y. : Bantam Books, 1969.
3. Angelou, M. The Complete Collected Poems of Maya Angelou / M. Angelou. – N.Y. : Random House, 1994. основу

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ
НОМИНАНТОВ ЭМОЦИЙ В ЯЗЫКЕ

Н.С. Алферова

Астраханский государственный университет

Вопрос о номинации эмоций в лингвистике был и остается одним из актуальных. Современная лингвистика активно исследует эмоции и их отражение в речи, то есть эмотивы или эмотивные языковые средства (Карасик В.И., Красавский Н.А., Шаховский В.И., Н. Фриз, Э.Е. Фомина и др.). В связи с недостаточностью изученности эмоций, несмотря на множество работ по этому вопросу (Изард К., Виллонас В.К., Додонов и др.), проблема классификации эмоций и их определения (идентификации) существует и в лингвистике. Прежде всего, необходимо отметить особое место *номинантов эмоций* (мы будем придерживаться в данной статье этого термина, употребляемого Красавским Н.А. для обозначения слов, называющих эмоции (зр. также: *лексика отображения эмоций* у Шевченко О.А., Бабенко Л.Г.), *имена эмоций* у Мигуновой Е.Ю.) среди эмотивных языковых средств. Напомним, что «эмотивность есть лингвистическое отображение эмоций» [7, с. 45]. Описание и классификация эмотивов на различных уровнях языковой системы представляет собой сложную и важную задачу. Однако среди лингвистов нет единого мнения о том, включать ли в состав эмотивных лексических средств номинанты эмоций. На вопрос о включении номинантов эмоций в состав лексических эмотивных средств утвердительно отвечают, например Е.М. Галкина-Федорук, Л.Г. Бабенко, Шевченко О.А., Мигунова Е.Ю., А.М. Финкель и М.А. Баженов. Финкель и Баженов, выделяя в составе эмоциональной лексики несколько групп слов, указывают, что «одной из наиболее устойчивых групп является та, где некоторый оттенок чувства заключен в самом значении слова, то есть такие слова, которые обозначают чувства же, отношения, оценки, как, например любовь, ненависть, доброта... и т. д.» [5, с. 81–82]. Противоположной точки зрения придерживается много лингвистов: И.В. Арнольд, Л.М. Васильев, Е.М. Вольф, И.Б. Голуб, Т.С. Гриневиц, К.А. Лавжовская, Н.А. Лукьянова, которые исключают из состава эмоциональной лексики, слова, называющие эмоции и чувства. Арнольд считает, что слова, обозначающие эмоции, чувства и настроения, выражают эмоции только понятийно, то есть называют эмоцию, не передавая ее [1, с. 92]. Д.Н. Шмелев, рассматривая экспрессивно-оценочную лексику русского языка, утверждает, что слова, обозначающие эмоции, «не окрашены этими (или какими-то другими) эмоциями, а непосредственно отображают их своими значениями» [9, с. 164]. В.И. Шаховский также не относит к эмотивной лексике слова, называющие эмоции, считая, что «денотативным содержанием названий эмоций (дескриптивные слова) являются объективные свойства эмоций, компонента их семиологической ценности – выражения эмоционального отношения в семантике таких слов нет... лексика, обозначающая эмоции, эмотивной не является, она индикативная, много-предметная: «злость», «рад», «жалеть», «стыдно» и пр.- все это обозначение различных эмоциональных состояний. Эмоция, обозначенная в таких словах, на уровне реализации представляет не непосредственное чувство, а лишь логическую мысль о нем, в то время как семантика эмоции индуцирует эмоциональное отношение к обозначаемому им объекту мира» [4, с. 93–94]. Лексему, называющую эмоцию, В.И. Шаховский квалифицирует лишь как ассоциативно-эмотивную, так как она, не выражая эмоций, ассоциативно отсылает сознание говорящего к сфере эмоций. Появилось терминологическое разграничение понятий в некоторых лингвистических исследованиях: лексика эмоций (то есть номинанты эмоций) и эмоциональная лексика (Л.Г. Бабенко). Выделение двух типов эмотивной лексики учитывает различную функциональную природу этих слов: лексика эмоций сориентирована на объективацию эмоций в языке, их инвентаризацию (номинативная функция), эмоциональная лексика приспособлена для выражения эмоций говорящего и эмоциональной оценки объекта речи (экспрессивная и прагматическая функции). Однако и тот и другой тип Бабенко относит к эмотивной лексике. Таким образом, лексика эмоций, по обозначению Бабенко, включает слова, предметно-логическое значение которых составляют понятия об эмоциях. Устойчивую группу слов в лексике каждого языка, номинирующих (называющих) эмоции, мы все-таки считаем необходи-

мым отнести к эмотивной лексике, поскольку, как отмечает И.Р. Гальперин «... слова, обозначающие чувства, почти всегда (если они только не употребляются в научной прозе в качестве терминов) эмоционально окрашены, например слова *hatred, love, anger* и др.» [2, с. 119].

Дальнейшей проблемой при рассмотрении номинантов эмоций является отсутствие единого перечня эмоций. Прежде всего, нам видится необходимым дать определение эмоции. Наиболее четким, по нашему мнению является определение эмоции В.И. Шаховским: «Эмоция (фр. *emotion*, от лат. *emovere* «возбуждать, волновать») – одна из форм отражения мира, обозначающая душевные переживания, волнения, чувства» [6, с. 181].

В лингвистических трудах приводятся различные перечни имен эмоций. Составление перечня номинантов эмоций считается важной лингвистической задачей, так как номинанты эмоций служат теоретической основой для дальнейших исследований, а с другой стороны, как отмечает О.А. Шевченко, они являются объектом исследования как «метки» абстрактных понятий и как средство доступа к стоящим за названиями эмоций концептам [8, с. 44]. Списки номинантов эмоций и эмоциональных состояний, представленных в работах разных психологов и лингвистов, различаются по составу и количеству эмоций, включенных в них [4, с. 65–66]. З. Фомина приводит например такой список номинантов эмоций (*etmotive Zustandslexik*), встречающихся в немецких, австрийских и швейцарских художественных текстах: а) с лексемой *Angst* (*Angst, Menschenangst, Weltangst* etc.), *Furcht, Entsetzen, Schrecken, Horror* etc.); б) с лексемой *Traurigkeit* (*Depression, Pessimismus, Betrübnis, Apathie, Entmutigung, Schwarzseherei, Trauer, Mißmut* etc.); в) с лексемой *Verzweiflung* (*Aussichtslosigkeit, Wehklage, Weltschmerz, Düstereit, Demütigung, Betroffenheit, Schmerzausbruch* etc.); г) с лексемой *Einsamkeit* (*Einsamkeit, Freudlosigkeit, Herzenleere, Selbstquälerei, Verzweiflung* etc.); д) с лексемой *Hoffnung* (*Lebensbejahung, Optimismus, Vorgefühl, Hoffnungsfunke, Hoffnungsfunke, Hoffnungsstrahl, -glanz, -schimmer* etc.); л) с лексемой *Liebe* (*Liebe, Huld, Zärtlichkeit, Zauber, Bewunderung, Schwärmerei, Charme* etc.) и др. [10, с. 2].

При типологизации номинантов эмоций лингвистами учитываются их следующие релевантные признаки: *модус, полярность* и *интенсивность*. Модус определяется по типу отражаемой языком эмоции. Именно по этому признаку все эмотивы-номинанты можно разделить на несколько групп. Выделение имен эмоций одного модуса происходит путем анализа их словарных дефиниций. Такой анализ позволяет установить, какие семантические признаки входят в значение языковой единицы и какой из типов эмоционального состояния ею именуется. Так, например, дефиниционный анализ слов *гнев, злость, ненависть, неприязнь, отвращение* и *ярость* дает основание включить их в группу НЕПРИЯЗНЬ, так как все они обозначают различные по степени интенсивности переживания враждебности: «*неприязнь* – нерасположение или недоброжелательство; *вражда*, *злонамеренность*», «*ненависть* – чувство сильнейшей *вражды*, *неприязни*», «*отвращение* – омерзенье, *ненависть, нелюбовь*, отворот, антипатия», «*злость* – злое, раздраженно-враждебное чувство; *злоба*», «*гнев* – чувство сильного негодования, возмущения; состояние раздражения, *озлобленность*», «*ярость* – сильный *гнев, озлобление, лютоство, зверство, неустовство*» [8, с. 62]. Лингвисты учитывают также признак *интенсивности*, то есть степень проявления в модусной группе номинантов эмоций отображаемого ими эмоционального переживания. Так в группе имен эмоций НЕПРИЯЗНЬ семантический признак «слабая степень интенсивности эмоций» реализует эмотив-номинант *неприязнь*, а эмотивы-номинанты *ненависть, гнев, злость, отвращение* и *ярость* включают в свое значение признак «сильная степень интенсивности переживания».

Эмотивы-номинанты делятся на *положительные* и *отрицательные* (Грот, Богословский, Додонов, Симонов), таким образом при разработке модусной типологии номинантов эмоций учитывается знак эмоции (Рейковский), то есть *полярность*. В соответствии с таким делением описываются группы «полярных» эмоций, таких, как РАДОСТЬ и ПЕЧАЛЬ (Изард), УДОВОЛЬСТВИЕ и СТРАДАНИЕ (Грот), ТОСКА и УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ (Никифоров) и т.п. [4, с. 165]. Противоположной описанной нами выше подмодусной группе эмоций НЕПРИЯЗНЬ является подгруппа СИМПАТИЯ. Знак эмоции (положительный, отрицательный) является одной из главных качественных характеристик эмоций, в которой проявляется «отношение к отражаемым явлениям как главное свойство эмоций» [11, с. 408]. В такой характеристике эмоций фиксируется их тесная связь с *оценкой*.

Стремление классифицировать предметы и объекты (в том числе и психические) окружающего мира обусловлено самой природой homo sapiens. Анализируя и сравнивая огромное количество эмоций и чувств, номинированных в языке лингвисты стремятся дифференцировать эмоциональные переживания по своей природе близкие друг другу (что отображается в словарных дефинициях этих эмоций-номинантов), а также типологизировать их по их модальности, интенсивности и полярности. Стремясь типологизировать номинаты эмоций лингвисты выполняют важную задачу, так как подобная типология позволяет изучить категорию эмотивности в языке. Типология имен эмоций является базисом для описания особенностей функционирования категории эмотивности в художественном, политическом и др. видах дискурса.

Литература

1. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959.
2. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958.
3. Красавский, Н. А. Терминологическое и обиходное обозначение эмоций (на материале русского и немецкого языков) / Н. А. Красавский. – Волгоград, 1992.
4. Мягкова, Е. Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования / Е. Ю. Мягкова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990.
5. Финкель, А. М. Современный русский литературный язык / А. М. Финкель, Е. М. Баженов. – Киев, 1951.
6. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987.
7. Шаховский, В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания; учебное пособие к курсу / В. И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГПИ, 1983.
8. Шевченко, О. А. Функционирование категории эмотивности в рекламных текстах [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук / О. А. Шевченко. – М.: РГБ, 2005.
9. Шмелев, Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях / Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1977.
10. Fomina, S. Emotionskonzepte und ihre sprachliche Darstellung in deutschsprachigen und russischen literarischen Texten (Am Beispiel der deutschen, österreichischen, schweizerischen und russischen Literatur) / S. Fomina // Kulturwissenschaften. – 15, Nr., 2004.
11. Краткий психологический словарь / под ред. М. Г. Петронского. – Ростов-н/Д., – 2-е изд., 1998.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

И.В. Андреева

Волжский гуманитарный институт (филиал) ВолГУ, г. Волжский

Многочисленное увеличение объема массовой информации создало благоприятную почву для нарушения личностных прав [5, с. 224]. Чрезвычайно актуальными в настоящее время являются проблемы защиты информационных прав личности и совершенствования механизма реализации информационных прав личности. Механизмом реализации информационных прав личности является *опровержение*. *Опровержение* является ответным действием на конфликтную ситуацию.

Поводом для *опровержения* и предметом «подеудности» являются клевета и оскорбление. Считаю необходимым разобраться в разнице между этими понятиями.

Согласно словарю Ожегова, «клевета – это порочащая кого-либо ложь» [6, с. 283]. В ст. 129 УК РФ уточняется: клевета есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Заявляя «Экспрессер Михаил Касьянов, воспользовавшись должностью, за бесценок «прихватизировал» у государства бывшую дачу своего тезки, некогда второго человека в КПСС М. Суллова» [1] обвиняющий или утверждает факт или клеветет. Естественно, что обвинение должно быть доказано, в тогда перед нами факт. Если обвинение не доказано, можно говорить о клевете, то есть порочащей лжи. Если эта «порочащая ложь» еще и распространена через СМИ, она подпадает

под определению клеветы п. 2 ст. 129 УК РФ: «Клевета, содержащаяся в средствах массовой информации».

Клевета и оскорбление – это такой вербальный материал, в котором намеренно наносит ущерб другому лицу. Сведения, наносящие вред чьей-либо чести или репутации, вызывающие ненависть, неуважение или насмешку, рассматриваются как подрывающие престиж (социальный, профессиональный и пр.) этого лица в глазах здравомыслящих людей.

Несмотря на то, что по закону не возбраняется распространение мнений, возмещение ущерба и публикация *опровержений* возможна лишь в случае распространения ложных фактов, а не мнений. Редакция СМИ, распространившая эти ложные сведения, обязана их опровергнуть, если она не обладает доказательствами достоверности распространенных ею сведений. Именно на распространившей эти сведения редакции, а не на авторе или главном редакторе лежит обязанность опровергнуть [2, с. 279].

Следует четко определить понятие «опровержение». *Опровержение* – это «речь, статья, сообщение, в которых что-нибудь опровергается» (второе значение). Опровергнуть – «доказать ложность, ошибочность чего-нибудь» [6, с. 457]. Для того чтобы опубликовать *опровержение* сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, эти сведения должны не только не соответствовать действительности, но и быть именно порочащими [2, с. 280]. Понятие «порочить» определяется как распространение о ком-, чем-нибудь предосудительных сведений.

Мы проанализировали центральное печатное издание «Аргументы и факты» за период 2002–2006 гг. и выявили шестнадцать *опровержений*. Рассмотрим один из примеров с точки зрения соответствия основным правилам публикации *опровержений*, закрепленным Законом РФ «О средствах массовой информации».

Проанализированное нами *опровержение* представляет собой небольшой текст, опубликованный в газете «Аргументы и факты» (№ 01–02 (1366–1367) от 10 января 2007 г.). В данном сообщении опровергаются сведения, не соответствующие действительности, и согласно решению Басманного районного суда г. Москвы публикуется следующее: «Опубликованные в газете «Аргументы и факты» № 12 (1273) за март 2005 г. в статье под заголовком «У «ракового лохотрона» есть имя» сведения о том, что Геннадий Бухман был изгнан из клиники за мошенничество и воровство, пытался украсть авторские права на часть биобанкетей, не соответствуют действительности». При публикации данного *опровержения* четко соблюден принцип определенности: в рассматриваемом нами *опровержении* указано, какие сведения не соответствуют действительности, когда и как они были распространены данным СМИ. Четко выдержан и принцип соответствия: данное *опровержение* набрано тем же шрифтом, помещено под заголовком «Опровержение» и на том же месте полосы, что и опровергаемый материал. Таким образом, анализируемое нами *опровержение* распространено в той же форме и таким же способом, что и опровергаемые сведения. Единственное частичное несоответствие с правилами публикации *опровержения* выражено в том, что рассматриваемое нами сообщение опубликовано в газете «Аргументы и факты» (№ 01–02 (1366–1367)) 10 января 2007 г. Это означает, что сроки опубликования *опровержения* не соблюдены.

Все выявленные *опровержения* издания «Аргументы и факты», 240 выпусков газеты за 2002–2006 гг. можно представить тремя основными видами (количество и процентное выражение):

- *опровержение* недостоверной информации (4 25 %)
- *опровержение* сведений, не соответствующих действительности (10–62,5 %)
- *опровержение* как результат судебного решения вопроса о защите чести и достоинства гражданина и юридического лица (2–12,5 %).

Следует заметить, что ни в одном сообщении не соблюдены сроки опубликования *опровержения*. Кроме того, необходимо выделить причину малого количества *опровержений*. Суть заключается в том, что «опубликование СМИ *опровержения* в качестве внесудебного решения вопроса о защите чести и достоинства является фактом признания данным СМИ противоправного действия со своей стороны» [3]. Однако *опровержение* является прогрессивным и демократичным способом разрешения конфликтов между средствами массовой информации и гражданами.

В американской лингвокультуре русскому слову «клевета» соответствуют три слова: *defamation, slander, libel*, различаемые по способу распространения. Так, “*defamation – the issuance of false statement about another person*” [7], переводится как «клевета; диффамация»; “*slan-*

der – defamation in some transient form, as by spoken words, gestures” [7] – «клевета, злословие, клеветы»; “libel – the publication of defamatory matter in permanent form, as by a written or printed statement, picture” [7] – «клевета (в печати)».

Нами было замечено, что в американских газетах встречается несколько видов заметок и статей, целью которых является – пояснение, поправка, уточнение, что по-английски соответственно – clarification, correction, amplification.

“Correction – is an action to rectify, to make right a wrong” [7] – предполагает размещение в газете заметки об ошибке, допущенной в предыдущем номере. “Clarification is used to make a statement in a published story more clear” [7]. Пояснение относится к той части статьи, которая, фактически являясь правильной, может быть предметом неправильного толкования или подхода. Пояснение (clarification) и поправка (correction) – не одно и то же. Поправка исправляет действительные ошибки в опубликованном материале. “Amplification (2) is used to explain something in more detail” [7]. Очень часто заметки такого рода выходят под рубрикой: Corrections / Amplifications, Corrections / Clarifications.

Приведем пример поправки: “Steve McClaren, coach of the English national soccer team, was incorrectly identified as Steve McLaren in a front-page wire story Friday about soccer star David Beckham’s deal with the Los Angeles Galaxy”. Данная поправка акцентирует внимание читателей на неверном написании имени тренера национальной английской футбольной команды.

Более близки по функциям русскому «опровержению» американские “Retraction” и “Letters to the Editor”. “A retraction is a public statement, either in print, or by verbal statement that is made to correct a previously made statement that was incorrect, invalid, or in error” [7]. “To retract” переводится как: отозвать, не признавать, дезавуировать. Цель публичного «отзыва» – исправить любую неверную информацию. Термин “retraction” обладает более сильным коннотационным значением, чем термин «поправка». Отзыв обычно предполагает такие исправления, которые меняют основную тему исходного утверждения. Статья может быть отменена или отозвана автором, научным спонсором, редактором или публицистом из-за важной ошибки или бессодержательных данных.

“Letters to the Editor” – письма редактору – представляют собой раздел газеты, представляющий различные точки зрения по тому или иному вопросу. Мнения могут выражаться заинтересованными лицами, а также простыми читателями. Разворачиваемые дискуссии сопровождаются аргументированием и доказательствами, что в терминах ТРА можно определить как перлокутивное коммуникативное действие.

Нами было проанализировано еженедельное издание “The Wall Street Journal” за октябрь – январь 2006–2007 г., где было замечено 488 статей: 212 из них – Corrections / Amplifications (43 %); 276 – Letters To The Editor (57 %). Нами не было замечено ни одного отзыва (“Retraction”) в данном издании. Это явление не характерно для массово-информационного дискурса. По результатам поиска в системе Интернет были обнаружены редкие примеры отзывов, в основном в научном дискурсе.

Литература

1. ЛиФ. – 2005. – № 27.
2. Законодательство Российской Федерации о средствах массовой информации / Научный комментарий М. А. Федотова. – М., 1996.
3. Кириллин, К. А. Опровержение и отзыв как механизм реализации информационных прав личности: «де-юре» и «де-факто» [Электронный ресурс]. – Электронные данные : <http://www.lawlib.ru/olimpko/olimp27.ru.shtml>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебелева. – М., 2000.
5. Кудрявцев, М. А. Информационные права личности : учебно-практич. материалы по праву факта массовой информации / М. А. Кудрявцев // – М., 1999.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1999.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЮМОРА

И.В. Антонова

Оренбургский государственный педагогический университет

Юмор – это такая координатная плоскость, точкой отсчета которой является смех, глубина и высота проявления которого зависят, в свою очередь, от ее координат. Координатами, в данном представлении, являются отрицательные или положительные числа, символы, координатных осей, или концептов, психологической и лингвистической направленности, пересекающихся и образующих единую координатную систему под названием юмор.

Если судить о юморе с психологической точки зрения, или, точнее сказать, о чувстве юмора, то правильнее было бы сказать, что у человека, обладающего таковым, при восприятии окружающего мира, а тем более в его противоречивом комичном облике, происходит ширмальная физиологическая реакция, состоящая в том, что импульсы, возникшие в ответ на какой-то внешний сигнал, данный или воспринимаемый человеком, поступают в мозг и подвергаются обработке, и так рождается смех.

Смех берет свое начало еще с древних времен, когда наслаждение получали от зрелищ убийства – в римских цирках, например. Совершенно иные критерии и стандарты юмора существовала грубость средневековья. Человек современной эпохи в силу многолетнего опыта, полученного в сферах различных областей знаний и несчетных научных достижений, научился безукоризненно отличать смешное от комического, устанавливать грани юмористического и иронического, илифовать грубый неотесанный гомерический хохот в тонкий юмор.

Сегодня человек, осознав свое alter ego, уже не видит себя просто мишенью, физическим существом, служащим объектом насмешек, потерпевшим поражение в поединке из-за своей боевой неподготовленности. Настоящее создает для него уникальную возможность мысленно абстрагироваться или даже, наоборот, намеренно взглянуть на себя со стороны. Такое видение себя в теле другого человека открывает для человечества что-то новое, до конца еще неизданное. Но это новое ведет его к самоанализу, а следовательно к мышлению, размышлению над природой своего характера. Размышление позволяет выявить все положительные и отрицательные черты своего характера и интеллекта через призму критического или юмористического и взглянуть на себя и на окружающую реальность совершенно по-новому. Собеседник, участник или просто свидетель той или иной юмористической ситуации мысленно проигрывает случившееся заново со всеми возможными вариантами выхода из нее. Лишь тот вариант будет близок к совершенству, в котором тот же самый участник ощутит свое превосходство над другим таким же участником, или получит удовольствие от тонкой игры ума.

Мы склонны полагать, что критическое тесно связано с юмористическим и даже является его неотъемлемой частью. Так как критика призвана изобличать и указывать на недостатки, то таковые являются отклонением от нормы или противоречат идеальному, а мы знаем, что противоречие является основой юмора. Такое понимание комического через противоречие раскрывает в своих работах Л.И. Тимофеев: «Комическое в жизни – это явления, внутренне противоречивые, в которых мы отмечаем обесценивающее их несоответствие тому, на что они претендуют» [4, с. 82]. Объективность комического подчеркивает в своем определении Г.В.Ф. Гегель: «Вообще невозможно извне привязать насмешку к тому, что не имеет насмешки над самим собою, иронии над собой. Ибо комическое состоит в том, чтобы показывать, как человек или предметы разлагаются в самих себе, и если предмет не есть в самом себе свое собственное противоречие, то комизм является поверхностным и беспочвенным» [2, с. 71].

Комизм действительно будет беспочвенным по отношению к каким-то научно установленным истинам и фактам, которые неизменны и непреложны, и которые мы воспринимаем как суть положения вещей. Например, предложение – мозг – удивительный орган, заставляет нас принять это как данное и согласиться с тем, что мозг – сложнейший орган, способный воспроизводить сложнейшие операции по получению, переработке и хранению информации. Но если мы дочитаем предложение до конца – он начинает работать, как только вы просыпаетесь утром, и не прекращает до тех пор, пока вы не явитесь к себе на службу, возникает комический шок от неожиданной трактовки смысла его удивительности. Или вот такой пример: «Дворянство, –

утверждают дворяне, – это посредник между монархом и народом. Да, в той же мере, в какой гошчая – посредница между охотником и зайцами» [6, с. 88].

Из выше приведенных примеров напрашивается вывод о том, что простое предложение помимо логики содержания и естественной информативности приобретает оттенок креативности и художественности лишь в том случае, когда в нем кроется двойной смысл или подтекст, степень неповторимости которого возрастает из соотношения заложенных в нем глубины и тонкости юмора. Теоретически установленная истина – это еще не все, она же, проверенная на практике, дает начало витку новых событий, протекающих по уже известному руслу развития, но, она же, утвержденная и в тот же самый момент опровергнутая на фоне реальных жизненных событий, приобретает оттенок приземленности, в корне меняет положение дел и приводит уже к совершенно новой теории.

То, как развивается человечество, отражается на юморе: несмотря на вариативность определений, отождествления его с комическим и смешным, а также особенностей соотношения юмора и сатиры, юмора и иронии, юмора и сарказма, мы все же придерживаемся мнения Яна Казини и Стива Поттера, что юмор представляется родовым понятием по отношению к другим формам его проявления, или видовым понятиям, таким как ирония, сатира, сарказм и др. Все они, в свою очередь, находят свое выражение через такие юмористические приемы, как:

- ложное противопоставление;
- ложное усиление;
- доведение до абсурда;
- остроумие нелепости;
- смешение стилей;
- намек;
- двойное истолкование;
- обратное сравнение;
- сравнение по случайному признаку;
- повторение;
- парадоксальность высказываний;
- стилистические средства языка.

Все эти приемы позволяют взглянуть на юмор, как на нечто большее, безграничное, выходящее за пределы его употребления на бытовом, бытовом уровне в качестве смешного жеста или шутки, и представляют его на уровне мировом, национальном, в качестве юмора, как общего представления о человечестве, юмора, как представления о мире или картины мира.

Концептосфера юмора многогранна. Восприятие юмора и его правильная оценка осуществляются через чувства, или концепты (когнитивная лингвистика), радости и горя, восхищения и негодования, ликования и отчаяния, любви и ненависти, уважения и презрения, доверия и недоверия, самодовольства и зависти и т.д. Языковая картина юмора складывается из особенностей менталитета разных наций, особенностей мышления народов, различия взглядов на те или иные жизненные и лингвистические явления. Историческая изменчивость, главным образом, отражается в национальных особенностях и различии юмора. Легко уловить признаки юмора какой-нибудь нации, но дать им точную характеристику довольно-таки трудно. Ю.Б. Борев в своей книге «Комическое» указывает на то, что согласно мнению Э.Обуэ, французам свойственно остроумие, которое имеет агрессивный характер, язвительность, высокомерное отношение к своему предмету, а англичанам присущ юмор, который скромен и имеет характер благосклонного умиления. Однако Ю.Б. Борев тут же возражает, что вряд ли можно заподозрить юмор Свифта в благосклонном умилении [1, с. 62]. То, насколько английский юмор отличается от французского, поможет установить лишь их исторический анализ. Каждая нация со временем приобретает свою уникальную форму юмора, вылитую из жизненно-исторического опыта, преломленного через категорию эстетического. В.Г. Белицкий писал: «...Тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его, так сказать, манере понимать вещи» [1, с. 71]. И эта «манера понимать вещи», пожалуй, ни в чем так отчетливо не проявляется, как в остроумии, в национально окрашенном юморе. Юмор как образ мира представляется нам, пожалуй, одним из наиболее колоритных, не сравнимых ни с

чем другим, постоянно изменяющимся и содержательно насыщенным концептом в сфере данных принятых и вновь познаваемых лингвистических явлений.

Саму историческую изменчивость трактовки определения юмора мы можем выявить в словаре П.Я. Черных: «Юмор – чувство смешного, умение чувствовать и подмечать смешное; добродушно-насмешливое отношение к чему-либо. В русском языке слова юмор и однообразные с ним входят в широкое употребление со 2-ой четверти XIX в. Юмор (и в старом, и в современном знач.) – английское слово: *humour* – «юмор», «нрав», «настроение». В XVI же из английского слова восходит как заимствованное к франц. *humour* – «настроение», «нрав», а также «жидкость», «влага». Интересный факт мы наблюдаем в том, что развитие значения «влага» ⇒ «юмор» шло через значение «жизненные соки в организме», «соки человеческого тела», с которыми в средние века стали ставить в связь характер, темперамент человека. В I-ом и вплоть до 19-ого века слово «юмор» было известно в другой форме и с несколько другим значением: «настроение», «расположение духа» [5, с. 459]. Из этого определения, а в особенности ссылаясь на то, что юмор мы вправе называть полноценным, лишь ассоциируя его со сложными реакциями организма, дающего ему высшую оценку через чувства, через те самые «соки», проявляющиеся в характере и нраве отдельного индивида и целой нации, следует, что говоря о юморе, не следует впадать только лишь в словесную эквилибристику, подыскивая этому явлению подходящее место среди лингвистически значимых научных гигантов, но и подходить к нему как к эстетической категории, преимуществу, свойственному только лишь человеку, чувству, благодаря, которому он ощущает себя общественно значимой личностью, лингвистически совершенствующейся в языковом мире.

Юмор универсален, это взгляд на мир в целом, а не на отдельные его какие-то явления. Через отдельные символы и сигналы, свидетельствующие о комичном или юмористическом, в нашем сознании рисуется общая картина юмора в его положительном и отрицательном ракурсах.

Литература

1. Бореен, Ю. Б. Комическое / Ю.Б. Бореен. – М.: Искусство, 1970. – 272 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения / Г. В. Ф. Гегель. – Т. 10. – С. 71.
3. Лук, А. Н. Юмор, остроумие, творчество / А. Н. Лук. – М.: Искусство, 1977. – 183 с.
4. Тимофеев, Л. И. Теория литературы / Л. И. Тимофеев. – М.: Учпедгиз, 1948. – 364 с.
5. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. – М.: Рус. яз., 1994. – Т. 2. – 560 с.
6. Шамфор, С. Р. Н. Максимумы и мысли. Характеры и анекдоты / С. Р. Н. Шамфор. – М.: Ладомир-Наука, 1993. – 290 с.

АНАЛОГИЯ КАК СТРАТЕГИЯ СТРУКТУРИРОВАНИЯ АБСТРАКТНЫХ КОНЦЕПТОВ

С.Х. Битокова

Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик

Нематериальные сущности, не доступные нашему чувственному восприятию, познаются через их соотношение с наблюдаемым, материальным миром. «Первые» сущности, по Аристотелю, это наблюдаемый мир; абстрактные «вторые» сущности есть факты ненаблюдаемого мира, который строится по типу первого. Кант считал, что невозможно придать наглядность идеям разума, но возможно придать им символическую наглядность. «Человек всегда стремится абстрактное интерпретировать в терминах чувственного опыта, соотнося трансцендентное со своим опытом посредством аналогии, сопровождая ее... использованием принципа фиктивности» [1, с. 127].

Абстрактный мир, являясь иллюзорным дубликатом конкретного, получает объективность посредством метафоры, которая формирует в наивной картине мира систему аналогий абстрактных сущностей, с объектами, доступными чувственному восприятию (Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян; В.Г. Гак; Е.М. Вольф; В.Н. Телия; Дж. Лакофф и др.).

Формулируя отвлеченное понятие, по мнению Э. Тайлора, человек структурирует модель данного понятия, опираясь на «реальную и осязательную аналогию, теорию, которую он

вызывает великой, ибо ей «мы обязаны столь значительной частью нашего понимания окружающего мира. Как бы недоверчиво не относились к ней строгая наука за обманчивые ее результаты, аналогия всегда остается нашим главным орудием, а на более ранних ступенях культуры мнимые ее были почти безграничным [3, с. 137–138].

Уподобление абстрактной сущности другой, из сферы конкретного физического мира, отражает процесс осознания и означения данного процесса в языке. Аналог служит для структурирования знаний о сущностях из области – мишени (*target domain*).

Интеллектуальная сфера, одна из важнейших ипостасей бытия человека, находит языковое воплощение через систему прямозначных лексем (*ум, разум, интеллект*; англ. *mind, intellect, wit*; каб. *акъыл гутысэ*), и комплекс образных выражений разной структурной организации, отражающих аналогии, которые выстраивает сознание человека для постижения, упорядочивания своих представлений об уме и интеллектуальной деятельности (*ума паата, большого ума, светлый разум*; англ. *a clear head, all there, to be bright spark*; каб. *акъылфиз, акъыл пэу, цхъэ флэтын*). Словарные толкования лексем со значением *ум, интеллект* выявляют лишь семантические нюансы, содержащиеся в их значениях, и никак не определяют онтологическую сущность этого феномена. Получить наивное представление об умственных способностях человека, то есть структурировать содержание этого концепта, проникнуть в его онтологическую сущность возможно лишь при обращении к образным единицам языка, описывающим этот феномен.

В обсуждении вопроса о том, является ли *ум* представляемым органом или некоторой способностью думать и понимать, Е.В. Урысон приходит к выводу, что *ум* в равной степени и способность, и представительный орган мышления [4, с. 7]. *Ум* имеет определенную локализацию. Он представляется находящимся где-то в верхней части головы, в области лба и висков. Высказывание, что кто-то лишился ума, можно сопроводить жестом – покрутить указательным пальцем у виска. Наличие локализации свидетельствует о том, что *ум* может представляться как некий орган. Подобно обычным человеческим органам, *ум* может мыслиться как *вместилище*, но в отличие от них он не представляется чем-то достаточно компактным, имеющим четкие границы.

Итак, с умом связывается двойственное представление: это способность человека мыслить, основа сознательной, разумной жизни и вместе с тем орган, воплощающий эту способность.

Согласно когнитивной теории метафоры абстрактная образ-схема для *ума* – это «вместилище», так как интеллектуальная деятельность осуществляется мозгом, расположенным в верхней части головы; и «устройством», «машини» (*the mind is a machine*), представляющее результаты этой деятельности [2, с. 52]. Образ-схема «устройство» создает представление об *уме* как о «машине», со всеми связанными с ней характеристиками: включение – выключение, эффективность, мощность, внутренний механизм, которому свойственны те или иные условия эксплуатации [2, с. 53].

Рассмотрим как «выглядит» *ум, интеллект* в панном представлении носителей кабардинского языка. В некоторых случаях в описании используются данные из русского и английского языков.

В первую очередь для осуществления интеллектуальной деятельности у человека должна быть «голова», – *цхъэ флэтын* – быть умным сообразительным (*иметь голову на плечах; to have a head on one's shoulders*). Глагольная часть идиомы *флэтын* – *иметься, быть в наличии на лице или выступе чего-л.*, передает иное качество «головы» нежели глагол *пхтын* (*расти*), который в сочетании *цхъэ* обозначает естественное наличие головы без какой – либо оценки умственных способностей. Большая степень умственных способностей концептуализируется через размер головы – *цхъэцхъэ флэтын* – иметь большую голову (*to have a big head*). Высокое качество ума передается через его уподобление острым предметам: *акъыл жан* (обладать острым умом); *гутысэ жан* (острый ум). Подобно тому, как острые предметы (нож, игла и т.д.) легко проникают в обрабатываемый ими материал, так и обладатель *острого ума* способен легко понять, разобраться, *проникнуть* в суть вопроса, проблемы.

В кабардинской языковой картине мира особое внимание уделяется «возрастной» характеристике «ума». Необычайно умные, не по годам смывленные дети (мальчики) концептуализируются через соматический код – *и тхлэмбылым цы къытеклэн* (букв. на легких выросли волосы). По всей вероятности, значимым для подобного опредмечивания детского интеллекта, послужила аналогия с тем, что зрелость мужчины сопровождается появлением растительности

на его лице. В анализируемом примере акцентируется факт появления растительности даже на легких, как свидетельствование необычайного ума, неординарного для детского возраста.

Первый этап умственного взросления передается через идном *икхъбэж флъжын* – повзрелеть, освободиться от детских привычек, в которой задействован зооморфный код – *икхъбэж* – первоначальный слой рога, который сохраняется на кончике, до определенного возраста. Следующий этап умственного взросления – *астыл ыжым* (букв. ум сел) – *стать умственно зрелым, набраться ума; астыл зрыбдын* (схватиться, окрестить об уме), *ум (разум) сформировался*. Согласно внутренней форме этих идном можно сделать вывод о том, что «качественный», взрослый ум в кабардинской культуре представляется как стабильный, упорядоченный, устоявшийся, со всеми вытекающими последствиями: сформированное мировоззрение, умение правильно оценивать ситуации и события и способность принимать адекватные решения. Первые проявления интеллектуальной состоятельности молодого человека в кабардинской культуре связывается с формированием способности отличать добро от зла – *смы флъмыз зхъмъжын* (выйти из детского возраста, повзрелеть). Это такой уровень умственного взросления, который предопределяет дальнейшую динамику интеллектуального развития, с упором на нравственную компоненту.

Насколько нам известно динамика интеллектуального взросления с явно положительной коннотацией не получает метафорической объективации с опорой на лексемы *ум, разум* в русском или английском языках. Русские идномы: *умом не вырос, умом не дорос; нерасвитый ум; телячий ум; мозги не приросли* и т.д. характеризуют неразвитого (недоразвитого), умственного ограниченного *врослого* человека.

Абстрактная «образ-схема» ум – это «устройство» предполагает наличие внутреннего механизма, обеспечивающего его работу. Эта составляющая когнитивной модели получает достаточно последовательную метафорическую разработку в кабардинском языке. Так, несовершенный механизм транслируется в образной картине интеллекта в виде разнообразных квалификаторов *ума (астыл): хъщ!* (короткий); *ыжъуэ* (половинчатый); *хъжым* (неправильный, не соответствующий нужной форме); Таким образом, *ум* в представлении кабардинцев должен быть «целостным», «определенной формы» и «определенных размеров. При этом ни форма, ни размер никак не определены. Существование исходной нормы принимается априори, без какой-либо отсылки к предметному миру.

В некоторых примерах образной характеристики *ума* содержится лишь указание на его несовершенство, без обозначения характера дефекта. Например, *ирэм зыгур хъжым, и щым хъщэжын* (не хватать, не доставать голове ч-л.) – *быть глупым*. Аналогичная характеристика подтверждается фактами русского языка: *что-то с головой, проблема с головой*.

Умственно здорового человека должно быть полноценное содержание в голове. Его недостаток или отсутствие получают объективацию, например, через природно-метеорологический код, в котором активны образы ветра: *и щым зылы шхъшым*; (в голове ветер); *и ирэм зыгурей зыжытэ* (в голове сильный ветер); *цъу-цъу* и *ирэм щыжытэ*. В последнем примере эффект умственной неадекватности усиливается использованием звука, издаваемого ветром, услышанного кабардинцами как *цъу-цъу*, вместо слова ветер.

Структурирование концептуального содержания *ум*, на основе выстраиваемой человеком аналогии, позволяет выявить системные закономерности, характеризующие тот или иной тип мировоззрения, с присущими ему универсальными и культурно-специфическими чертами. Картина понятий обыденной философии, в основе которой лежит механизм аналогии, в своем формировании отмечен как общечеловеческими чертами, обусловленными единой биологической и социальной сущностью человека, так и этноэтническими, приписываемыми культурным фоном того или иного этноса.

Литература

1. Жоль, К. К. Мысль, слово, метафора. Проблемы семантики в философском освещении / К. К. Жоль. – Киев: Наукова думка, 1984.
2. Лаккофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лаккофф, М. Джинсон. – М., 2004.
3. Тайлор, Э. Первобытная культура / Э. Тайлор. – М.: Прогресс, 1989.
4. Урьесон, Е. В. Фундаментальные способности человека и клиника анатомии / Е. В. Урьесон // Вопросы языкознания. – 1995. – № 4. – С. 3–16.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА: ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА

Е.В. Зарепский

Фридрих-Александр-Университет, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия

В статье приводятся результаты корпусных исследований русской художественной литературы XX в. по следующим направлениям: частотность употребления интернационализмов, распространенность необычных для русского языка буквенных комбинаций и интернциональных словообразовательных элементов (аффиксов, аффиксондов, конфиксов) в зависимости от гендерного признака. Подсчеты проводились на основе двух корпусов объемом примерно 16.140.000 словоупотреблений каждый (соответствует 106 мегабайтам txt-файлов, то есть всего 212 мегабайт), все файлы были проверены на наличие невидимых для программ-поисковиков секторов, ошибок в кодировке и т.п., чтобы избежать расхождений в результатах, обусловленных чисто техническими причинами. Текстовые файлы были взяты из онлайн-библиотеки Максима Мошкова <http://www.lib.ru>, разграничений по жанрам не производилось. Соответственно, и обе выборки вопли и детективы, и фантастика, и детская литература, и поэзия (лирическая, сатирическая и т.д.), и обычная проза. Список авторов, по работам которых проводились подсчеты, выглядит следующим образом:

Авторы-мужчины: Бродский Иосиф, Волков Александр, Гелоркин Эдуард, Грин Александр, Дождагов Сергей, Ефремов Иван, Ильф Илья и Петров Евгений, Искандер Фазиль, Коваль Юрий, Ковенский Виктор, Леснов Леонид и др.

Авторы-женщины: Абариниона-Кожухова Елизавета, Александрова Татьяна, Алексеевич Светлана, Алфеева Валерия, Андерсен Лора, Андронатки Ирина, Ахмадулина Белла, Ахматова Анна, Баконица Марианна, Бек Татьяна, Беломысненская Юлия и др.

Отдельные произведения были созданы уже после 2000 г. Большая часть, однако, относится ко второй половине XX в.

Подсчеты производились с помощью программ *WordSmith Tools* и *SearchInform Desktop (JsfInform)*. В каждой таблице приводится формула поиска, наиболее сложные указаны в упрощенном виде. В большинстве случаев формулы были необходимы для отсеивания коротких омонимичных форм, не имеющих отношения к искомым иноязычным элементам (напр., баня вместо существительных с суффиксом *-ант*). Остальные омонимичные формы отфильтровывались вручную. Основные правила составления формул в *WordSmith Tools* выглядят следующим образом: * – любое количество знаков до пробела, ^ – одна буква, ? – один символ или ничего, — с учетом регистра, / – логический оператор ИЛИ. Для подсчета частотности лексем использовалась морфологический поиск программы *SearchInform Desktop*, позволяющий учитывать все формы искомого слова.

Следующий список интернационализмов был взят из диссертации Юмита Еёена *Интернационализмы. Концепция интерлексиколексической теории* [2, с. 192–214], русские эквиваленты подыскивались по *Словарю иностранных слов* Лехина [1]. Лексеммы приводятся в том виде, в каком они вводились в морфологический поиск:

Автобус, автомат, автоматич, автомобиль, автономия, автоном*, авторитар*, авторитет, анализ, анархич*, ангажемент, ангар, ангина, аноним*, анонс, антенна, антибиотик, античи*, антропометр, апартменты, арга, арена, арифметика, арматура, артист, архивное, аркти, астма, астрономич*, асфальт, аттика, атлетизм, ателье, атлас, атлет, атлетика, атлетич*, атмосфера, аут, бакет, бактерия, багет, балкон, баллон, бандероль, банк, банкет, бахачата, бар, барик, бармен, баррель, баррикада, барьер, бюджет, вагон, ваза, вахта, вакуум, вандализм, варикоз, веранда, версия, ветеринар, ветто, вена, висла, вирус, витамин, витрина, волейбол, вильма, газ, газета, лазер, лазерка, гандбол, гандикап, гашель, гараж, гарантия, гардероб, гарсон, гастрит, гастропластика, гектар, гектометр, гемофилия, ген, генерал, генетика, география, герон, гидропланка, гимнастика, гимнаст*, гоним, горюхи, горюхины*, грамм, грамматика, гранит, графика, греть, группа, дактилография, девет, декор, декорация, делегат, делегация, дельта, демографическ*, демократ, демократич*, демократия, дело, депрессия, дерби, деталь, детектив, детектор, дециметр, дешифровать, джиз, джем, джекер, диалект, диалектика, диалог, дикт, дикта, дикта, диктант, диктат, диктатор,*

Всего в женском гендерлекте встретилось 28.183 искомых элемента, в мужском гендерлекте – 32.221. Конфигуры *форма-, мезо- и макро-* вводятся в поиск только с маленькой буквы, поскольку слишком часто входят в состав личных имен.

Последняя таблица демонстрирует частотность некоторых буквенных комбинаций, сравнительно редких в русском языковом материале.

Буквы и буквенные комбинации, встречающиеся преимущественно в иноязычной лексике					
	*айт (Pайт)	*^/au (фр <u>au</u>)	*ейс* (Дей <u>с</u> р)	—Дж^* (Дж <u>с</u> т)	*^/ж (саба <u>ж</u> ах)
Ж.	122	123	230	7227	5280
М.	295	963	349	3292	5016
	*ли (кри <u>ст</u> ал)	*льд (Ма <u>к</u> ро-п <u>ль</u> д)	*ин (Э <u>н</u> т)	*оа (б <u>о</u> а)	*оу (б <u>р</u> ид <u>ж</u> у)
Ж.	1985	933	2196	55	340
М.	2555	1233	1128	55	205
	уа* (У <u>а</u> льд)	*уай* (У <u>а</u> й <u>т</u> с <u>т</u> ал)	уо* (У <u>о</u> слис)	*уай* (У <u>а</u> й <u>н</u> с <u>т</u> е <u>н</u>)	*фй* (а <u>ф</u> ф <u>и</u> к <u>с</u> т <u>р</u> а <u>л</u>)
Ж.	228	117	70	30	1993
М.	184	90	198	143	1115
	*ши (Пр <u>о</u> д <u>ж</u> а <u>н</u> н <u>я</u>)	*^/з (к <u>ан</u> т <u>э</u>)	*^/й* (А <u>й</u> с <u>т</u> р <u>э</u> д)	*^/ф (г <u>р</u> у <u>п</u> п)	Всего
Ж.	76	597	1104	5602	28.308
М.	41	320	320	7193	24.695

Таким образом, в женском гендерлекте встретилось больше редких для русского языкового материала буквенных комбинаций, в мужском гендерлекте – больше интернационализмов и заимствованных словообразовательных элементов.

Литература

1. *Словарь иностранных слов* / под ред. И. Лехин. – 7-е изд. – М.: Русский язык, 1980.
2. *Özen Ümit Internationalismen Konzeption einer interlexikologischen Theorie* / Ümit Özen – Siegen: Universität Siegen, 1999.

ЭМОЦИИ В ТЕРМИНАХ ЯВЛЕНИЙ ПРИРОДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

О.О. Заячковская

Российский государственный университет им. И. Канта, г. Калининград

Человека всегда притягивал к себе мир природы, его могущественная и даже сверхъестественная сила; кажется, жизнь присутствует в неживых природных явлениях: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя; то, как зверь она завоет, то заплачет как дитя...» [1, с. 121].

Всем нам прекрасно известно, как сильно погода связана с настроением. Эмоции, их возникновение, протекание также труднообъяснимы, как и природные явления, поэтому часто человеческие качества, его характер, поведение, эмоциональное состояние описываются в терминах природных явлений: «I wondered lonely as a cloud...» [5, с. 186].

В современной литературе, посвященной изучению концептуализации эмоций в английском языке (Джонсон, Лакофф; Кевечес, Стефанович и др.) выделяют метафору EMOTION IS A NATURAL FORCE. Образы явлений природы концептуализируют многие эмоциональные состояния, особенно, когда мы имеем дело с интенсивными эмоциями [3, с. 37].

Данная статья посвящена исследованию взаимосвязи таких концептосфер англоговорящей культуры, как NATURAL FORCE и EMOTIONS. Исследование предполагает проведение количественного анализа выражений, описывающих эмоциональные состояния, и выявление соотношения их принадлежности к положительным или отрицательным эмоциям; выяснение

структурного анализа лексических единиц, а также выявление механизмов переноса значения терминов природных явлений на эмоциональное состояние человека.

Материалом для исследования послужили выражения, с одной стороны, описывающие эмоции, то есть те выражения, которые можно отнести к концептосфере EMOTIONS. С другой стороны критерием отбора явилось то условие, что в состав этих выражений входит термин, описывающий природные явления, то есть языковые репрезентации концептосферы NATURAL FORCE. Материал для исследования был отобран методом сплошной выборки из словарей *Voget's Thesaurus* [2], *Dictionary of English Idioms* [4]. Также, были проанализированы примеры в Британского национального корпуса языка (*British National Corpus*).

В ходе исследования выражения, описывающие эмоции и содержащие термины явлений природы, были условно распределены на несколько уровней, организованных в иерархию от абстрактного к частному.

Прежде всего, термин *atmosphere* метафорически имеет отношение к эмоциональному состоянию. Этот термин вместе с оценочными прилагательными характеризует настроение группы людей, общий эмоциональный фон – *After Joe left there was a more relaxed atmosphere at home; there is an atmosphere of tension in the city today.*

Приведем некоторые примеры, отвечающие заданным критериям отбора, и описывающие отрицательные эмоциональные состояния.

Термин *weather* имеет отношение к эмоциональному состоянию и употребляется в устойчивом словосочетании *to be (feel) under the weather* – *to feel unwell, depressed* (испытывать себя чувствовать, быть в подавленном настроении). Это выражение задает тон в отношениях между концептосферами NATURAL FORCE и EMOTIONS. Оно указывает не только на плохое физическое самочувствие говорящего, но и на отрицательное подавленное эмоциональное состояние. Это свидетельствует о том, что чаще всего неблагоприятные, различные заболевания являются следствием ухудшения погодных условий, таких как понижение температуры, дождь, влажность и др. Соответственно, вместе с погодой и физическим самочувствием ухудшается и настроение. С другой стороны, положительное эмоциональное состояние редко осознается человеком как следствие хорошей погоды, скорее, эти состояния являются равноправными и дополняют друг друга.

Iceberg, iceberg, ice queen – *an insensitive person* [2, с. 279], в русском языке – безразличный, бесчувственный человек, ледяшка, айсберг, снежная королева. В процессе метафоризации некоторые свойства источникного домена NATURAL FORCE, то есть такие качества природных явлений как ледяная поверхность (*a piece of ice*), несущая опасность (*iceberg hangs down from somewhere, iceberg – floating in the sea with only a small amount of it above the surface of the water*) проецируются на концептосферу EMOTION. В частности, на элемент исследуемой концептосферы – на субъект, то есть на человека. В данном случае в результате такого наложения мы имеем дело не с определенными эмоциями, а с их отсутствием, что равнозначно проявлению отрицательных качеств субъекта, отрицательному к нему отношению.

Выражения, описывающие отрицательные эмоции *to cast a chill, to cast a cloud over somebody* – *to depress or sadden, to fill with gloom, to mar one's pleasure* (испортить настроение, омрачить настроение) также основаны на метафорическом проецировании отрицательных свойств источникного домена NATURAL FORCE на целевой домен EMOTION.

Для группы выражений *blood freezes, blood runs cold/blood turns to ice* – *to be extremely frightened* (в русском языке – *кровь стынет в жилах, кровь леденеет от ужаса*) основанием является метонимический перенос.

Известно, что существует связь между физиологическим и эмоциональным состоянием. Симптомы организма играют большую роль в процессе описания концептуальной структуры эмоций. Установленная связь рассматривается как следствие эмоций и указывает на причинно-следственные метонимические отношения. В данном случае, в результате того, что сильное эмоциональное состояние страха сопровождается таким физиологическим симптомом, как понижение температуры тела, образуется концептуальная метонимия *COLD STANDS FOR FEAR: to freeze on the spot, to freeze to death with fear, icy fear* (оцепенеть от страха, застыть от ужаса).

В качестве примеров, иллюстрирующих **положительные** эмоциональные состояния, приведем следующие выражения: *smile* (радостный человек, веселое настроение) – *a cheerful person, a ray of sun shine, a ray of hope* (лучик солнца, надежда) – *a joyful person, a person who brings or has hope*. В метафорических выражениях *over the moon, on cloud nine* – *to be extremely happy* (витать в

облаках от счастья, быть на седьмом небе от счастья) реализуется пространственно-ориентационная метафора HAPPINESS IS UP, где также присутствуют термины, являющиеся языковыми репрезентациями концептосферы NATURAL FORCE. Стоит отметить, что, вероятно, выражение "on cloud nine" образовалось от "on cloud seven", которое в свою очередь произошло от выражения "in the seventh heaven" – the dwelling of Allah in Muslim religion, in Judaism it is the home of God and the highest angels [4, с. 218], то есть относит нас к религиозным истокам.

Итак, в ходе анализа было проанализировано 68 выражений, описывающих как положительные, так и отрицательные эмоции. При проведении количественного анализа было выявлено 16 языковых выражения, описывающих положительные эмоциональные состояния, в процессе концептуализации которых источниковым доменом послужили благоприятные погодные явления, и 52 языковых выражения, которые относятся к неблагоприятным погодным явлениям и концептуализируют отрицательные эмоциональные состояния, что превышает группу положительных эмоций в два раза.

Следует обратить внимание на то, что каждая эмоция концептуализируется посредством характерного только ей природного явления. Также существует набор языковых единиц, с помощью которых описываются как положительные, так и отрицательные эмоциональные состояния, и которые отличаются высокой интенсивностью, например, *flood of joy, flood of anger, wave of anger, wave of fear, wave of sadness; joy sweeps over somebody, to be swept away by joy, anger sweeps/washes over, sadness sweeps/washes over somebody; joy subsides, anger subsides*.

Таким образом, в процессе концептуализации, с помощью механизмов концептуальной метафоры и концептуальной метонимии, можно описать эмоциональные состояния посредством терминов всепроникающей силы природных явлений.

Литература

1. Пушкин, А. С. Сочинения в 2-х томах / А. С. Пушкин. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 1. – С. 131.
2. Bartlett's Roger's Thesaurus. Little, Brown and Company. – Boston – NY – London, 1996.
3. Kövecses, Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling (studies in emotion and Social Interaction), 2003.
4. The Penguin Dictionary of English Idioms. Gulland, D.M., Hinds-Howell, David. Penguin Books, 1996.
5. Wordsworth, William. "I wandered lonely as a cloud" // TW. W-ch // In The Norton Anthology of English Literature. 5th edition, 1993. – Vol. 2. – P. 186.

ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКА И СОЦИОЛЕКТ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Г.А. Иванкина

Московский институт лингвистики

Одним из методологических оснований развития специальности «межкультурная коммуникация» является дидактическое осознание вариативности языка и включение этого базирования в практику преподавания. Аргументация этой методологической базы традиционно идет по линии современного употребления, когда на первый план выдвигается функциональность изучаемого языка, когда учащиеся должны быть максимально подготовлены для использования языка в речевых ситуациях в разных странах целевого языка.

Но значимость языковой вариативности не исчерпывается только коммуникативной функцией языка. Язык функционирует еще и как в аккумулятивной функции как хранитель истории мира, национальной, региональной и индивидуальной идентичности. Общий семиотический характер языка и культуры предопределяет то, что языковая система языка сращена с системой сознания и, соответственно, связана с системой социальной жизни. Язык и культура как семиотические системы объединены сущностными признаками: это формы сознания, фиксирующие и сохраняющие мировоззрение, они нормативны, изменчивы в историческом процессе, определяют соотношение индивида и социума. Следствием семиотической сущности

становится то, что билатеральность определяет как знаки языка, так и знаки культуры. Единицы социолекта отражают фрагмент культуры не только языка, но и варианта языка.

Итак, направленность предлагаемого методологического подхода рассматривается в данной статье на пересечении осей вариативности как в традиционном плане, так и в социолингвистической дифференциации, базирующейся на семантической сущности языка и культуры, концептуализации картины мира.

Учет вариативности в преподавании английского языка должен идти по всем сферам: содержание образования, диалектика и методика, концепция учебников и учебных материалов, оценка знаний, тестирование, подготовка и переподготовка специалистов.

Различия между вариантами английского языка в Великобритании, США, Австралии (Aussie English), Канаде, и других странах освоены лингвистикой как наукой тем образом, что английский язык концептуализирован как инвариантный (полицентричный) язык. Тот язык является не менее двух вариантов стандарта в разных центрах, его можно отнести к полицентричным, если же к каждому из центров принадлежат не менее двух национальностей, то можно говорить о «интернациональном языке». О полных центрах можно говорить, если стандартизированные особенности закреплены в собственных словарях (британский, американский), если же отчетливый центр стандартизации отсутствует, то можно утверждать наличие полуварианта, как для случаев Канады, Австралии и других стран.

Концепция полицентричности характеризует большинство преподаваемых в России европейских языков, так, немецкий язык существует в вариантах собственно немецкого языка, австрийском и швейцарском вариантах; французский язык – во Франции, Бельгии, Швейцарии; испанский – в самой Испании и в странах Латинской Америки. Между вариантами полицентричных языков в основном выдерживают асимметричные отношения, так доминантой немецкого языка является немецкий язык Германии. В случае английского языка исторической доминантой следует считать британский вариант, хотя на современном уровне можно уже говорить о балансе британского и американского стандартов.

Частным фрагментом иллюстрации этих положений для данной статьи является сфера социальной дифференциации лексики, а именно сленг.

В подходе, разрабатываемым профессором М.М. Маковским, сленговые единицы получают онтологический статус. Прослеживание широких связей современных единиц в индоевропейской семье языков, выявление диалектики непрерывности и прерывности, индивидуального и социального в развитии языка. Этимологический анализ делает при этом слово носителем культурной когнитивной информации.

Разные слова языкового стандарта как базы развития эмоциональных единиц социолекта в разных вариантах английского языка проследим из английского и американского варианта.

Английские сленговые слова

- Betty – «насмешка», «молвый, лучший».
- Bird – «часовые», «всесудный человек», «насмехаться», «отличный, замечательный», «человек, парень», «выпрямленный жест».
- Blunt – «деньги, богатство».
- Box – «влести в курс дела», «занимать деньги».
- Cart – «побороть, превзойти кого-л.».
- Com, comy – «банальный, сентиментальный, старомодный».
- Conce – «шутка», «продать», «укрывать краденое».
- Nut – «фанатично увлечься чем-л.», «хотеть чего-л.», «сумасшедший».
- Fish, fishy – «квечливый, неискренний, обманливый».
- Flash – «язык, наречие, жаргон».
- Gibe – «издеваться».
- Ring(er) – «двойник».
- Brown – «внимательный к чему-л., знакомый с каким-л. ремеслом».
- Sparrow fart – «незначительный человек», «мелкая сошка».
- Limpy – «омоченнуска».
- Bend – «драться, участвовать в драке», «пить, хлестать вино», «зоровать».
- Dish – «обмануть».
- Green Man (to visit, to see the Green Man) – «туалет».

Американские сленговые слова

- Barber – «говорить, беседовать», «бизанс хитростя».
Beef – «жалоба в полицию», «ссора, драка, ошибка».
Bottle – «разговаривать».
Bug – «сумасшедший».
Calk, snulk – «отдыхать, спать, прекратить».
Duck – «провал, нулевой результат в игре».
Dutch – «подвергнуться опасности».
Egg – «мелочка, провал», но также и «улыбка, выигрыш».
Feather – «здоровье».
Find – «исключить ученика за плохую успеваемость, плохое поведение».
Funk – «подавленное настроение, страх».
Goat – «принимать в общество, организацию».
Great Divide – «ложбина между грудями», «развод».
Grid – «футбольное поле, футбол».
Hip, hep – «несчастливый конец, выход».
Hive, hivy – «умный, хитрый».
Hoose – «внимание, интерес к чему-л.».
Old man – «вежливый, физически привлекательный».
Rap – «имеет результатом, полететь во что-л.».
Rest room – «туалет».
Rich – «непристойный».
See – «поощрение, признание заслуг, продвижение по службе», а также «давать взятку».
Shoe – «знающий, понимающий, умный, умудренный».
Soft pete, lard – «зад» (часть тела).
Spider – «железный котелок».
Stinking – «достойный, богатый».

Австралийские сленговые слова

- Adam's – «вода».
Bassy – «табак».
Banana – «житель Квинсленда».
Barbie – «барбекю».
Sackleberrу – «айсхо».
Sactus – «что-то вышло из строя, не функционирует».
Cark – «умереть».
G'day, Gidday – универсальное приветствие.
Lamington – лакомство, названное в честь лорда Ламингтона, губернатора Квинсленда в конце XIX в.
Larrikin – «хулиган».
Lead foot – «лгдхач».
Mate, сходно с Colber – приветствие. US = buddy.
Nip – «оповещ» (уничжительно, не политкорректно).
Nipper – «младший брат, младшая сестра».
No worries – типичное отношение к проблемам, «все будет ОК».
Nong – «дурак».
Rake – «расческа».
Razoo – монета, употребительно в выражении "I haven't got a brass razoo!"
Relief teacher – «замещающий учитель».
Strine – австралийский вариант английского языка, Aussie Lingo.
Ta – выражение благодарности = thank you.
Tall poppy – «удачливый человек, величник, которому можно позавидовать».
Tassie – «Тасмания»;
Tsa – «основная еда дня, как правило вечером» UK = dinner.

Современные сленговые содержания слов существовали в языке и до появления сленга, и соответствующие слова существуют в современных германских языках или диалектах, а имея социальную окраску. Так, можно сравнить англ. сленг *quod* «оторыма» и швейц.-нем. *Dick Gadem* «лом»; нидл. сленг *to hock* «обманывать, закладывать в ломбарде» и шведск.-нем. диал. *hocken* «отдать», рейнско-нем. Диал. *hocken* «вести торговлю, обман», причем в стандартном немецком языке Германии слово *hocken* закреплено как «сидеть».

Всех интересующихся многочисленными интереснейшими примерами английского сленга и их комплексного анализа отправляем к приведенной ниже книге М.М. Мязовской. Для цели же этой статьи – учет вариативности в полицентричных языках для формирования межкультурной компетенции – нам было важно увидеть, что экспрессивность сленга построена на разных базовых нейтральных единицах, что существуют отдельно американские и английские сленговые обозначения, не переходящие границы разных языковых центров.

Литература

1. Мязовский, М. М. Современный английский сленг. Онтология. Структура. Этимология / М. М. Мязовский. – Москва : изд. ЛКИ, 2007.
2. ABC of Dirty English. Англо-русский словарь-справочник табутированной лексики и эфемизмов. – М. : Комт, 1993.
3. Aussie Slang Dictionary [Электронный ресурс]. – Электронные данные. – Режим доступа: <http://www.aussieslang.com/slang/australian-slang-ааар>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИКОГРАФИИ (на материале французской лексикографии)

Е.П. Иванова

Санкт-Петербургский государственный университет

Для каждого исторического периода характерен свой тип словаря, отражающий определенный этап в развитии лингвистической парадигмы в целом. Лексикография является плоть от плоти общих тенденций в развитии лингвистической мысли в целом, поэтому смега научной парадигмы в теории лингвистики с неизбежностью отражается на практике словарного дела. Так, если XIX в. проходил под руслем сравнительно-исторического языкознания, то приведенные ему на смену идеи структурализма пересориентировали словарь на синхронное описание лексического языка, своего рода ежегодное и регулярное подведение итогов состояния французского языка, его фотографирование, или, как сказал Пьер Ларус в 1856 г. в предисловии к своему словарю *Le Nouveau Dictionnaire de la langue française*, его дагерротипии.

В то же время филологические дисциплины по своей сути встроены в соответствующую языковую, а точнее, культурную среду, приносящую им свой неповторимый колорит. В этом плане лексикография, под которой мы понимаем не только издание словарей соответствующего языка, но прежде всего лингвистическую дисциплину, позволяет говорить о национальной специфике, отличающей, к примеру, французскую лексикографию от русской. Уточним данное положение. Конечно, наука как бы в «чистом» виде, когда речь идет о познании «истинно» и точных фактов, вправе пренебрегать локальным своеобразием научных школ и направлений, их индивидуальной и национальной окраской. Вряд ли целесообразно рассматривать какие-либо науки или даже отдельные научные направления и «школы» с позиций их национальной или языковой принадлежности. Вопрос о гражданстве ученого, его «месте работы» и «рабочем языке», разумеется, сохраняет свой биографический интерес, но отступает на задний план при общей оценке состояния наук и процесса познания. Научные достижения неизбежно предстают как общечеловеческое достояние, в качестве *интернационального знания*. Понимаемая таким образом Наука *атомизма* и в конечном счете интернациональна. В данном отношении нет существенных различий между точными науками и гуманитарными. Истина требует не только и не столько того, чтобы ее «открыли», сколько целенаправленной деятельности на то, чтобы очередное открытие утвердилось как неоспоримое знание, чтобы были осознаны его последствия для дальнейшего проникновения в «природу вещей». И в этом смысле мы го-

ворим о научной деятельности, о действующих лицах и их роли в истории идей, в уточнении и постоянной перестройке парадигмы понятий и терминов науки. Личностное начало в процессе познания оказывается при таком подходе к истории Науки весомым фактором, а в «науках о человеке» оно воспринимается чуть ли не в качестве ведущего принципа. На формирование круга идей сказываются национальные приоритеты, организационные структуры, во многом зависящие от сложившихся научных институтов, традиций и междисциплинарных связей. И если позитивные результаты научной деятельности обобщаются, утрачивают свою национальную специфику, то последние не может быть все-таки совершенно устранена из истории человеческой мысли. Она остается своеобразным фактом ее «биографии», тем уникальным стечением событий и ситуаций, человеческих судеб и межличностных отношений, сложное переплетение которых способствует утверждению истинного знания, конкретной идеи, определенного понимания предмета науки. В этом плане эволюция французской лексикографии от первых толковых словарей французского языка, увидевших свет в XVII в. (словари Ришеле, Фюретьера и Авадесмы) до последних мультимедийных словарей, появившихся на рубеже XX–XXI вв., не может рассматриваться в отрыве от общих культурных трансформаций общества, демократических и массовых, которые спосредованно влияют и на лингвистические дисциплины. Именно поэтому целесообразно говорить о национальной специфике той или иной филологии. Высказанные соображения имеют тем большее отношение к лексикографии, что развитие этой области из всех других лингвистических дисциплин в наибольшей степени оказывается обусловленным организационной структурой, а именно институциональными рамками национальных академий (например, Французской Академии), а сама история создания первых одноязычных словарей представляет собой историю взаимоотношений, трений, соперничества их авторов. Рецензируя вышесказанное, отметим, что, с нашей точки зрения, словосочетание «французская лексикография» (равно как и «французская лингвистическая традиция») в большей мере ориентировано на культурно-исторические (в том числе организационные) особенности науки, чем на ее содержание. Поэтому любое конкретное исследование в области лексикографии просто обычно считается с конкретной культурной традицией, в недрах которой бытуют и кристаллизуются соответствующие представления о языке, складываются определенные научные парадигмы, формируются специфические жанровые приоритеты в лексикографии.

Национальное своеобразие – это историческая данность, сколь бы унифицирующими ни были общие тенденции научного или исторического «прогресса». Вместе с тем, человечество явно движется по направлению к расширению политической, экономической и культурной интеграции, обозначаемой сегодня модным словом глобализация. Лексикография под натиском этих стремительных перемен превращается в активно развивающийся сектор книгоиздательского рынка, что позволяет говорить о формировании качественно новой оппозиции лексикографии и диалектологии. В итоге конъюнктурная идеология словаря в целом оказалась экономически обусловленной прагматической установкой на адресата, подтверждением последнему служит настоящий словарный бум, который переживает общество на рубеже веков, при этом речь идет не только о бурном количественном росте вновь издаваемых словарей, но также и об их качественной диверсификации и очевидном расширении типологических рамок лексикографического жанра.

Современный этап развития теории лексикографии обусловлен спецификой словаря как вырванного продукта, предназначенного для практического использования, в котором в концентрированной и обобщенной форме отражаются различные лингвистические теории, связанные с задачами лексического и грамматического состава языка. В этом плане словарь с первых моментов своего появления из всех других возможных применений умозрительной теории на практике является максимально приближенным к своему адресату, который в конечном итоге проводит его «тестирование» и в соответствии с результатами проверки выставляет словарю объективную оценку и определяет его жизнеспособность, обеспечивая тиражи и вытекающие из этого финансовые прибыли для издателей. Словарь не просто теоретический труд, но в первую очередь призван для потребителя, он должен продаваться и приносить доход. Проблема «человек и словарь», как и в личности и личность в словаре» [1, с. 27], обусловленная тем, что «словарь не просто складывает лексику, но обязательно отражает философию эпохи, совокупность этических представлений народа» [2, с. 49], приобретает в современной лексикографии особое звучание, поскольку слова, превратившись в товарную единицу потребительского рынка, становятся совместимым с

экономическими понятиями, связанными с получением прибыли, особенностями маркетинга, политики, в том числе и системой охраны авторских прав его создателей. В начале 80-х гг. прошлого столетия все более отчетливо стало проявлять себя различие между собственно лексикографией и «диక్షонарикой». Лексикография как научная дисциплина предполагает исследование реальных аспектов слова как объекта научного изучения, при этом ее цель заключается в выработке наилучших способов представления семантики лексической единицы в словаре, в то время как «диక్షонарика» представляет собой направление издательского дела, рассматривающего словарь прежде всего в качестве продукта, предназначенного для определенной категории потребителя. Идее словарей как результат, отражающей достижения теории лексикографии, из сферы чисто лингвистических интересов переместившись в практическую издательскую область с очевидно выраженным экономическим вектором направленности (выбор шрифтов, предложение опций при использовании словарей, типографический аспект оформления словарных статей и т.п.). Многогранность сфера обуславливает и разнообразие проявлений категории интерсубъективного и субъективного в словарном тексте. С точки зрения соотношения интерсубъективного и субъективного, понимаемого как общего, разделяемого всеми индивидуумами социум, и частного, индивидуального, отражающего субъект автора, можно констатировать доминирование в словаре его информативной функции, при этом происходит хронологически последовательное движение словаря по пути к его трансформации в *сетевой продукт потребления*, что отражается в целом ряде признаков: унификация системы дефиниций, сильная концентрация издательских услуг на мировом уровне, в частности, контроль крупнейших французских издательств, специализирующихся на выпуске словарей, в рамках двух издательских групп (L'armande и SEJER); объединение лексических баз данных; маркетинговые исследования рынка и его потребностей, преимущественно подготовки и выпуску новых словарей; рекламные кампании, сопровождающие предложение словаря на рынке; диверсификация словарей, обусловленная учетом разнообразных потребностей потребителя и т.д. Кроме этого, названия крупнейших издательств начинают функционировать как торговая марка, своего рода *лексикографический бренд*. Например, очевидно, что словари издательств Larus и Robert в сегодняшней день обладают по Франции особым статусом, обусловленным и историческими традициями данных издательских домов, и многотысячными ежегодными тиражами, и при упоминании о словаре французского языка в сознании говорящих автоматически воспринимается один из фирменных знаков французской лексикографии. Словарь все в большей степени превращается из авторского в институциональный или издательский проект, в котором вопросы индивидуального авторства перемещаются в область коллективных форм авторства, что приводит в конечном итоге к обезличиванию авторского участия как субъекта.

Литература

1. Караулов, Ю. Н. Русской язык и языковая личность / отв. ред. Д. П. Шмелев. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
2. Козырев, В. А. Русская лексикография / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

Н.Л. Игнатова

Ульяновский государственный университет

Понятие «значение» является одним из наиболее важных понятий, входящих в парадигму лингвистики, психологии, а также наук, возникших на их стыке – психолингвистики и лексосемантики.

Системный анализ человеческого сознания, изучение мышления и речи требует, по мысли Л.С. Выготского, изучения этой единицы сознания, являющейся узлом, связующим общение и обобщение [1, 1956].

Современная трактовка значения базируется на представлении о нем как о сложной многокомпонентной структуре, состоящей из более дробных, чем значение, единиц. Истоки такого понимания уходят в лексикографию и представлены в работах Л.В. Щербы, Ш. Балли, Э. Сепира, В.В. Виноградова. Современная трактовка опирается также на работы по лингвистике

тической семантике, что выражено в работах Л. Ельмслова, А. Мартине, Ульманн, Греймаса, В.Г. Гага, Ю.Д. Апресяна, И.А. Мельчука.

Предполагается, что все множество значений можно описать с помощью ограниченного набора сем (семантических множителей). Вместе с тем, иерархическая организация значения подразумевает неоднородность его семантических составляющих.

Как известно, после работ Ф. де Соссюра в лингвистике утвердилось выделение двух аспектов высказывания: плана выражения и плана содержания, который является аналогом значения слова, предложения, текста. Единицами плана содержания выступают семантические множители (семы). Хотя единицы плана выражения соответствуют определенным единицам плана содержания, они не полностью изоморфны друг другу. Необходимо отметить, что семантически высшая единица плана содержания, типологическая единица анализа, и обычное слово содержит, как правило, несколько сем. Но так как описание некоторого содержания возможно только с помощью слов, для обозначения семы обычно используется слово национального языка, в котором эта семя наиболее выражена.

В.Г. Гага выделяет инвариант различных значений слова – архисему (общую сему родового значения) и дополнительные дифференциальные смысловые признаки, конкретизирующие содержание слова до его определенного значения.

Параду с существенными признаками объекта значение слова потенциально содержит и несущественные латентные признаки. Ю.Д. Апресян дает примеры подобных признаков: например, для слова «молния» таким признаком будет быстрота. Ассоциативные признаки часто служат основой метафорических переносов. Так, например, образно сочетание «телеграмма-молния».

Таким образом, значение слова, предложения обладает иерархической организацией и включает архисемы, дифференциальные семы и потенциальные семы, отражающие побочные, латентные признаки обозначаемого объекта.

Семантические компоненты, потенциально закрепленные за значением слова, являются виртуальными образованиями, актуализируемыми в зависимости от контекста. Актуализация семантических признаков подчиняется закону семантического согласования, состоящему в том, что выбирается такое осмысление данного предложения, при котором повторяемость семантических элементов достигает максимума.

Как показывают исследования [3], семантические компоненты, выделенные в ассоциативном эксперименте с единичными словами, актуализируются в рамках закона семантического согласования при организации из них целостного предложения. Другим принципом, по которому происходит структурирование плана содержания, выступает принцип захвата глубинных семантических ролей. Понятие «глубинная роль» отражает глубинные синтаксические отношения формирующейся конструкции плана содержания. На невыполнимость содержания предложения полностью из его посылочности, грамматической формы указывал еще Л.С. Выготский.

Разработка теории глубинных ролей может иметь, по мнению В.Ф. Петренко, большое значение для проведения контент-анализа диалогов, особенно там, где задачи исследования требуют выхода за рамки текста, порожденного субъектом, и содержание его подтекста.

Тенденция понимать значение как виртуальное образование определила общую направленность исследований семантики в переходе от исследования отдельных лексических единиц к анализу целостных высказываний.

Один из основных принципов семантики – принцип Хольта – гласит, что член семантических компонентов, входящих в план содержания некоторого знака, определяется набором противопоставлений, в которых участвует этот знак. Значения раскрываются прежде всего через отношения, в их сложную компонентную структуру составляют свернутые отношения. Эта идея содержится уже в работах А.А. Потебни и его понимании существительного как грамматического названия вещи, а прилагательного и глагола – как свойств и отношений этих вещей. При этом в отношениях, как в связках значений выступает сам мир, а вслед за этим отражающий его язык.

Если привести классификацию лингвистических методов, то можно условно обозначить три основных подхода к выделению семантических связей: через статистику (путем установления семантических связей на основе выделения дистрибутивно-статистических связей), через синтаксис (путем установления семантических связей на основе синтаксических закономерностей) и через обращение исследователя к языковой интуиции с последующим сопоставлением своих наблюдений с реально существующими текстами. Примером подобной лингвистической интроспекции может служить построение модели «Смысл – Текст» И.А. Мельчука. В рамках

той модели исследователь, анализирующий значения, опираясь на свое чувство языка, дает развернутое определение значения и полученное высказывание переводит на базисный язык смыслов, выступая при этом одновременно и языком-посредником и автоматизированным переводом с одного национального языка на другой и формой семантического анализа текста.

Язык глубинных семантических структур выступает как некоторая редукция, упрощение естественного языка, в отличие от которого он однозначно передает некоторое содержание. Лишенный синонимии и полсемии, имеющий ограниченный лексический словарь и чьи очерченные правила порождения сложных смыслов, глубинный язык дает формализованную запись содержания, выступая и как средство описания и как модель внутренней речи. Отображение содержания в виде семантического графа не зависит от грамматики каждого национального языка, поэтому язык глубинных семантических структур может выступать универсальным посредником в сравнительном анализе культур.

Примером выделения семантических связей значений слов на основе их статистической связи в рамках текста может служить метод тезауруса. Тезаурус представляет собой сеть ключевых понятий, объединенных связками, фиксирующими семантические связи. Метод тезауруса позволяет свести содержание текста к одному дереву, а его графическое представление дает удобную форму рассмотрения смысловой структуры текста. Недостатком метода тезауруса является необходимость больших статистических массивов (текстов), на базе которых осуществляется его построение.

Значение, которое стоит за словом, раскрывается по множеству текстов данной культуры, что и закрепляется в толковых словарях. Но значение является формой фиксации общественного человеческого опыта и выступает, по словам В.Ф. Петренко, как возможность актуализации этого опыта в индивидуальном сознании. На уровне субъекта значения нераздельно связаны с такими образующими человеческого сознания, как личностный смысл, чувственная ткань, эмоциональная окрашенность. При этом значение неизбежно вступает в живые связи и отношения и не обязательно совпадает со значением в форме понятия.

Многие лингвисты склоняются к мнению, что значения не существуют только в форме понятия. Значение также может иметь концептуальный, чувственно-наглядный и экспрессивный компоненты [4]. Однако на данном этапе лингвистических исследований вся сложная проблема сводится к перечислению его возможных компонентов, что в итоге просто размывает его границы. Решение этой проблемы, по мнению В.Ф. Петренко, лежит в диспальном подходе к проблеме значения, в трактовке значения как процесса, где сами значения как внутренние образования строятся в контексте той деятельности, в которой они актуализованы. «Психологическая структура значения, — пишет А.А. Леонтьев, — есть в первую очередь система дифференциальных признаков значения, соотносимая с различными видами взаимоотношений слов в процессе реальной речевой деятельности, система семантических компонентов, рассматриваемая не как абстрактно-лингвистическое понятие, а в динамике коммуникации, во всей полноте лингвистической, психологической и социальной обусловленности слова» [2].

Именно психолингвистические методы позволяют исследовать значение непосредственно в речемыслительной деятельности субъекта.

Литература

1. Выготский, Л. С. Избранные психологические исследования / Л. С. Выготский. — М., 1956.
2. Леонтьев, А. А. Психологическая структура значения / А. А. Леонтьев // Семантическая структура слова. — М., 1971.
3. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. — М., 2005.
4. Резников, Л. О. Гносеологические вопросы семантики / Л. О. Резников. — Л., 1964.

НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ СИСТЕМЫ

П.А. Каменева

Кемеровский государственный университет, г. Новокузнецк

С.В. Колосовец*

МОУ Средняя школа № 61, г. Новокузнецк

Есть мнение, что термин картина мира принадлежит К. Ясперсу и сейчас используется в следующем значении: «Картина мира – система мировоззренческих знаний о мире; совокупность предметного содержания, которым обладает человек» [8, с. 30–32].

М. Планк определяет картину мира как – непосредственное, чувственное, не для всех народов одинаковое восприятие действительности. Формирование картины мира, по его мнению, проходит два этапа: первый этап – чувственное, субъективное, многообразное восприятие мира; второй этап – замена «вострого субъективного многообразия». Он пишет: «Чувственные ощущения, которые вытекают из предметов у разных людей, могут не совпадать, картина мира, мира вещей, для всех людей одинакова» [4, с. 44].

М. Хайдеггер излагает следующее понимание отношения человека и картины мира:

- человек изображает мир как картину;
- человек понимает мир как картину;
- мир превращается в картину;
- человек покоряет мир как картину.

Хайдеггер делает очень важный вывод: человек изображает, составляет для себя картину мира, в с этого момента начинается его деятельность как субъекта исторического процесса [6].

Подход М. Хайдеггера не противоречит точке зрения М. Планка, а дополняет ее, объясняя картину мира не сугубо естественнонаучным образованием, эволюционирующим вместе с развитием науки, а категорией сильно зависящей от человека, познающего и изменяющего мир.

Картина мира выполняет две базисные функции – интерпретивную (осуществляет видение мира) и регулятивную (служит ориентиром в мире). Без картины мира не могла бы осуществляться жизнедеятельность человека как биосоциального существа, невозможным бы оказалось общение и взаимодействие. Картина мира – стержень интеграции людей, средство гармонизации разных сфер человеческой жизнедеятельности, их связи между собой. Картина мира опосредует все акты человеческого мировосприятия и миропредставления. Она лежит в основе всех актов миропонимания, позволяя осмысливать локальные ситуации в мире, совершающиеся в нем события, помогая осуществлять построение субъективных образов объективных локальных ситуаций.

В данной работе под картиной мира понимается совокупность представлений и образов внешнего мира человеком, определяющих его сознание и мировоззрение.

Если картина мира – это система интуитивных представлений о мире, то можно выделить типы картин мира по источнику получения и аккумуляции знаний человека о мире.

Язык участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира, один из наиболее глубоких слоев картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, принося в него черты человека, его культуры.

Язык фиксирует в первую очередь наивную картину мира и отражает, прежде всего, то, что дано человеку в его чувственном опыте. Складывающаяся вскаки наивная картина мира, в первую очередь наивная геометрия, наивная физика, наивная психология, наивная антропология и т.д., отражает материальный и духовный опыт народа – носителя данного языка [1, с. 57].

В лингвистической литературе существуют различные определения понятия языковая картина мира:

Языковая картина мира – культура, закодированная в единицах языка, которая включает весь объем знаний, зафиксированный в языке народа на нем говорящего [3, с. 136–137].

Языковая картина мира – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенной способ концентуализации знаний [5, с. 173–203].

Языковая картина мира - это совокупность закономерностей, содержащихся в категориальных грамматических средствах (морфологических, словобразовательных, синтаксических и лексических), отражающих характерные для данного языка способы видения элементов, в которых состоит мир, а также существующей в нем иерархии ценностей, признаваемых носителями языка [7, с. 30-37].

Из этих определений следует:

- источником информации в языковой картине мира являются разные уровни языка;
- языковая картина мира зависит от конкретного языка как элемента культуры, поэтому картины мира в различных языках не могут быть абсолютно одинаковы, но смотря на сходство часто близких культур;
- в понятие языковой картины мира входят не только суждения об отдельных элементах, составляющих его, которым соответствуют отдельные лексемы, но и более общие суждения относительно организации этих элементов, которые можно сделать, анализируя не отдельные слова, а целые лексемы - семантические слова.

Понятие языковой картины мира позволяет глубже решать вопрос о соотношении языка и действительности в процессах языкового отображения объективной реальности как сложного процесса интерпретации человеком мира. Любой национальный язык несет несколько отдельных функций: функцию общения (коммуникативную), функцию сообщения (информативную), функцию воздействия (эмотивную) и функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире. Такое универсальное, глобальное знание - результат работы коллективного сознания, зафиксированного в языке, прежде всего в его лексическом и фразеологическом составе.

Языковая картина мира всегда субъективна, она фиксирует восприятие, осмысление и понимание мира конкретным этносом не на современном этапе его развития, а на этапе формирования языка, то есть на этапе первичного, интуитивного, донаучного познания мира. Из поколения в поколение дети, принадлежащие разным языковым сообществам, сначала познают мир специфически языковым сознанием своего этноса (то есть интуитивно, ненаучно, с точки зрения своего языка), а лишь затем в процессе жизни в той или иной мере познают фрагменты научного знания о мире.

Язык, его лексика постоянно изменяются, но это изменение несколько иного рода: это естественная реакция на изменяющийся мир, на появление огромного числа новых реалий. Изменение языковой картины мира влечет не столько новые знания о мире, сколько изменяющиеся условия повседневной жизни, появление новых реалий, требующих своей вербализации и тем самым включения в языковую картину мира.

Несмотря на изменения происходящих в языковой картине мира из-за появления и исчезновения новых и старых реалий в обществе, в целом она остается стабильной, и в этом ее суть и предназначение - сохранять из поколения в поколение, воспроизводить упрощенное, обобщенное структурирование окружающего мира, обеспечивать преемственность языкового мышления носителей данного языка традиционными сложившимися категориями.

Литература

1. Даниленко, Л. В. Когнитивные аспекты языковой картины мира в сравнении с научной / Л. В. Даниленко // Сб. науч. тр. : Когнитивные аспекты языкового значения : Иркутск, 1997.
2. Корнилов, О. А. Языковая картина мира как производная национального менталитета / О. А. Корнилов. - М., 2003.
3. Крюкова, Г. А. К вопросу формирования картины мира у иностранных студентов, изучающих русский язык / Г. А. Крюкова // ВМГУ - Серия 19. - 2005. - № 1.
4. Павик, М. Смысл и границы точной науки / М. Павик // Вопросы философии. - 1958. - № 5.
5. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия. - М., 1988.
6. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер. - М., 1985.
7. Шашкина, О. Н. Образ неба в польской языковой картине мира / О. Н. Шашкина // ВМГУ. - Серия 19. - 2003. - № 2.
8. Ясперс, К. Смысл и значение истории / К. Ясперс. - М., 1994.

МЕТОНИМИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ (на материале современного английского языка)¹

М.Н. Копцова, Н.В. Рунова

Российский государственный университет им. И.Канта, г. Калининград

Метонимия как когнитивный механизм является существенной частью процесса категоризации времени. При этом время традиционно представляется в человеческом сознании и языке через пространственные концепты, что указывает на восприятие человеком бытия в едином пространственно-временном континууме. Это во многом объясняется опытной мотивацией, в основе которой лежит когнитивный принцип превосходства конкретного над абстрактным, что позволяет представить время более "осязаемым", наполнить его конкретным содержанием.

Основными типами метонимического преемствования в процессе концептуализации времени являются: 1) СОБЫТИЕ – ВРЕМЯ (EVENT FOR TIME): в предложении *Let's talk about a new project after lunch* слово *lunch* метонимически означает точку во времени [5, с. 154–155]; 2) ВРЕМЯ – СОБЫТИЕ (TIME FOR EVENT) или ВРЕМЯ – ПРОСТРАНСТВО (TIME FOR PLACE) в выражении *to focus on the future* (ср. рус. *поговорим о будущем* – «о том, что будет происходить – в определенном месте – в будущем» [2, с. 239]); 3) ВРЕМЯ – ДЕЙСТВИЕ (TIME FOR ACTION) в выражении *to matter in Paris* [4, с. 37].

Согласно теории З. Ковечепа и Г. Раддега, концептуальная метонимия основана на взаимоотношениях источника и цели в пределах одной идеализированной когнитивной модели (ИКМ) и представляет собой когнитивное отображение фрагмента действительности в виде соотношений между целым и его частями [4, с. 21]. Исходя из неразрывности пространственно-временного континуума, упомянутые метонимические соотношения представляют собой две равноправные части (то есть источник и целевой концепты) внутри базовых моделей «Действие» (метонимия ВРЕМЯ – СОБЫТИЕ и ВРЕМЯ – ДЕЙСТВИЕ) и «Местоположение» (метонимия ВРЕМЯ – ПРОСТРАНСТВО).

Необходимо также отметить, что одной из характеристик времени является его дискретность, то есть способность делиться на части и быть представленным ими. С этой точки зрения метонимия представляет временные отрезки, воплощенные в событиях, то есть имеет дело с временем конкретным, событийным (ср. с временем абстрактным) [3, с. 5].

Современная модель времени, характеризующаяся техноцентричностью, то есть ориентацией, в частности, на компьютерные технологии, представлена следующими типами метонимических переносов в рамках модели ВРЕМЯ – СОБЫТИЕ: *'Time-for-Computer Phenomenon'*, *'Time-for-Knowledge about time'*, *'Time-for-Human attention'*, *'Computer operation symbolizing time units-for-Time'*.

Метонимический перенос *'Time-for-Event metonymy'* в его более специфической форме *'Time-for-Computer Phenomenon'* играет центральную роль при концептуализации времени в техноцентричной модели. В результате этого типа метонимии возникли получившие широкое распространение синонимы: аббревиатура-неологизм *Y2K/Y2k*, существительное *Millenium*, словосочетание *Year 2000*. Первоначально обозначавшие дату, эти языковые единицы стали основывать техническое явление – переход компьютерных систем в новое тысячелетие. Под влиянием экстралингвистических факторов эти слова приобрели негативную коннотацию (с изменением цифрового обозначения тысячелетий могли возникнуть серьезные аварии компьютерных систем по всему миру).

Примером метонимического переноса *'Time-for-Computer Phenomenon'* является следующее высказывание: "...one computer engineer relates to nanoseconds: 'I feel very comfortable talking in nanoseconds. I sit at one of these analyzers and nanoseconds are wide. I mean you can see them go by'". В приведенном примере референт темпоральной лексики *nanosecond* («наносекунда») в результате метонимического переноса меняется: на место значения единицы времени ("0 000 000 001 second") приходит смежное по смыслу в рамках субдомена "Измерение времени" значение «компьютерный сигнал на экране, обозначающий истечение наносекунды». Именно

¹ Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Контрастивный анализ диалекта русского, английского и немецкого языков», проект № 07-04-00130.

это новое значение лежит в основе фразы "I sit at one of these analyzers and *nanoseconds* are wild. [mean you can see them go by...". Движущимся предметом не только само время, но и представляющие его на мониторе компьютера сигналы.

Вторым выделенным типом метонимического переноса является метонимия 'Time-for-Knowledge about time': ср. "...the forecast is an attempt to *bring knowledge of the future* into the present, thereby *process the future as information*". В приводимом примере в результате метонимического переноса вся концептуальная область времени осмысливается на основе только одного из ее субдоменов: области предполагаемого знания о времени – информации.

В техноцентричной темпоральной модели под влиянием возрастающего влияния средств массовой информации возникает метонимический перенос 'Time-for-Human attention': ср. "We live in an age when online marketers *measure human attention in quantities called 'eyeball hours'*. Any moment spent thinking instead of spending, or laughing instead of working is an opportunity missed". В приводимом примере внимание зрителей метонимически обозначается локсемой *eyeball* («глазное яблоко», "the whole eye, including the part that cannot usually be seen"). Сочетание с темпоральной единицей *hour* обозначает время, проведенное пользователем компьютера перед монитором.

В роли временных ориентиров (*reference-points*) в техноцентричной модели времени чаще всего выступают регулярно повторяющиеся события – действия, происходящие в процессе работы компьютера. Метонимический перенос 'Event-for-Time metonymy' обуславливает появление таких временных ориентиров, как: *response time* («время, необходимое на получение реакции на команду»); *up time* («время функционирования компьютера»); *on time* («время работы компьютера»); ср. "Listen to the ways in which managers talk about what is important to the success of their companies: *response time, lead time, up time, on time*". Отметим, что большинство зафиксированных в словарях компьютерных терминов темпоральной семантики представляют собой именно этот тип метонимического переноса, ср.: 1) время действия программы и доступа к ней (*elapse time, runtime, accesstime*); 2) время работы компьютера (*up time, power-on time, operating time*); 3) время, необходимое для достижения сигнала адресатом, получения реакции на команду или возникновения связи (*propagation time, response time, connect time*); 4) время, когда компьютер не функционирует (*down time*); 5) задержка исполнения операции во времени (*round-trip time*) [1, с. 209].

Специфической разновидностью метонимического переноса 'Time-for-Knowledge about time' является метонимия 'Computer operation symbolizing time units-for-Time': ср. "Cybertime...is based on a series of separate and distinct electronic pulses; ...these *electronic pulses* do not simply mark time – they are what passes for *time in cyberspace*". В приводимом высказывании *electronic pulses*, электронные импульсы, символизирующие ход времени, метонимически принимаются за само время, и в рамках концептуальной метафоры TIME MOVES представляются как находящиеся в движении (they are what passes...).

В целом метонимия ВРЕМЯ – СОБЫТИЕ представлена двумя основными типами.

1. «Чистая» метонимия, когда отрезок времени обозначает событие: Americans will indeed accept heavy casualties to prevent another *September 11th*; how did *July 4th* become what it is; Yet look at *March 1933*, not at Utopia; to commemorate *September 11th*; Democrats criticised him for bringing in *September 11th*; lesson has to do with America's political *future*; the *1930s* should be known not as the Great Depression, but the Great Vacation; a second parallel with the *past*; a third ominous similarity with *30-odd years ago*; there are also some important differences between *now* and the late *1960s* and early *1970s*.

2. «Характеризующая» метонимия: а) оценка события – характеристика времени: *положительная: *good times* may be more conducive to economic restructuring than bad; there is a *great future* in plastics; the first *12 months* were *fine*...what about the next *12 years*?"; it has been rather a *good week* for Charles Komedy; *отрицательная: during its *worst days*; Alcatel had predicted a *bad year*; making it the fifth *deadliest month* since the war began; November was the *bloodiest month* since the war began; б) «могилы, вызываемые событием – время»: it will cause *anxious times* for producers; February 10th 1996 was a *fearful day* for the now worldwide game; в) «идентичность – время»: chance to come clean about its *nuclear past*; AT&T misjudged the *commercial future*; to attack Mrs Arvizo for her *dubious past*; the *depression years* of 1875-95; the government organises national *whale-eating days*; г) «влияние, оказываемое действием – время»: a *harmless pas-*

time; January should be a quiet time for mid-western farmers; д) «окружающая среда — восьми: smoggy, hazy days have become the norm; in that one clear [the pollution plummeted] week.

Таким образом, метонимический перенос позволяет наделять период времени индивидуальными характеристиками, основанными на субъективном восприятии событий и времени как нераздельного единства.

Литература

1. Копцова, М. И. Концептуальная метафора ВРЕМЯ — ЭТО ВИРТУАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ как основа телесцентричной модели времени / М. И. Копцова // Известия КГТУ. — 2005. — № 7. — С. 206–210.
2. Падучева, Е. В. Пространство в облике времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) / Е. В. Падучева // Лосицкой язык и культура. Языки пространства / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 239–254.
3. Asmit, T. "Zeit": Motivierungen und Strukturen der Bedeutungen von Zeitbezeichnungen in slavischen und anderen Sprachen / T. Asmit. — Verlag Otto Sagner — München, 1996.
4. Kövecses, Z. Towards a Theory of Metonymy / Z. Kövecses, G. Radden // Metonymy in Language and Thought / Ed. by K.-U. Panther and G. Radden. — Amsterdam and Philadelphia: Benjamins, 1999.
5. Lakoff, G. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to Western thought / G. Lakoff, M. Johnson. — New York: Basic Books, 1999.

КОНЦЕПТ КАК ОСНОВНОЙ ФОРМАТ ЗНАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Т.В. Корговецкова

Российский государственный университет им. Н. Копца, г. Калининград

В современной отечественной филологии множество исследований проводится в рамках лингвистического концептуализма [7, с. 38], эвристический потенциал которого трудно переоценить. Базисным понятием в этой парадигме выступает понятие «концепта», все чаще привлекающей внимание филологов, прежде всего, лингвокогнитивистов, психолингвистов и лингвокультурологов. Поэтому можно выделить три основных подхода к определению содержания термина «концепт»: психолингвистический, лингвокогнитивный и лингвокультурологический.

Обратимся к особенностям психолингвистического понимания понятия «концепт». Самая яркая его представительница А.А. Залевская рассматривает концепт как единицу концептосферы, т.е. в единстве всех когнитивных параметров ментальной обработки информации, считая целесообразным использовать этот термин в качестве единицы лингвистического уровня [3]. В.И. Карасик характеризует концепт как «исполнительно-функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базисное перцептивно-когнитивно-аффективное образное динамическое образование, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого отличающееся от понятий и знаний как продуктов научного описания с позиции лингвистической теории» [5, с. 115]. Таким образом, в данных определениях подчеркивается тесная связь концепта с жизнью человека, предопределяющей особенности его функционирования.

Ученые, занимающиеся исследованием содержания концепта с точки зрения лингвокультурологии (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В.И. Карасик, Ю.С. Степанов, Д.С. Лихачев, Л.О. Чернышко, С.Г. Воркачев и другие), понимают под ним ментальное образование, отмеченное в той или иной степени этносемантической (культурной) спецификой. Так, по мнению А. Вежбицкой, концепт — это объект мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенное культурно-обусловленное представление человека о мире «Действительность» [2, с. 23]. Н.Д. Арутюнова трактует концепт как понятие обыденной философии, являющегося результатом взаимодействия ряда факторов, таких, как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей. Концепты образуют своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [1, с. 3]. Ю.С. Степанов определяет понятие «концепт» следующим образом: «Концепт — это как бы ступень культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — ядровой, обычный человек, не створец культурных ценностей — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влия-

ет на нее» [11, с. 21]. По мнению Ю.С. Степанова, лингвокультурный концепт включает в себя такие компоненты, как 1) основной, актуальный признак, известный всем носителям того или иного языка, той или иной культуры; 2) доклинический, или несколько дополнительных, «классических» [термин Ю.С. Степанова – К.Т.] признаков, являющихся уже не актуальными, «историческими», а потому доступными для представителей определенного микросоциума; 3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, замечательную во внешней, словесной форме [11, с. 44–46]. Справедливо замечает И.Л. Серова, что в широком смысле все концепты являются культурными [10, с. 16]. В узком смысле речь идет об «этнических и социальных разновидностях культуры», в которых культурные концепты выступают как «описательные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры», «ценностно насыщенные паттерны мировосприятия» [5, с. 73–74]. Необходимо также отметить, что к числу важнейших характеристик лингвокультурного концепта относятся: ментальная природа концепта, комплексность его бытования, ценностность, трехкомпонентность (позитивный, отрицательный и ценностный компоненты), многомерность, условность и размытость, изменчивость, методологическая открытость и полноклассифицируемость [6, с. 13–15].

Таким образом, лингвокультурные концепты представляют собой базовые единицы картины мира, в которых фиксируются целостности, как индивидуального опыта личности (субъективная ментальность, индивидуально значимые признаки), так и лингвокультурного (коллективного) общества в целом (объективная, общезначимая ментальность, общезначимые признаки).

В когнитивной лингвистике большое внимание уделяется изучению сущности концепта (Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Р.И. Павленко, И.А. Стернин, Э.Д. Попова, Ч. Фидимор, В.М. Тонорова, Е.В. Рахилина, О.Н. Селиверстова, М.В. Никитин, Н.Н. Болдырев, А.П. Бабушкин и другие). Принципиально важными в дискуссиях о сущности концепта являются такие вопросы, как соотношение понятия и концепта, значения слова и концепта, обязательности и факультативности вербализации концепта, определение параметров реализации концептов, выбор исследовательских методов, необходимых для анализа той или иной когнитивной сферы бытия человека, способы определения «границы семантической зоны концепта».

В современных теориях когнитивной лингвистики понятие концепта рассматривается как единица психической памяти сознания человека, при этом акцентируется, прежде всего, ментальный характер концепта. Так, Е.С. Кубрякова определяет концепт как «оперативную содержательную единицу памяти сознания человека, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [8, с. 52]. В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина трактуют концепты как идеальные абстрактные единицы, смыслы, которыми оперирует человек в процессе мышления, и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей деятельности человека и процессов познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов знания». При этом ученые отмечают, что специфика концептов состоит в том, что они сводят все многообразие наблюдаемых явлений к чему-то одному, под определенные, выработанные обществом категории и классы [8, с. 90]. М.В. Никитин в статье «Развернутые тезисы о концептах» акцентирует внимание на дискретности, многофакторности концепта, его принадлежности ментальному миру, а также подчеркивает стохастическую структуру этого ментального образования. Он полагает, что содержание, структура и членение сознания на концептуальные единицы обусловлены структурой и содержанием совокупной деятельности общественного человека в действительном мире. Кроме того, в содержании концепта соединены два коррелирующих компонента – когнитивный и прагматический, где под первым понимается совокупность объективированного знания, а под вторым – система оценочных суждений. Поэтому, ученый делает вывод о наличии четырех аспектов концепта: чувственного образа, овлеченного понятия, имплицитного потенциала и оценочно-прагматической значимости [9, с. 53–60]. О.О. Ипполитов и О.М. Ипполитов, определяя концепт, акцентируют существование у него внутренней структуры, которая представлена совокупностью когнитивных признаков – минимальных структурных компонентов концепта, отражающих отдельную черту или признак концепта и имеющей лексическую объективацию [4, с. 81].

Кратко охарактеризовав лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта, следует подчеркнуть, что они не являются взаимоисключающими: концепт как ментальное образование в сознании индивида выступает выходом в концептосферу социума, то

есть на культуру, а концепт как единица культуры – это фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. Иными словами, отличие этих подходов состоит в том, что лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию.

Итак, изучив соответствующую литературу, посвященную проблеме определения понятия «концепт» в современной лингвистике мы пришли к следующим выводам: 1. концепт – это ментальный формат знания в сознании человека, представляющий собой продукт объективно-субъективного абстрагирования семантических признаков, принадлежащих определенному множеству значимых для данной культурной общности языковых единиц, структура и содержание которого обусловлены совокупной деятельностью общественного человека в действительном мире; 2. важнейшими характеристиками данной единицы знания выступают: информативность, изменчивость, многофакторность, стохастичность, функциональность, комплексность, дискретность, четырехаспектность (четырёхкомпонентность), многослойность, квантально-прагматическая ориентация и необязательность языковой объективации.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М., 1993.
2. Вежбицкая, А. Лексикография и концептуальный анализ / А. Вежбицкая. – Амх Арбор, 1985.
3. Залевская, А. А. Психолингвистический подход к пониманию концепта / А. А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001.
4. Ипполитов, О. О. О когнитивных «зеркалах» в пространстве концептосферы и аналогах некоторых математических задач в современной лингвистике / О. О. Ипполитов, О. М. Ипполитов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 1. С. 63–70.
5. Карасик, В. И. Этноспецифичные концепты / В. И. Карасик // Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово, 2005.
6. Карасик, В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград, 2005. – Т. 1.
7. Красавский, Н. А. Энциклопедия концептосферы немецкого языка: опыт этимологического анализа / Н. А. Красавский // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 1. – С. 38–43.
8. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова. – М., 1996.
9. Никитин, М. В. Развернутые тезисы о концептах / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. С. 53–64.
10. Серова, И. Г. Концептуальный анализ в лингвокультурологии / И. Г. Серова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 1. – С. 15–22.
11. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М., 1997.

ИСХОДНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ СУФФИКСАЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЖЕНСКОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О.С. Купряшева

Астраханский государственный университет

Русская лексика включает большое количество наименований лиц мужского пола по роду деятельности (*учитель, писатель*), по занимаемому положению (*главарь, партработник*), по семейной функции (*отец, дед*) и подобные, что обусловлено доминирующей ролью мужчин в обществе на протяжении длительного периода времени.

В современном мире женщины «завоевывают мировое пространство» и начинают играть ведущие роли в политике, экономике и других сферах жизни социума. В связи с этим возрастает потребность в новых номинациях женщин, выполняющих ранее не свойственные им обязанности. Лексика как система постоянно развивающаяся и наиболее живо реагирующая на подобные изменения конструируется словами, обозначающими лиц женского пола.

По традиции в русской дериватологии суффиксальные существительные со значением женскости представляют собой досубстантивы, являющиеся коррелятами к названиям лиц мужского пола. Однако не у всех названий лиц мужского пола являются подобные пары. В связи с этим выявление лагун в завленной группе слов и способов их пополнения на данном этапе развития общества представляется одной из важнейших задач лингвистики.

В дериватологии к суффиксальным существительным со значением женскости (феминитивам) относятся имена существительные, образованные суффиксальным способом, называющие женщин и самок. Например: *абитуриентка, учительница, остица, сторожка* и подобные.

К словообразовательной категории (СК)¹ женскости принадлежат дериваты, относящиеся к мутационным словообразовательным типам (СТ)² (*писательница* 'женщина-писатель', *стюардесса* 'женщина-стюард') и дериваты, относящиеся к модификационным СТ³ (*дворничка* 'жена дворника', *баронесса* '2. жена барона').

В настоящее время актуальным становится изучение ограничений в образовании производных слов, так как «это переход от констатирующего способа описания к объяснительному, что отвечает многим современным направлениям в изучении грамматики и языка вообще» [6, с. 537].

В работах лингвистов (Е.А. Земской, И.Г. Милославского и др.) выделены следующие типы ограничений: семантические, формальные, стилистические, лексические, словообразовательные, фонологические, морфологические, синтаксические и этимологические. И.С. Улуханов в статье «О закономерностях сочетаемости морфем в славянских языках» предлагает несколько классификаций, одна из которых предполагает деление ограничений на исходные, которые объясняются свойствами мотивирующего слова, и результирующие, которые обусловлены «свойствами возможного (или предполагаемого) мотивированного» [6, с. 540]. К группе исходных ограничений лингвист относит семантические, словообразовательные, стилистические, синхронно-диахронические, морфологические, формально-грамматические. Объектом исследования данной статьи являются исходные семантические ограничения.

Существование семантических ограничений (закономерностей) объясняется тем, что «форманты выступают в сочетании лишь с теми мотивирующими словами (основами), которые обладают каким-либо одним семантическим свойством» [6, с. 543]. Критериями в данном случае становится грамматическое значение производящего, влияющее на его словообразовательную валентность, и лексическое значение производящего, определяющее его семантическую валентность. Заметим, что И.С. Улуханов под лексическим значением понимает значения «неспециализированных лексико-грамматических рядов (одушевленность/неодушевленность, множественность/односительность, переходность/непереходность)» [6, с. 547].

Анализируя ограничения в образовании слов, относящихся к категории женскости, И.С. Улуханов ограничивается набором суффиксов и характеристикой их сочетаемости с производящими основами. Например, лингвист приходит к выводу, что суффиксы со значением женскости *-ица*, *-ица*, *-ица*, *-ица* сочетаются с названиями лиц и не сочетаются с названиями животных. Так, возможно образование слов типа *летчица, гостыня, стюардесса, директриса, ткачиха* и невозможно образование слов **алтисса, *павлиница, *оравка* и под.

Рассмотрим исходные семантические ограничения в образовании суффиксальных феминитивов.

Одним из критериев ограничения образования производного в данном случае является существование референта или его бессмысленность в связи с существующей в обществе традицией.

Нами выделены несколько групп производящих, называющих лиц мужского пола, в которых реализуется данный критерий.

¹ Е.А. Земская определяет словообразовательную категорию как «единицу более абстрактную и сложную, чем словообразовательный тип; она формируется совокупностью словообразовательных типов, объединяемых общностью деривационного значения и отлеченной от формальных средств выражения данного значения. Словообразовательная категория выделяется на основании единства деривационного значения, в то время как средства выражения этого значения могут быть различными» [4, с. 333].

² Под СТ понимают схему образования производных слов, характеризующуюся общностью трех элементов: 1) часть речи производящего слова; 2) словообразовательное значение; 3) способ словообразования и словообразовательный формант. Например: дериваты *диссертантка, дружка, автомобилка* относятся к словообразовательному типу, имеющему следующие характеристики: 1) часть речи производящего – существительное; 2) мутационное словообразовательное значение «женскость»; 3) способ словообразования – суффиксальный, формант – суффикс *-ица*.

В производных, относящихся к мутационным СТ, происходит значительное изменение окантовки по сравнению с производящим.

³ СТ с модификационным значением предполагают, что семантика производного и производящего отличается незначительно.

К первой группе относятся наименования лиц мужского пола, от которых образование феминатива невозможно никогда. Например, от существительного *дальтоник* 'человек, не различающий цвета' не может образоваться феминатив, так как дальтонизм – болезнь, присущая только мужчинам.

Вторая группа представлена названиями духовных лиц, служителей церкви. Эта группа неполопняема, так же как и первая. Среди духовенства есть должности, которые запрещено занимать женщинам. Так, отсутствует в настоящее время и, вероятно, никогда не появится женщина-патриарх, женщина-подьячий, женщина-первосвященник. Поэтому необходимость в создании существительного, называющего лицо женского пола, отсутствует.

Невозможность референта в настоящий момент становится ограничением в образовании феминативов от названий лиц по профессиям, которые в настоящее время не освоены женщинами. В таком случае номинация лиц женского пола неактуальна. Эта группа представлена словами типа *лякач, лаж*. Отметим, однако, что образование феминатива в данном случае потенциально возможно. Так, например, впервые за многовековую историю в Венеции появилась женщина-гондольер, а соответственно, и слова *гондольерша*.

К следующей группе относятся степени родства. Существительные типа *отец, брат, дядя* не имеют производных феминативов (ср.: *свекор – свекровь*). Подобные ограничения мы относим к семантическим, а не антиснонимичным, так как существующие в русском языке наименования лиц женского пола *мать, сестра, тетя* – это не 'женщина-отец', 'женщина-брат', 'женщина-дядя'.

Важным критерием ограничений в образовании существительных со значением женскости является частеречная принадлежность производящего слова. Как уже отмечалось, суффиксальные феминативы образуются от существительных, называющих лиц мужского пола (*барсук – барсучиха, бестыдник – бестыдница* и пол.). Отметим, однако, существование небольшой группы феминативов, не имеющих коррелятов мужского рода. Это существительные, мотивированные прилагательными (например: *жемчужница – жемчужный*, ср.: *утражица – утражену – утраженный*), существительные, мотивированные существительными не со значением лица мужского пола (*чернышанг – чернышангистка*, ср.: *волейбол – волейболист – волейболистка; мячкор – мячкоршик*, ср.: *шахта – шахтерик – шахтерница*), существительные, мотивированные глаголами (*покупать – покупатель, ср.: покупать – покупатель – покупательница*). Думается, в таком случае можно говорить о чересчур ужесточении словообразования.

Затруднено образование суффиксальных феминативов от существительных, называющих лиц мужского пола, если последние приближаются по своим грамматическим признакам к существительным общего рода. Так, например, не зафиксированы производные существительные со значением женскости от слов типа *очарник, первенец, подкидыш*. Также интерес представляет группа собственных существительных, перешедших в нарицательные. Это так называемые говорящие фамилии. Например, *лашкин, обломов*. Думается, образование феминатива лиц **лашкина*, **обломова* приведет к лесемантизации существительного.

Таким образом, изучение исходных семантических ограничений в образовании суффиксальных феминативов представляется перспективным в современной дериватологии, так как позволит более точно охарактеризовать механизмы словопроизводства наименований женщин в современном русском языке.

Литература

1. Азарх, Ю. С. Русское именное диалектное словообразование в диалектографическом аспекте // Ю. С. Азарх. – М.: Наука, 2000. – 178 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики: монография / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 1999. – 274 с.
3. Вендина, Т. И. Дифференциация славянских языков по данным словообразования // Т. И. Вендина. – М.: Наука, 1990.
4. Земская, Е. А. Словообразование // Е. А. Земская // Современный русский язык. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989. – 800 с.
5. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность // Е. А. Земская / Ин-т рус. языка РАН. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
6. Улуханов, И. С. О закономерностях сочетаемости морфем в славянских языках // И. С. Улуханов // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. – М.: Наука, 1998. – С. 536–555.

ЗАКОН ЭКОНОМИИ СИЛ В ДЕЙСТВИИ

Н.Г. Маженкова

Ульяновский государственный университет

...duplicating information wastes space -
...повтор данных приводит
к излишнему увеличению их объема
Windows, Access, XP

За многовековой период лингвистических исследований и наблюдений за языком был собран, систематизирован и проанализирован обширнейший материал, позволивший сделать целый ряд значимых открытий, выдвинуть гипотезы, сформулировать основные постулаты и языковые законы, в частности закон экономии усилий. Суть данного закона отражает внутреннюю тенденцию к упрощению и рациональному использованию средств выражения, наблюдаемую в языке. Одной из основных причин, ведущих к изменению языка, по мнению языковедов, является стремление говорящего экономить усилия в процессе говорения. Об этом в свое время высказывались Г. Шухардт, И.П. Болдуи де Куртэн, Ф. де Соосюр, Р.О. Якобсон, О. Эсперсен, А. Мартини (*принцип экономии*), Дж. Цитф (*принцип наименьшего усилия*), Б. Миттелбрет, П. Пасси, Г. Суит, В. Уитни и др. В работе «Революция и литературные языки Союза ССР» Е.Д. Поливанов заметил, что «к упрощениям ведь, в сущности, сводятся все нормальные изменения в языке» [2], тем самым еще раз указав на неизбежность процесса экономии языковых средств и поэтапное элиминирование их чрезмерной детализации.

На протяжении своего существования язык под влиянием природных, социальных, культурных и других объективных факторов может претерпевать не одно изменение, направленно к его совершенствованию. Так, рассматривая грамматический строй языка, Гуго Шухардт развил мысль о том, что абстрактные категории в грамматике есть результат именно исторического развития языка, результат совершенствования и улучшения грамматического строя [5]. Процесс изменений в языке достаточно сложен, неоднороден, растянут во временном континууме, и исключает резкие трансформации, которые были бы эксплицитно манифестированы при синхронном рассмотрении. По мнению Б.А. Серебренникова, данная перестройка языковой структуры едва заметна для общества, и «в каждом синхронном состоянии языка присутствует большое количество единиц и категорий, лишь частично изменивших свое качество, находящихся в процессе преобразования» [3, с. 171]. Являясь организмом «самородно-рождающим», язык создает свою новую структуру не из внешнего материала, а из «уже существующих знаков в ходе их постепенной эволюции в сторону упрощения, подавления первоначальных значений и создания прямой языковой связи между новым сопоставимым старым, уже ранее бытовавшим в языке, сопоставимым» [3, с. 193]. Подобную мысль высказывал Г.О. Винокур, заметивший, что язык «обладает способностью сохранить свою раз возникающую материальную организацию в качестве перевозка очень долгое время после того, как закончился породивший его этап культурного развития... Унаследованные от прошлого структуры очень легко приспособляются к новым условиям» [1, с. 209].

Вопреки тому, что тенденция к устранению избыточности, «упрощению», наблюдается, как правило, в устной речи в процессе коммуникации, сейчас можно констатировать факт более агрессивного переноса признаков устного общения в сферу письменной речи. Бум и развитие средств коммуникации нового поколения и создание электронных сетей стал толчком к экспансии лингвистической экономии в сферу высоких технологий. Особенности коммуникации в электронной среде обусловлены наряду с глубокими техническими аспектами факторами социальными, отражающими коммуникативные процессы в период эры информационной. Гигантские потоки информации, дефицит времени и ресурсов на обработку и анализ контента коммуникации, стремительно совершенствующиеся технологии – мощнейший стимул к экономии языковых усилий. Этот процесс наиболее всего проследивается в сфере *электронной* коммуникации, для которой наряду с такими особенностями как высокая скорость и четкость обмена сообщениями в формате электронного текста также характерно использование языка онлайн-общения (*digispeak*), где вместо общепринятых фраз отмечается широкая практика употребления акронимов и других вариантов сокращений. По существу, тенденция к лаконизму в электронном коммуникативном пространстве скорее

форма, нежели чем исключительный случай. Это, в первую очередь, обусловлено проблемой хранения и транспорта информативного контента, когда объем передаваемых, хранимых или получаемых данных является одним из основных условий успешного завершения поставленной задачи. К примеру, объем информации, пересылаемой по электронной почте, может быть лимитирован в соответствии с пропускной способностью канала передачи данных и, как правило, составляет не более 2 Мб. Поскольку речь здесь идет об электронном типе текста, следует уточнить, что сущность его есть электронный сигнал, значительно расширяющий потенциал традиционной системы алфавита и нередко позволяющий «оживить» текст виртуальными анимационными образами. Однако, вопреки столь существенным отличиям от традиционного письменного вербального текста, электронный текст, по сути, заменил одни средства выражения другими, не перестает выполнять функцию основного средства коммуникации. Так же как и письменный вербальный текст, а иногда даже в большей степени, текст в электронном пространстве подвержен «экономии» на различных языковых уровнях – от морфологического до синтаксического. Весьма интересным в этом отношении представляется структура сообщения диалога программы. На уровне морфем лаконичность электронного сообщения может быть достигнута за счет использования коротких и/или согласующих форм (ср.: *Can't free memory* [6]), употребления нулевого артикла (ср.: \wedge *File not open* [6]) и т.д. На лексическом уровне действие закона экономии эксплицитно выражено в большом количестве новообразований – от словосокращенных слов (аббревиатуры, акронимы) и замены слов числительными (ср.: *Illegal 0 length string in CDF* [6]) до случаев перехода единиц с уровня предложений на лексемный уровень (ср.: *HTTP keep-alives; Jet-in-time compiling*) и написания шрифта или через дефисы бывших словосочетаний, иными словами, образования новых сложных слов орфографическими средствами (ср.: *remote-access system, quick-and-dirty program, through-away code, single-face, floating-point, Firewall, lowercase alphabet*). На синтаксическом уровне устранение избыточности осуществляется за счет эллиптических конструкций (ср.: *String \wedge too long* [6]), в неполных предложениях (ср.: \wedge *Not implemented yet* [6]). Таким образом, языковая экономия на синтаксическом уровне ориентирована на выбор более краткой и более простой конструкции по сравнению с полной, развернутой формой высказывания, имеющей одинаковое понятийное содержание [4, с. 92]. Наряду с вышеописанными приемами языковая экономия может быть достигнута за счет употребления наименьшего количества слов, исключения неоправданного внутритекстового дублирования, что и сокращает избыточность. Применительно к электронному тексту можно выделить еще один способ рациональной локализации информации в коммуникативном пространстве, а именно) наличие гипертекстовой ссылки в теле текста.

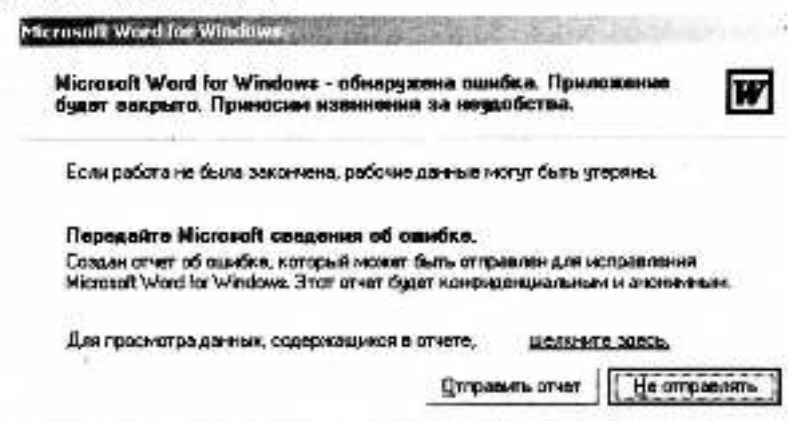

Рис. 1

На рисунке 1 представлено сообщение об ошибке, в которое интегрирована гипертекстовая ссылка (щелкните здесь), ведущая к локальному фрагменту текстовых данных. Таким образом, объем текста в электронном коммуникативном пространстве может быть значительно сокращен не только посредством общезвестных способов компрессии, обусловленных действием закона экономии, но и в силу своей особой, электронной, природы в данном типе текста можно осуществлять сугубо технические методы сжатия информации и рационального использования

ограниченного коммуниктивного пространства, направленные как на экономно пространство речевывания текста, так и на экономно языковых средств выражения.

Литература

1. Винокур, Г. О. О задачах истории языка / Г. О. Винокур // *Избранные работы по русскому языку*. – М.: Учгизгиз, 1959. – С. 207–226.
2. Поливанов, Е.Д. Революция и литературные языки Союза ССР. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litfeb.ru/spr/textes/polivan/poliv4.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Языки рус., англ.
3. Серебрянников, Б. А. Многоуровневая организация и принцип экономии / Б. А. Серебрянников // *Общая лингвистика (Формы существования, функции, история языка)*. – М.: Наука, 1970. – С. 156–170.
4. Цикалова, Л. Н. Языковая экономия в эллипе / Л. Н. Цикалова // *Семантико-фонетические и грамматические явления в иностранном языке*. – Алма-Ата, 1985. – С. 89–94.
5. Шухардт, Г. Избранные статьи по лингвистике: пер. с нем. / Г. Шухардт. – 2-е изд., 2005. – 296 с.
6. Microsoft glossaries WinNT, ActiveSync 3.71

РЕЧЕВЫЕ МАРКЕРЫ ПРИЕМА ПОМИНАЦИИ ЭТНИЧЕСКИ «ЧУЖОГО» НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

М.Х. Рахимбергенова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Этническая тематика является одной из ведущих сфер реализации бинарности «свой – чужой», поскольку отношения между этническими общностями строятся главным образом в рамках именно этой оппозиции. Осмыслением феномена «свой – чужой» активно занимается как социологи, философы, этнографы (В. Вальденфельд, Л.Н. Гумилев, В.Е. Каган, Э.А. Пидд, В.М. Павлов и др.), так и лингвисты (Г. ван Дейк, Р. Водак, А.Н. Баранов, Л.И. Гришанова, О.С. Иссеро, В.Б. Кашкин, М.В. Китайгородская, Е.В. Кушнина, В.В. Крыных, О.А. Леонтович, А.Б. Пеньковский, Н.Н. Розанова, С.Л. Сахно, Л.В. Цурикова, Е.И. Шейгал и др.).

В оппозиции «свой – чужой», которая имеет универсальный характер и является неотъемлемой составляющей гносеологических представлений о бинарной структуре мира, особый интерес представляет один из двух главных компонентов – «чужой», погруженный в контекст межэтнических отношений, или этнически «чужой».

То, как создается образ этнически «чужого» и явилась темой нашего исследования. Наше внимание было главным образом сфокусировано на приеме номинации – использовании языковых единиц, характеризующихся номинативной – называющей, именующей – функцией. Следуя ономастологической традиции рассмотрения проблемы номинации, где за исходное берется отношение «реалия» (денотация) – «мысль» (сигнификат), мы отбирали те языковые средства, которые служат для называния и вычленения этнически «чужого» как фрагмента описанной российской этнической действительности.

Материал исследования составляют статьи общероссийских газетных изданий: «Аргументы и факты», «Российская газета», «Труд», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Новое обозрение», «Аргументы и время», «Аргументы и недели». В соответствии с задачами выборка осуществлялась на основе тематики статей, посвященных проблемам взаимоотношений с этнически «чужими». Согласно теории макроструктур, тема, как правило, определяется по заголовкам и вводкам (leads), где субъективно выделена наиболее актуальная часть сообщения.

Как показал анализ, основу речевых маркеров приема номинации составляют лексемы с оценочной коннотацией. Следует, однако, отметить, что, являясь универсальной чертой журналистского дискурса, оценочность не ограничивается пределами лексической системы, и пронизывает все ярусы языковой системы. Оценочность бывает открытой и скрытой. Отличительной чертой новейшей журналистики стал отказ от открытой пропаганды. На смену пропаганде пришло умело завуалированное манипулирование массовым сознанием [1, с. 190].

Встречающиеся на страницах прессы маркеры *именования* можно разделить на две группы: *прямые* и *косвенные*. В результате наблюдения было выявлено, что группу прямых

маркеров составляют этнонимы (этнонимы – определения), оценочные лексемы (ксенотюнимы), квазиэтнонимы.

В ходе анализа была также выделена группа языковых средств, используемых в целях номинации этнически «чужих», но со скрытым прагматическим компонентом значения. Эти маркеры приема номинации были определены как косвенные, так как большей частью имплицитно указывали на те или иные черты, по которым читатель мог определить, что речь идет о представителях этнических меньшинств. Выбор речевых средств с косвенной оценочностью сделан авторами не случайно, так как «косвенность» «различивает руки» автору высказывания, позволяя ему, если это понравится, сказать, что он имел в виду только буквальный смысл сказанного» [2, с. 99]. Декодирование адресатом информации, поданной в косвенной форме, может произойти только при наличии у читателей фоновых знаний. Часть этих фоновых знаний обусловлена этническим стереотипом, который определяют как «схематизированный образ представителя какой-либо этнической общности, обычно представляющий собой упрощенное, иногда одностороннее или неточное (искаженное) знание о психологических особенностях и поведении людей другой национальности» [5, с. 4]. В основе такого образа часто оказываются представления, сформировавшиеся под влиянием ограниченной и односторонней информации об отдельных представителях какой-либо национальной группы. Иногда негативные свойства одного или нескольких представителей народа могут переноситься на всю эту группу. Такая примитивная схематизация, восходящая к древней формуле «свой – чужой», иногда представляет серьезную угрозу для гражданского мира, поскольку оскорбляет чувства целой нации.

Косвенные маркеры представлены контекстом, «чуждой» речью, метафорами, элементами языковой игры.

Остановимся подробнее на особенностях группы прямых маркеров приема номинации этнически «чужих».

Этнонимы, составляющие часть прямых маркеров приема номинации, являются одним из наиболее очевидных признаков существования этнической общности. Выработка этнонима явно показывает осознанное выделение этнической группы из числа других. Нами была выделена группа этнонимов – существительных, используемых в качестве определения: *сладковикашек, солдатышки-салажи, соседки-шуршалы, старик-осетин, татаркишки-группы, торговель-салажи*. Нейтральные по своей сути, такие сочетания приобретают ксенофобический смысл в определенном контексте. Контекст – мощный механизм формирования нужной оценки у нейтральной номинации – является скорее косвенным маркером приема номинации. Оценка складывается не в сему (основное значение) номинации, а в ее словесное окружение. Формирование заданной оценки с помощью контекста у исходно нейтрального слова активно используется современными СМИ. Положительное или отрицательное значение у нейтрального слова развивается через формирование у него заданной коннотации при сохранении нейтральной семы. Коннотацию – положительную или отрицательную – можно привить любому слову, и то какой она будет, зависит от позиции говорящего [1, с. 194]. Именно с помощью контекстного приема создания нужной коннотации СМИ влияют на сознание масс.

Проблемность этнической ситуации вызывает необходимость переосмысления существующих этнонимов в неофициальные этнонимы – «ярлыки», имеющие ксенофобический характер. Мы определили их как оценочные лексемы – лексемы с эксклюзивно выраженной негативной коннотацией.

В лингвистической литературе для номинации этнически «чужих» в ксенофобическом контексте введены такие термины как *«национально-расовые оскорбления», «этнические шлепаны»*. С.В. Свириковская предлагает обозначать подобные наименования как ксенотюнимы (ксенофобические этнонимы) [4, с. 62]. Такого рода единицы встречаются в журналистских текстах не часто. Вызвано это тем, что пресса является той сферой деятельности, на которую накладываются институциональные и конвенциональные ограничения. Этим можно объяснить то, что те немногочисленные примеры ксенотюнимов, которые встречаются на страницах прессы – *чурки, ниггеры, чурбаны, черно...ые*, – подаются в основном в форме цитации.

Мы (автор и «бойцы Белого Сопротивления» – Р. М.) присели на скамейке в парке. «Ты русский?» – спросил меня один из них. «Да». – «Тогда бей чурбана! Вступай в СС» (Ку-клукс-клан белых гитлер) // «Аргументы и факты» 2006. – № 22).

Приведенные примеры доказывают, что коннотативы, как правило, обусловлены лингвистическими предрасположениями.

Прямые маркеры номинации можно также представить как различные сигнификативные компоненты, соответствующие денотату этнически «чужой». Эти компоненты мы определили как ряд квазитерминов: *парни с юга, шорохура, трудящие мауранны, гастарбайтеры, иммигранты, лица азиатской или кавказской национальности, приезжие, человек лет тридцати, наружностью, выходящий с Кавказа*. Данный лексический комплекс составляет акты пользования, протекающие при непосредственном взаимодействии с прагматическими факторами. Последние оставляют свой след в сигнификате – эмоциональное, оценочное отношение адресанта обличьяемому. Отображение при номинации прагматического, субъективного отношения влияет экспрессивную окраску языковых единиц за счет особого субъективно-модального компонента значения [3, с. 336]. Этот лексический ряд левтонимического характера несет признак прямой номинации при условии наличия фоновых знаний у адресата.

Преобладание негативно-оценочного прагматического потенциала составляющих маркеров, по сути, выступает характеристикой речевой ткани газетных текстов с упоминанием лингвистически «чужих», а в некоторых случаях нагромождение негативных оценок вызывает и поддерживает агрессивное состояние читателей.

Таким образом, можно говорить о том, что именно благодаря современным СМИ образ лингвистически «чужого» превращается в общероссийский ксенофобический феномен. Тогда как журналист должен выполнять роль «посредника, медиатора в межкультурной коммуникации. Ему необходимо демонстрировать толерантное отношение к «чужим» – представителям разных культурных и этнических сообществ», а не удовлетворять спрос на ксенофобические установки [6, с. 487].

Литература

1. Клушина, Н. И. Общие особенности публицистического стиля / Н. И. Клушина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пос. – М. : Изд-во МГУ, 2001. С. 184–204.
2. Кобозева, И. М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ / И. М. Кобозева // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пос. – М. : Изд-во МГУ, 2003.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Яценко. – 2-е изд., доп. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
4. Свиридовская, С. В. Ксенофобический дискурс (лингвопрагматический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Свиридовская. – Красноярск, 2005. – 25 с.
5. Чернышов, Ю. Г. Ксенофобия и проблемы становления гражданского общества в России [Электронный ресурс]. – Электронные данные. – Режим доступа : // http://asfpi.asu.ru/kialo/forum_sib.html, свободный. – заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
6. Чепкина, Э. В. Журналист как медиатор в межкультурной коммуникации // Э. В. Чепкина // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллективная монография / отв. ред. Н. А. Кушнина, М. Б. Хаммаков. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С. 475–486.

ТЕРМИН «ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ СПРАВКА» В ТЕОРИИ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Г. В. Рыбачкина

Астраханский государственный университет

При социалексикографировании нестандартной лексики и фразеологии проблема семантизации регистрируемых слов и устойчивых словосочетаний с помощью объяснения соответствующих особенностей лексико-фразеологической номинации является одной из самых сложных и насущных в теории лексикографии. Причиной этого, на наш взгляд, заключается в том, что образование стилистически сниженных и социально маркированных лексических единиц часто сопровождается такими номинативными явлениями, которые либо вообще не характерны для литературного стандарта, либо имеют в нем очень ограниченное распространение. В результате подобных процессов субстандартной деривации определенные лексические единицы

нии получают просторечную структурную отмеченность [8, с. 210], которую необходимо раскрывать в соответствующем разделе словарной статьи.

Таким образом, историко-этимологическая справка, в которой дается объяснение специфичной субстандартной номинации для зафиксированных вочабул является весьма значимым в процессе сопнолексикографирования.

Для того чтобы оперировать термином «историко-этимологический», нам необходимо разобраться в сущности данной категории и представить определения данного понятия, имеющиеся в теоретических исследованиях лингвистической науки.

Сам базовый термин «историко-этимологический» в применении к словарю и к лексикографическому историко-этимологическому описанию лексических единиц может быть, предельно, интерпретирован через следующие содержательные позиции, связанные с понятием этимологии.

1. **Этимология** (от греч. *etymon*) – происхождение слова или морфемы или его родственные отношения с другими словами того же языка или других языков [22, с. 517]; раздел лингвистики, занимающийся изучением первоначальной словообразовательной структуры слова и выявлением его древнего значения [21, с. 708]; последующий семантические связи между словами [20, с. 875];

2. **Этимологизирование** – это установление первоначального, истинного, основного значения слова, выявление того исходного этимона, от которого произошло анализируемое слово [2, с. 10].

3. **Задача этимологии как раздела исторического языкознания** – исследовать первоначальную словообразовательную структуру слова и установить элементы его древнего значения [20, с. 407].

4. **Этимологический разбор** – это определение «равно существовавшего морфологического строения слова и его прошлых словообразовательных связей» [20, с. 58].

5. **Этимологический анализ** направлен на:

- восстановление (а) наиболее древней словообразовательной структуры слова и (б) элементов его значения, то есть «внутренней формы слова, которые оказались нарушенными, смешанными, утраченными или контаминированными в результате действия различных внутриязыковых, культурно-социальных, межязыковых и территориально-временных процессов;

- реконструкцию характера мотивированности значения слова;

- установление возможных пересечений или контаминаций (а) нескольких корней или (б) семантических последовательностей;

- выявление (а) мотивационных связей, которые лежат в основе значений слов, (б) моделей и алгоритмов семантической мотивации и (в) основ номинации;

- определение (п) ареала и смены ареалов распространения слова, (б) аллоатричных, субстратных и суперстратных факторов, оказавших влияние на формирование и изменение структуры и значения слова, (в) фактов, связывающих значение слова с экстралингвистическими явлениями истории, культуры, этнографии, религии и мифологии народа;

- как результат всего этого — установление множественной этимологии слова [16, с. 6; 17, с. 7].

6. **Задача научного этимологического анализа:** а) сопоставление оригинальных слов исследуемого языка со словами родственных языков и выявление их формально-смысловой истории вплоть до ядра-основы; б) установление для производных слов в пределах исследуемого языка их составных элементов – основы, корни и формантов; в) определение источника заимствования [1, с. 57].

7. **Задача этимолога** состоит в том, чтобы «определить формальный материал, использованный тем, кто впервые создал слово, и то понятие, которое он хотел выразить этим словом». ... если под «словом» понимать не только внешнюю форму, но и все нерасчлененное целое, образующее этой формой и значением» [12, с. 70].

8. **Основные различия** между историческим и этимологическим словарями, относящимися к одному и тому же разделу языкознания – исторической лексикологии, заключаются в следующем: а) исторический словарь составляется для языков с многовековой письменностью, в филологических документах, прослеживая историю слов до письменным памятникам данно-

го языка вне зависимости от его генетических связей с другими словами этого языка или других языков; б) *этимологический словарь* может составляться для любого древнеславянского, младописьменного или бесписьменного языка, с использованием филологической документации, проследившая историю слов на самой широкой сравнительно-исторической базе, выходя за рамки письменных памятников одного исследуемого языка, вскрывая с максимальной глубиной его генетические связи, историческую фонетику, морфологию и семасиологию в обоих родственных, а для заимствований – и неродственных языках [1, с. 57–58].

9. Основная задача историко-этимологического словаря – это: (а) объяснение происхождения каждого отдельно существующего слова, (б) установление его первоначальной морфологической членности, (в) выделение его исторического корня, (г) определение исходного значения корневой части и (д) путей развития первоначального значения [19, с. 8].

Естественно, что названные цели и установки и конкретные задачи историко-этимологического анализа применимы лишь к этимологическому словарю национального языка или к сравнительно-историческому словарю нескольких языков. В рамках словарной статьи даже большого толкового словаря лексического субстандарта данные задачи обычно значительно минимизируются. В этом случае степень подобного ограничения и упрощения или, другими словами, глубина и полнота историко-этимологической справки будет определяться концепцией лексикографов и целью словаря.

В теории и практике современной русской литературной и просторечной лексикографии еще нет общепринятого термина для обозначения справки, которая объяснила бы специфическими лексикографическими средствами те особенности образования лексем и фразем, которые необходимо раскрывать в рамках словарной статьи для более детального, глубокого и комплексного описания структуры и семантики зарегистрированной лексической единицы.

Для наименования такой справки в теории лексикографии приняты термины: 1) словообразовательная справка [3, с. 24]; 2) этимологическая справка [4, с. 34; 5, с. 22]; 3) этимологический лексикографический параметр, где «параметр» — это «некий квант информации о языковой структуре..., особое словарное представление структурных черт языка» [6, с. 52]. 4) описание мотивированности лексем [3, с. 24]; 5) историко-этимологическая справка [7, с. 73]; 6) дериватологическая справка [7; 8].

Очевидно, что из приведенных выше терминов наиболее адекватный для отражения в толковом словаре минимально необходимого объема сведений об истории образования и этимологии лексикографируемых лексем и фразем в рамках словарной статьи — это термин «историко-этимологическая справка». Именно поэтому, далее, нас интересует содержание понятия, подводимого под данный термин авторами-составителями анализируемого словаря.

Уточним, прежде, что «этимологическая справка» в качестве лексикографического понятия, от которого производимое понятие выступает «историко-этимологическая справка», имеет две распространенные в лингвистике трактовки: 1) это часть словарной статьи толкового словаря, в которой раскрывается этимология заглавного слова — «путем показа языка-источника и восстановления первоначального значения элементов, входящих в состав этимона» [13, С. 48]; 2) это информация, включаемая в словарную статью или в словарь с целью «проследить исторические истоки заглавной единицы, как внешние, формальные, так и семантическое происхождение» [4, с. 36].

Историко-этимологическая справка в конкретном практическом применении этого термина в словаре лексического субстандарта ограничена, по утверждению В.М. Мокшеник, Т.Г. Никитиной, краткими экскурсами в происхождение лексикографируемого жаргонизма. При этом особо оговаривается, что «историко-этимологическое комментирование не является специальной задачей словаря» [18, с. 13].

Другими словами, понятие историко-этимологической справки как компонента словарной статьи четко не определено лексикографами. По этой причине адекватное представление о содержании данного понятия и его реализации авторами может быть сформировано только после детального анализа тех словарных статей, в которых присутствует такая справка, вводимая символом «<». Здесь важен также учет принципов отбора авторами тех способов номинации и особенностей образования лексических и фразеологических единиц и самих единиц, которые, по их мнению, должны получить предлагаемое ими историко-этимологическое разъяснение.

В связи с вышесказанными соображениями признается целесообразным провести отдельный анализ историко-этимологических справок на предмет используемых в них специфических лексикографических средств раскрытия особенностей образования зарегистрированных в словаре лексико-фразеологических единиц с позиций, в терминах и понятиях общей дериватологии [11] и проторечной лексической дериватологии [7; 8], включающей в себя субстантивное словообразование, заимствование и лексико-семантическое словопроизводство (лексико-семантическую деривацию) [9].

Литература

1. Абаев, Н. И. О принципах этимологического словаря / В. И. Абаев // Вопросы языкознания. – 1952. – № 5. – С. 57–58.
2. Введенская, А. А. Этимология / А. А. Введенская, Н. П. Колесников. – СПб.: Питер, 2004. – 221 с.
3. Дубининский, В. В. Искусство создания словарей: Конспекты по лексикографии / В. В. Дубининский. – Харьков: ХПУ, 1994. – 102 с.
4. Дубининский, В. В. Теоретическая и прикладная лексикография / В. В. Дубининский. – Вена-Харьков: Gesellschaft für Förderung slawistischer Studien, 1998. – 160 с.
5. Дубининский, В. В. Словари русского языка: учеб. пос. / В. В. Дубининский, А. П. Самойлов – Харьков: Междунар. слов. ун-т, 2000. – 242 с.
6. Карушиц, Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М., 1981. – С. 52.
7. Коровушкин, В. П. Дериватологическая мысль в истории языкознания. Конспект лекций по лексуре / В. П. Коровушкин. – Череповец: ЧГУ, 2002. – 142 с.
8. Коровушкин, В. П. Дериватологическая справка в толковом словаре русского военного жаргона / В. П. Коровушкин // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных языков в вузе: материалы научно-методической конференции 31 мая 2001 г. – СПб.: ВНТУ, 2002б. – С. 95–97.
9. Коровушкин, В. П. Основы контрастной социалектологии: монография в двух частях / В. П. Коровушкин. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2005. – Ч. II. – 283 с.
10. Мокленко, В. М. Проблемы составления «Большого словаря русского жаргона» / В. М. Мокленко, Т. Г. Никитина // Язык. Речь. Речевая деятельность: межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 3. Ч. 2. – Н. Новгород: НИИЯЗ, П. А. Добролюбов, 2000б. – С. 65–77.
11. Мурзин, Л. Н. Основы дериватологии. Конспект лекций / Л. Н. Мурзин. – Пермь: Перм. ун-т, 1984. – 56 с.
12. Пизани, В. Этимология (история, проблемы, метод) / пер. с итал. Д. Э. Розенталя. – М.: Записки УРСС, 2001. – 187 с.
13. Ступин, Л. И. Лексикография английского языка. – М.: Наука, 1985. – 167 с.
14. Трубочев, О. Н. Решения на «Краткий этимологический словарь» / О. Н. Трубочев // Вопросы языкознания. – 1961. – № 5. – С. 51.
15. Шанский, П. М. Принципы построения русского этимологического словаря словообразовательно-исторического характера / П. М. Шанский // Вопросы языкознания. – 1959. – № 5. – С. 58.

Словари

16. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М.: ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
17. Маковский, М. М. Историко-этимологический словарь английского языка / М. М. Маковский. – М.: Диалог, 1999. – 416 с.
18. Мокленко, В. М. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокленко, Т. Г. Никитина – СПб.: Норинт, 2000. – 720 с.
19. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов: в 2 т. – М.: Русский язык, 1993. – Т. 1. – Пантомна. – 623 с.
20. Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1978. – С. 875.
21. Большой энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – С. 708.
22. Словарь современных понятий и терминов. – М.: Республика, 2002.

**КУЛЬТУРА ВЛАСТИ: ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБРАБОТОК ЛЕГЕНДЫ О КОРОЛЕ АРТУРЕ**
(к вопросу об исторических формах интеграции
плебейского и художественного дискурсов)

Ю.С. Серенков

Кузбасская государственная педагогическая академия, г. Новокузнецк

Легенда о короле Артуре велика во многих отношениях. Она очень древняя – ее зарождение восходит к пятнадцативековой давности. Несмотря на столь почтенный возраст, легенда не облетела – напротив, она сильна как никогда, подтверждением чему является широчайшее использование легенды об Артуре в кино конца XX – начала XXI в. – самой распространенной форме современного массового «нарратива». Распространенность литературных обработок легенды также неслыханна. Впервые она была записана на валлийском и латинском языках, но уже очень вскоре попала во французский, немецкий и английский языки и внутри словесностей этих языков она преобразовалась далее, причем в каждой из словесностей совершенно по-своему. На итальянском и испанском языках также существует богатая Артурована, относящаяся к позднему Средневековью и Возрождению. Англоязычная литература Артура настолько обильна и разнообразна, что может – по влиянию и массе – соперничать с литературой, порожденной библейской традицией и наследием Шекспира. Считать в наши дни, что форма существования легенды об Артуре была всегда по преимуществу литературной значило бы недооценить роль волшебных сказок и их «эквивалентов» в XX в. – комиксов и мультфильмов, посредством которых Артур становится достоянием детей. Тем взрослым, которые редко читают, Артур становится известен через популярные медиа (кино, легкочитаемую «формульную» литературу, видеофильмы с релаксационными гимнастическими «эпью-эйдж», компьютерные игры), а также в результате ускользающих от аналитики процессов фольклоризации и мифологизации – в англоговорящих странах (а в последние годы и в России) подспирьем этих процессов может служить, например, обширная «артуровская» ономастика (название торговых марок, клубов, магазинов, гостиниц, улиц, целых жилых районов в городах).

Тем не менее, поразительное богатство и разнообразие «артуровского» материала в мире почти не повлияло на методологию его англоязычных исследований на протяжении трех четвертей XX века. Речь идет о так называемом историческом подходе к Артуру. Сторонники этой методологии, независимо от аудиторки, на которую были рассчитаны их труды, занимались, в основном, обзором литературы. Высоконаучные и специфические обзоры представлены, например, в сборнике эссе Р.С. Лумиса «Литература об Артуре в Средние века»; популяризаторский обзор предпринял Р.У. Барбером в книге «Король Артур в легенде и истории» (этим изданием можно пользоваться как справочником); определенная легковесность типична для книги «Пендрагон» Джозефа Кэвенга; упор на географические привязки легенды об Артуре сделан в книге Хелен Миллер «Королевства Артура». Но общим местом всех упомянутых исследований является определенный идеализм: и сама легенда, и литература, связанная с ней, представлены таким образом, словно они существуют в своем собственном мире, а вовсе не были созданы в те времена и в том социальном окружении, которые породили и, в конечном счете, потребили их. Очевидно, подобный литературный идеализм долгое время был правдоподобен и «уточен» для исследователей – он мог быть своего рода убежищем от сложного мира истории и общества. Но со временем само отношение к литературе и культуре в целом стало меняться. В 70–80-е гг. XX века и в мир науки, и в уютный мир литературы окончательно и бесповоротно вторглась социальная реальность, что произошло как по причине радикального расхождения ученых в оценке недавнего прошлого, так и по причине экономических и иных потрясений текущего характера – речь здесь, в первую очередь, следует вести о Великобритании и США.

Ученая Артурована мгновенно отреагировала на эти новые обстоятельства, появились проблемные публикации в научной прессе (например, эссе Эверет Киртер «Смысл романа «Янки при дворе короля Артура»/ Kirter E. "The Meaning of A Connecticut Yankee". American Literature 50.3 (Nov. 1978): 418–40) и монографические исследования (книга Элизабет Т. Покода «Артуровская пропаганда», см. список литературы). В монографии Стивена Найта «Литература об Артуре и общество» (1983) был подведен итог достижениям сторонников исторической ме-

тодологии: «Неудача, которую ученые потерпели при попытках «историзировать» легенду об Артуре особенно показательна, потому что самое главное и самое «великое» свойство легенды об Артуре в том и состоит, что легенда об Артуре – это, во-первых, легенда о проблемной неоднозначности величия» [2].

Действительно, король Артур во все времена оставался фигурой власти; следовательно, конкретная версия легенды об Артуре (например, валлийское сказание «Книжка и Оливен», псевдо-историческая «История королей Бриттов» Гальфрида Монмутского, романы Кретьена де Труа, роман «Смерть Артура» Томаса Мэлори) несла определенную идеологическую нагрузку, были орудием воздействия на сознание для власти – власти в том социальном контексте, который был характерен каждой из версий. Как показывают исследования, о которых здесь идет речь, легенда об Артуре, особенно в интерпретациях искусных литераторов, – это рассказ о власти в реальном мире и тексты этих интерпретаций легенды можно рассматривать в качестве полноценных идеологических документов, в которых отражены и страхи, и надежды класса, наделяемого властью в тот конкретный исторический период. По мнению Элизабет Т. Покода, «романы об Артуре Кретьена де Труа выполняли функцию саморекламы придворного общества; (...) приводили к мыслям о соответствии идеала (идеала рыцарского совершенства, – Ю.С.) реальности, убеждали, что жизнь благородного сословия и существует в качестве идеала, и выполняет функцию упорядочивания иных форм существования в соответствии с идеалом – дабы они могли продолжаться» [3]. В случае с романом Томаса Мэлори «Смерть Артура» (XV в), речь могла идти о «целенаправленном и сознательном переработке артуровского материала, которое произошло из культурного контекста, связанного с желанием аристократии вновь «прижить» традиции и ритуалы былых времен» [3, с. 23] (в связи с воцарением Тюдоров – Ю.С.). В конце викторианской эпохи в Англии Артур не рассматривался в качестве правдоподобной исторической фигуры – его образ чаще интерпретировали в мифологических терминах культурного героя бриттов и даже полубога. Те же ученые поздней викторианской поры, которые все же желали продолжить отработку версии «исторического» Артура, прежде всего, искали в ранних Средних веках свидетельства уникальности английского народа и его институтов. Подлинный толчок определился двойной необходимостью: по-первое, необходимостью легитимизации культурной, политической, экономической и империальной власти Британской империи и, во-вторых, необходимостью выставить точку над «и» в вопросе национальной идентификации. При этом, как показывает обезуглененное викторианское видение истории в начале исследования Н.Д. Хайзма «Король Артур: отвороние мифа и истории» (2002), «предпочтение отдавалось свидетельствам из прошлого англосаксов и германцев, а не романно-британцев и собственно британцев». [1–3] Поиск «исторического» Артура поднимал викторианцами был, таким образом, эпосом викторианского и англосаксонского порядка, в котором едва ли обращалось внимание на исходную точку, ставшую очевидной после хроник Неннии и «Анналов Камбрии»: Артур, если он вообще существовал, был нужен для ипсилон германских племен с британских территорий. Но такая правда была бы в высшей мере нежелательна, так как она угрожала целостности славянского континентума, связывавшего эпоху заселения Британии англосаксами с викторианским «восточным мифом».

Бесконечный потенциал выявления легенды об Артуре и ее вечная актуальность состоит также в имплицитной мысли о том, что хаосом и разрухой закончилось существование самого мифного и самого славного режима. Те, кто мог – от имени власти – «спонсировать» жизнь подобной легенды в литературе, понимали, что легенда должна была служить, с одной стороны, убедительным аргументом в пользу видения славы исключительно в качестве продукта власти и, с другой стороны, предупреждением из прошлого о зыбкости славы, достигнутой посредством власти. Таким образом, большей части легенды об Артуре свойственна динамика политически направленных времен в реальной истории. Эта динамика способствовала – в разные времена – написанию воссоздающих легенду художественных текстов, которые обладали особой силой воздействия. Другие черты легенды об Артуре (например, загадка рождений и смертей героев, драматическая мощь и трагедийный исход отношений героев легенды, отзвуки кельтской мифологии в образах короля, королевы, рыцарей и их врагов, вечный конфликт короля и самого крупного из его подданных, в ходе которого оспаривается либо власть, либо королева, либо то и другое) важны, но не определяющим образом.

Таким образом, по-прежнему актуальна исследовательская работа, направленная на определение функций текстов Артуровны в различные периоды истории континента, в течение которого эти тексты создавались. Не менее важным представляется и определе-

ние путей интеграции этих текстов с идеологическим дискурсом различных времен. Визант «идиомы» текущей власти, передаваемое авторами литературных Артуриад, намного более исторично и заслуживает большего доверия, чем может показаться при прочтении текстов, например, Гальфрида Монтпетурского и Томаса Мэлори ради «общего впечатления»; поэтому эти тексты представляют собой богатый материал для исследования роли культуры правящих или соответствующих периодов – они помогут увидеть то, чем именно были ослаблены правящие круги и каким образом они выстраивали систему поддержки культуры для того, чтобы желательным образом менять ситуацию, вызывавшие эту ослабленность. История «артуровского» дискурса, которой отводилась роль средства социальной регуляции, может привести к лучшему пониманию того, какая роль отводилась литературной культуре в защите и «оправдании» власти внутри отдельно взятого государства.

Литература

1. Higham, N. J. *King Arthur: Myth-Making and History* / N. J. Higham. – N. Y.: Routledge, 2002.
2. Knight, S. *Arthurian Literature and Society* / S. Knight. – N. Y.: St. Martin's, 1983.
3. Pochoda, Elizabeth T. *Arthurian Propaganda: Le Morte Darthur as an Historical Ideal of Life*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1971.

К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ ОПИСАНИЯ КОНЦЕПТОВ

О.Б. Смирнова

Астраханский госуниверситет

В рамках развития новой парадигмы гуманитарного знания понятие «концепт» приобретает новые очертания, в рамках которого осуществляется взаимодействие между человеком и культурой, выступая в виде представления культурных доминант или культурных констант.

По словам Ю.С. Степанова концепт – это «узусок культуры». Концепт несомненно обладает высоким уровнем абстракции, и информация, заложенная в том или ином концепте, преломляется через призму культуры и сознания человека. На современном этапе развития гуманитарного знания, можно сделать вывод, что концепт из сферы лингвистики переходит в сферу философского знания, становясь одной из философских универсалий.

При исследовании концептуальной сферы различных языков учеными применяются различные методы и подходы, такие как: психологический, исторический, лингвистический, культурологический и логико-семантический.

Пристальное внимание к изучению концептуальных сфер различных языков обусловлено, по мнению многих исследователей, необходимостью поиска новых культурных ориентиров.

Поиск новых ориентиров в сознании и их отражение в языке затруднен в связи с отсутствием четко разработанной системы методов и подходов к исследованию данной проблемы. Существует большое количество разнообразных подходов и методов, на основе которых проводится исследования культурной составляющей. Выбор того или иного подхода или метода зачастую обусловлен практическим материалом, на основе которого проводится исследование, а также целями и задачами проводимого исследования.

Одним, представляется возможным разграничить все имеющиеся подходы к исследованию культурной доминанты (концепта) на несколько групп:

- культурно-философский аспект: осуществляется в работах А.П. Бабушкина, А. Вежицкой, В.Г. Воркачева, Г. Лейбинга, Д.С. Лихачева, Ю.С. Степанова, В.Н. Телин, Р.М. Фрумкиной, Л.О. Чернейко;
- особенности этнокультурного менталитета рассматриваются в работах Н. А. Бердяев, А.Я. Гуревича, И.В. Кондакова и др.;
- традиции культурной общности и отношение к мифу рассматриваются в работах С.А. Арутюнова, В.Н. Торопова, А.Ф. Лосева, Е.М. Мелетинского и др.;
- роль культурно-исторических модернизаций в трансформации образов культуры рассматривается в работах следующих авторов: А.Н. Афанасьев, Н.А. Бердяев, И.В. Кондаков, А. Кузьмина и др.;

• гендерный подход в изучении концептуальной составляющей языка и коммуникации представляет собой дальнейшее развитие антропоориентированного изучения языка и стремится точнее и четче учитывать человеческий фактор в языке, в результате чего может быть получено приращение знания как собственно лингвистического, так и междисциплинарного. Данный подход воплощается в работах А.В. Кирилловой, Е.В. Горюшка, И.И. Халеевой, В.И. Беликова и Л.П. Крысина, Д.Ч. Матвиевской и др. По словам А.В. Кирилловой: «Гендерный подход позволяет построить для антропоориентированного изучения языка двухъярусную модель, состоящую из метакогнитивного (общечеловеческого) уровня и гендерного (то есть относящегося к тому или иному полу). Взаимоотношения между названными ярусами довольно сложны и зависят от того, употребляются ли соответствующие языковые единицы в прямом или метафорическом значении, от общего контекста, культуры данного языкового сообщества, от структуры данного языка, его характерологических особенностей и многих других факторов.» [7];

• концептуальный анализ языка является не самым распространенным методом описания концептов, но на современном этапе развития новой научной парадигмы именно данному подходу уделяется пристальное внимание учеными-лингвистами-когнитологами. Концептуальный анализ языка проводится в работах С.Е. Никитиной, Е.С. Кубряковой (ставятся границы семантического и концептуального анализа: «если первый направлен на экспликацию семантической структуры слова, уточнение реализующих ее денотативных, сигнификативных и когнитивных значений, то когнитивный анализ представляет собой как поиск тех общих концептов, которые принадлежат пол один знак и преопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры. Семантический анализ связан с разъяснением слова, концептуальный анализ ведет к знанию о мире), С.А. Жабитинской (анализ одних концептов с помощью других), В.А. Шейгала и Е.С. Арчаковой (предлагается список методик в исследовании концептов: 1) компонентный анализ семантики ключевого слова, 2) анализ синонимов и дериватов, 3) анализ сочетаемости: устойчивые и свободные словосочетания, 4) анализ паремий и афоризмов, объективирующих данный концепт, 5) психолингвистический эксперимент, 6) анализ текстов в разных типах дискурса), В.И. Карасика (1) дефинирование, 2) анализ контекста, 3) этимологический анализ, 4) этимологический анализ, 5) анкетирование, интервьюирование). По мнению Р.М. Фрумкина, концептуальный анализ делится на несколько типов: 1) по характеру анализируемого материала (слепые ментальные образования), 2) по способу привлечения концептуального фона, 3) по способу привлечения собственно языкового и концептуального чувства, всего опыта исследователя. В работах А. Вежицкой проводится анализ и предлагается определенный способ толкования концептов при помощи ограниченного количества примитивов. В работах Ю.С. Степанова применяется историко-этимологический концептуальный анализ, так как автор прослеживает эволюцию содержания концепта от «внутренней формы» до анализа современного содержания концепта.

По мнению лингвистов, таких как Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, Р.М. Фрумкина и др., существует два различных подхода к исследованию концепта, которые зависят от направления исследования: от индивидуального сознания к культуре (лингвокогнитивный подход); от культуры к индивидуальному сознанию (лингвокультурологический подход).

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М., 1991.
2. Бабушкин, А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 1998.
3. Варкачев, С. Г. Методологические основания лингвокогнитологии / С. Г. Варкачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж, 2002.
4. Вежицкая, А. Лексикография и концептуальный анализ / А. Вежицкая. – Анн Арбор, 1985.
5. Вежицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежицкая. – М., 2001.
6. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. М. Гумбольдт. – М., 1985.
7. Кириллова, А. В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации / А. В. Кириллова. – Рязань, 2003.
8. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1983. – Т. 52. – № 1.

9. Ляпин, С. Х. Концептология к стилистическому подходу / С. Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центрконцепта. – Архангельск, 1997. – Вып. 1.
10. Маслова, В. Л. Лингвистическая концептология / В. Л. Маслова. – М., 2001.
11. Михайлюк, И. П. Концептуальные модели в семантической реконструкции (индифференциальное понятие «закон») / И. П. Михайлюк // ИАН СЛЯ. 1997. – Т. 56. – № 4.
12. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М., 2000.
13. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М., 2001.
14. Телия, В. П. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты / В. П. Телия. – М., 1996.
15. Фрумкина, Р. М. Концепт, категория, прототип / Р. М. Фрумкина // Лингвистическая и экзистенциально-философская семантика. – М., 1992.
16. Чернейко, Л. О. Семантический анализ лексической системы русского языка / Л. О. Чернейко. – М., 1995.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «КАТЕГОРИИ» И ПРОЦЕССА КАТЕГОРИЗАЦИИ

Н.П. Сухарева

Череповецкий государственный университет

Категория (от греческого слова *катэгориа* суждение, определение) – это философское, наиболее общее логическое понятие, выражающее основные формы и отношения бытия (материя, время, пространство, движение, причинность, сущность, единство и т.д.). В фигуральном значении категории – это разряд, группа или степень [6, с. 157].

В логике, рассматривая структуру языка, языковые выражения разбивают на классы таким образом, что замена одного выражения другим из того же класса не делает осмысленный текст бессмысленным, однако замена одного выражения другим при их принадлежности к разным классам превращает осмысленный текст в бессмысленный. Предельно общие классы таких взаимозаменяемых выражений в логике называют логическими категориями [1, с. 6–7].

Общие понятия в философии изучает метафилософия или диалектика – наука о наиболее общих законах связи, движения и различия. В рамках метафилософии речь идет о метакатегориях философии таких, как количество, качество, связь, отношение, движение, возможность и т.п. Данные категории характерны и для мира человека, и для мира символов, и для мира природы. Метакатегории в обобщенной форме выражают общие мысли, чувства и предметы [4, с. 158–159].

Основываясь на исследовании Э. Рош, Р.М. Фрумкина рассматривает категорию как мыслительную реальность, имеющую внутреннюю структуру, отражающую реальность объективного мира. Э. Рош ввела понятие прототипа категории, который представляет собой такой член категории, который максимально полно воплощает характерные для данной категории свойства и особенности. Такая постановка вопроса существенно шире аристотелевских представлений о классификационных схемах, где заданы только отношения включения (принадлежности к...) в категорию (класс) и отношения «выше – ниже». Но вместе с тем встает вопрос о «иерархичности» членов одной и той же категории. В зависимости от исследуемого материала предлагаемые отношения могут быть более или менее содержательными. Например, в цветообозначении слов, передающих различные оттенки желтого, зеленого, синего либо других цветов будет много больше, нежели слов, отражающих отношения «выше – ниже». В этой связи Э. Рош проявляет интерес к собственно отношениям, которые можно описать следующими формулами: «X – это не Y»; «X – это такой Y»; «X – это тоже Y»; «X – это типичный Y»; «X – это скорее Y, чем Z»; где Y – это имя категории, а X – член этой категории. Следует отметить, что данные формулы безоговорочно «работали», пока речь шла о цветообразцах и о цветообозначениях. При перенесении своих выводов на совсем иные устремленные объекты многие утверждения выглядеть не всегда бесспорно. Таким образом, в работах Э. Рош категория рассматривается как особая структура, где есть центр и периферия. Центр – это типичные представители данной категории, а чем дальше от центра, тем уровень типичности снижается [9, с. 101–102].

В функциональной грамматике А.В. Бондарко рассматривается направление, которое может быть определено как «грамматика функционально-семантических полей и категориальных ситуаций». Термин «функционально-семантическое поле» задает упорядоченное множество взаимодействующих на семантико-функциональной основе языковых средств и их системно-структурных организаций. Вместе с тем, как отмечает А.В. Бондарко, существует параллельный термин «функционально-семантическая категория», подчеркивающий семантико-категориальный аспект того же предмета исследования.² С одной стороны, в основе каждого функционально-семантического поля лежит определенная семантическая категория, с другой стороны, языковые категории, наряду с классами и единицами с их языковыми значениями могут быть компонентами функционально-семантического поля. В этой связи вводится понятие функционально-семантического единства, которое строится на основе конкретно-языковых признаков изучаемых единиц, классов и категорий в их взаимосвязях. При этом особый внимания заслуживает взаимодействие морфологических, синтаксических, словообразовательных и лексических средств [2, с. 70–74].

Категоризация – это фундаментальная операция, представляющая собой отнесение объекта и именующего его слова к более общей категории, как указывает Р.М. Фрумкина, – отнесение его смысла, концепта, к более общей категории концептов, это познавательная операция, позволяющая определить объект через его отнесение к более общей категории.

Процесс категоризации начинается в том случае, когда в чем-то новом неизвестном пытаются найти возможные сходства и отличия между этим новым и известным, поскольку семантические отношения между словами могут отражать их принадлежность к одной и той же категории.

С процессом категоризации непосредственно связан процесс поиска смысла – процесс концептуализации. Процесс осмысления требует, чтобы интересующий объект был выделен из фона. Концептуализация формируется в социальном мире и определяется культурой [9, с. 62–63].

Метафорически интересным представляется процесс категоризации авторами теории языковой метафоры Дж. Лакоффом и М. Джексоном в исследовании «Метафоры, которыми мы живем». «Если объекты неискривлены или не обладают четкими контурами, например, горы, перекрестки, живые изгороди и т. п., мы все же зачисляем их в соответствующие категории... для удовлетворения определенных целей – установка местоположения гор, назначения встреч на перекрестках улиц, подстригания живых изгородей. Такие... цели обычно требуют от нас наложения искусственных границ на физические явления для придания им дискретности, каковой обладаем мы сами как физические объекты, ограниченные некоторой поверхностью» [7, с. 286].

Для акта понимания или познания неизбежно присутствие двух элементов – нового, неизвестного и старого. Новое, как пишет С.О. Карповский, включается в старые рамки, оно осмысливается как новый род старого вида. Познать или понять явление – это значит включить его в совокупность наших знаний, установить координаты, на срезении которых его можно будет найти [5, с. 76–77].

При осмыслении модели мира, которое осуществляется также в терминах категорий, Г.Н. Ципляк отмечает, что критерий категориальности, то есть взаимное положение категориальных наборов языка и модели мира, является хорошей основой для сопоставления, для выявления как общего. Совпадений, так и расхождений, то есть представляется первым шагом к выяснению лингвистических основ модели мира, но лишь в случае корректного установления критериев сравнения. Важно установить, происходит ли совпадение по объему и содержанию понятия, и нет ли структурной общности в категориях, представляющихся предельно далекими. После этого возникает необходимость поместить выработанную схему в конкретный ситуационный контекст. Все же, какие бы аспекты анализа ни разрабатывались, в основе остается комплекс *язык – мышление – мир* [10, с. 52–53].

В русле исследований когнитивной лингвистики процесс категоризации рассматривается И.Г. Ольшанским как когнитивная способность людей классифицировать разнообразные формы материи (предметы, явления, процессы, отношения), возможности их отображения и распознавания. В узком смысле это отнесение предмета или явления к более общему понятию (гиперониму), в широком смысле это выделение и оформление коренных понятий, категорий, систем и иерархий, объединение подобных или идентичных смысловых единиц в более крупные классы или категории [8, с. 144].

Определяя когнитивную лингвистику как постгенеративную парадигму научного знания, формирующуюся над влиянием когнитивной науки, Е.С. Кубрякова подчеркивает, что именно

зык является источником сведений о когнитивных (консигнальных) структурах человеческого сознания и интеллекта. Поэтому языковая категоризация может быть понята как изоморфия «содержательным структурам знания». Под когнитивной понимается совокупность ментальных процессов, обрабатывающих поступающую извне информацию [3, с. 52–53].

Литература

1. Берков, В. Ф. Логика : учебник для вузов / В. Ф. Берков, Я. С. Якович, В. И. Пакловская ; под общ. ред. проф. В. Ф. Беркова. – 5-е изд., стереотип. – Минск : Тетра Системс, 2001. – 416 с.
2. Бондарко, А. В. Функциональная грамматика / А. В. Бондарко // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пос. / сост. Л. Н. Чурилина. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2007. – с. 63–86.
3. Ворожбитова, А. А. Теория текста: Азропоцентрическое патраалетие : учеб. пос. / А. А. Ворожбитова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 2005. – 267 с.
4. Кинка, В. А. Философия. Исторический и систематический курс : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / В. А. Кинка. – М. : Издательская корпорация «Логос», 1999. – 352 с.
5. Кариевский, С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. О. Кариевский // Введение в языковедение : хрестоматия : учебное пособие для вузов / сост. А. В. Блинов, Л. И. Богатров, В. П. Мурат, Г. И. Рапова. – М. : Аспект Пресс, 2001. – с. 76–81.
6. Краткий словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина и проф. Ф. П. Петрова, 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Государственное издательство иностранных национальных словарей, 1950. – 454 с.
7. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Дженсон // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пос. / сост. Л. Н. Чурилина. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2007. – С. 267–293.
8. Ольшанский, И. Г. Лексикология. Современный немецкий язык: практикум = Lexikologie, Die Deutsche Gegenwartssprache: Übungsbuch : учеб. пос. для студ. лингв. ф-тов. высш. учеб. заведений / И. Г. Ольшанский, А. Е. Гусова. – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 160 с.
9. Фрумкин, Р. М. Понимание лингвистики : учеб. пос. для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. / Р. М. Фрумкин. – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 320 с.
10. Цыган, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. – 3-е изд., испр. / Т. В. Цыган. – М. : КомКнига, 2006. – 280 с.

О КРИТЕРИЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ НУЛЕВЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СУФФИКСОВ

Т.Ю. Уткина

Астраханский государственный университет

Нулевые словообразовательные суффиксы неоднократно привлекали внимание лингвистов. Однако до сих пор отсутствует единое, общепринятое понимание данного явления, что оставляет тему открытой для дальнейшего исследования.

Цель статьи – рассмотреть критерии выделения нулевых словообразовательных суффиксов.

Основной принцип выделения в слове нулевых морфем обосновал еще И.А. Бодуэн де Куртене в статье «Количественность в языковом мышлении» (1927): «В языковом мышлении мы должны принять понятие нулевого элемента... Нуль языкового мышления напоминает душу без тела. Сопоставленной с другими морфемами, обладающими отчетливым произносительно-слуховым составом, нулевой морфеме может быть свойственна морфологизация и семасиологизация» [1, с. 314]. Эту мысль великого ученого, по словам Г.А. Николаева, «можно считать непосредственной предшественницей идеи нулевых словообразовательных морфем» [7, с. 123].

Принципы выделения нулевых словообразовательных морфем и нулевых формообразующих морфем аналогичны.

Для выделения в словоформе нулевого формообразующего аффикса необходимо порождение двух рядов форм (синтагматического и парадигматического): форм слопонзменительной парадигмы (вертикальный ряд) и синонимических форм с нулевым и ненулевым аффиксом (горизонтальный ряд). Например:

Вертикальный ряд	И.п. рук-и Р.п. рук- <u>т</u> , чайник- <u>а</u> , площад- <u>ей</u>
	Д.п. рук- <u>ам</u> Горизонтальный ряд В.п. рук-и Т.п. рук- <u>ами</u> Н.п. (о) рук- <u>ах</u>
Верхний ряд	я, ты, он мок- <u>т</u> - <u>а</u> , прыга- <u>т</u> - <u>а</u> , рисова- <u>т</u> - <u>а</u>
	Горизонтальный ряд я, ты, она мок- <u>т</u> - <u>а</u> она мок- <u>т</u> - <u>а</u> мы, вы, они мок- <u>т</u> - <u>а</u>

Следует отметить, что в школьной практике к нулевым морфемам, как правило, относят только флексии.

Под нулевым (имплицитным) словообразовательным суффиксом мы понимаем материально невыраженный суффикс, несущий в себе определенное словообразовательное значение.

Первым этапом выявления в производном слове нулевого словообразовательного суффикса должно стать определение направления производности. Как справедливо указывал М.А. Михайлов, «столько предварительное определение, какой член пары следует считать исходным, а какой производным, позволяет приписать нулевой суффикс определенному члену пары» [6, с. 9]. Такое определение в словообразовательных парах, одним из членов которой является дериват с нулевым суффиксом, осложняется тем, что внешне направление мотивации никак не выражено.

По первому замечанию И.С. Удеханова, «направление мотивации устанавливается на основании семантических и формальных свойств слов, связанных мотивационными отношениями» [9, с. 22].

В Грамматике-70 предлагаются следующие критерии определения направления словообразовательной мотивации [2, с. 38]: 1) при различии лексических значений сопоставляемых слов мотивированным является то, которое характеризуется большей формальной сложностью, то есть содержит в основе большее количество вычленимых (помимо корня) звуковых отрезков; например, *лорех* – *лореханик*, *бежать* – *выбежать*; 2) при различии лексических значений этих слов и одинаковом количестве вычленимых в основах звуковых отрезков мотивированным является слово, характеризующееся большей семантической сложностью, например: *хит* – *хитрик* «хит, кто занимается хитом», *художник* – *художница* «женщина-художник»; 3) слово, не являющееся стилистически нейтральным, не может быть мотивирующим, если сопоставляемое с ним слово стилистически нейтрально.

В случаях транслитерации (в парах глагол – существительное, обозначающее отвлеченное действие, прилагательное – существительное, обозначающее отвлеченный признак), по мнению авторов Грамматики-70, мотивированным независимо от количества вычленимых в основах звуковых отрезков является существительное, поскольку действие и признак не являются его общими категориальными значениями. Что касается пар прилагательное – отрицание, общее категориальное значение которых совпадает, мотивированным признается слово, характеризующееся большей формальной сложностью [2, с. 38].

В.В. Лопатин применительно к категориям отвлеченного признака и отвлеченного действия предлагает также использовать семантический критерий для определения направления производности, основанный на сопоставлении функционально тождественных типов – суффиксальных и с нулевым суффиксом. Лопатин отмечает, что «эти категории обычно выражаются с помощью суффиксального способа; отсюда делается вывод, что и «безсуффиксальные» образования с этим значением мотивированы соответствующими глаголами и прилагательными» [4, с. 82–83]. Так, доказывает свою точку зрения В.В. Лопатин, «нам известны многочисленные суффиксальные типы существительных со значением отвлеченного признака, мотивированных прилагательными, и не известно ни одного суффиксального типа прилагательных, мотивированных существительными со значением отвлеченного признака; значит, и безсуффиксальные существи-

тельные с тем же значением мотивированы прилагательными, а не оборот (сильный – силь, глухой – глушь и т.п.)» [4, с. 83].

Следует помнить, что определение направления словообразовательной мотивации не всегда однозначно; оно находится в зависимости от множества факторов и требует индивидуального подхода в каждом конкретном случае.

Принцип выделения нулевого словообразовательного суффикса, как уже отмечалось, аналогичен принципу выделения нулевых аффиксов при словоплечении: если некоторое значение (грамматическое или словообразовательное) обычно в большинстве случаев выражается определенной морфемой (суффиксом, флексией), то при отсутствии такой морфемы и каких-либо иных формальных средств выражения этого значения можно выделять нулевую морфему, несущую то же значение» [4, с. 78].

Таким образом, нулевой словообразовательный суффикс, подобно нулевому формообразующему аффиксу, выделяется на пересечении двух рядов – горизонтального (синтагматического) и вертикального (парадигматического). Необходимо отметить, что если при словоплечении вертикальный ряд представляет совокупность форм одного слова, а горизонтальный – синонимичные образования какого-либо грамматического значения, то при словообразовании горизонтальным рядом будут являться дериваты с одинаковым словообразовательным значением, а вертикальным – дериваты, мотивированные одним и тем же словом и принадлежащие к определенному ряду словообразовательных значений, причем само мотивирующее слово, по мнению В.В. Лопатина, не вступает в парадигматические отношения. Например:

Вертикальный ряд (Сильный)	син-и-ть
	син-е-ть син-я-ть син-я-а син-я-и синь-Ø , бел-из-а, красн-от-а, белая-ость-, тиш-и-а
	Горизонтальный ряд
	син-еват-ый
	син-еват-ый
	ис-син-я
	син-и-а

Е.А. Земская, как и В.В. Лопатин, считает, что для выделения в структуре производного слова нулевого словообразовательного суффикса необходимо два условия: «1) нулевой аффикс должен иметь синонимичные ненулевые аффиксы; 2) наряду с рассматриваемым словом имеется однокоренное слово, более простое по смыслу, которое могло бы быть производным для анализируемого в том случае, если деривационное значение последнего выразилось ненулевым аффиксом» [3, с. 257]. Так, например, существительное *кума* «крестная мать по отношению к родителям крестника и к крестному отцу» [8, с. 308] образовано посредством нулевого суффикса, поскольку в русском языке существуют производные с синонимичными суффиксами (*воспитатель-ница-а, новар-иш-а, уклад-иш-а, дублер-иш-а, дворян-к-а, кашк-и-а, мочал-иш-а, пост-еж-а* и т.п.) и более простое в формально-семантическом отношении прилагательное *кум*, являющееся мотивирующим для данного деривата.

Нулевые словообразовательные суффиксы выделяются потому, что «другие формальные средства, присущие этому способу словообразования, – включение образования в другую парадигму, фонетические изменения в основе (чередования, изменения ударения) и др. – используются при суффиксации как дополнительные. Никаких иных средств, которые не использовались бы при суффиксации, здесь нет» [4, с. 78].

По первому замечанию В.В. Лопатина, «нулевой суффикс можно выделять лишь в словообразовательно мотивированных словах, с определенными словообразовательными значениями, характерными для суффиксального способа, и к тому же при отсутствии каких-либо специфических, нехарактерных для материально выраженной суффиксации, словообразовательных средств» [5, с. 395].

Изложенная в статье точка зрения на критерии выделения нулевых словообразовательных суффиксов разделяется большинством современных дериватологов, что, на наш взгляд,

является безусловным свидетельством ее «жизнеспособности». Тем не менее, данная позиция не исключает (а, возможно, даже порождает) иные взгляды на эту проблему.

Литература

1. Бодуэн де Куртене, П. А. Избранные работы по общему языковедению : в 2 т. / П. А. Бодуэн де Куртене. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – Т. 2.
2. Грамматика современного русского литературного языка. – М. : Наука, 1970. – 767 с.
3. Земская, Е. А. Словообразование // Современный русский язык : учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Браунцова, Е. А. Земская и др. ; под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1989. – 800 с.
4. Лопатин, В. В. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования / В. В. Лопатин // Вопросы языкознания. 1966. – № 1. – С. 76–87.
5. Лопатин, В. В. Проблемы нулевого словообразовательного аффикса / В. В. Лопатин // Актуальные проблемы русского словообразования : Сборник статей. – Ташкент, 1975. – Т. 143.
6. Михайлов, М. А. Вопросы морфологического анализа (проявление неделимости морфем в морфологических процессах) / М. А. Михайлов. – Варшава : Варшав, 1976. – 120 с.
7. Павлов, Г. А. Вопросы теории словообразования в трудах представителями Казанской лингвистической школы / Г. А. Павлов. – Slavia Orientalis. – 1978. – № 3.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. – М. : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2005. – 944 с.
9. Удеханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Удеханов. – 2-е изд., стереотипное. – М. : Элитариал УРСС, 2001. – 256 с.

К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ «КОМПЬЮТЕРНЫЙ ЯЗЫК» И «КОМПЬЮТЕРНЫЙ ДИСКУРС»

П. В. Шкапенко

Российский государственный университет им. Н. Коперника, г. Калининград

Как известно, понятие дискурса отличает высокая степень неопределенности и дискуссионности. Не меньшая неопределенность характеризует и понятие Интернет-дискурса, что, в первую очередь, проявляется в его терминологической неустойчивости: Интернет-дискурс, компьютерный дискурс, сетевой или электронный дискурс. Однако, при любом выборе термина, данный тип дискурса характеризует актуальное речевое действие, которое осуществляется посредством компьютерных коммуникаций и противопоставляется «тексту» – как понятие, касающемуся системы языка. Наряду с вышеуказанными терминологическими определениями «Интернет-дискурс, компьютерный дискурс, сетевой или электронный дискурс» не менее часто встречаются термины «электронный, компьютерный язык или киберязык». На наш взгляд, разграничение в выборе определения «электронный, компьютерный или сетевой» не столь важно и принципиально, поскольку практически используют синонимические определения одного и того же понятия; большее внимание, несомненно, должно быть уделено разграничению термина «компьютерный язык» и «компьютерный дискурс». В данной работе мы предпринимаем попытку ответить на вопрос об обоснованности взаимозаменяемого употребления данных терминов и границе между ними, а также о статусе компьютерного дискурса.

При изучении дискурса, как и любого естественного феномена, встает вопрос о классификации: какие типы и разновидности дискурса существуют. Самое главное разграничение в этой области – противопоставление устного и письменного дискурса. Это разграничение связано с каналом передачи информации: при устном дискурсе канал – акустический, при письменном – визуальный. Однако, с появлением опосредованного компьютером общения (ОКО) возникает новый вид дискурса. Феррара [1] называет его «interactive written discourse (интерактивный письменный дискурс)», в англоязычном обращении достаточно часто встречаются определения «talking in writing», «text-only virtual environment», «chat system», «a panel discussion in slow motion», «e-talk, wired-style, geekspeak» и некоторые другие. Некоторые исследователи [4, с. 5] предполагают, что ОКО, особенно в ее синхронной форме, бросает вызов традиционной дихотомии между письменным и устным дискурсом. Ferrara, Bruner, and Whittemore утверждают,

что «интерактивный письменный дискурс» является новым «регистром или разновидностью языка», так как демонстрирует лингвистические характеристики, обычно ассоциируемые как с письменным (формальный язык, сложные предложения, наличие стратегий редактирования), так и с устным дискурсом (пропуски артиклей или местоимений). По их мнению, в зарождающемся дискурсе наблюдаются достаточно устойчивые инновационные нормы, которые «способны оказать влияние или даже вытеснить традиционный письменный стиль» [4, с. 30–34].

Mittau [5], исследуя синхронную электронную коммуникацию, также утверждает, что «компьютерный разговор обретает как письменный, так и устный дискурс». То есть, большинство исследователей склоняется к мнению о том, что появился новый гибрид письменной и устной речи. Наиболее обоснованный ответ на вопрос о соотношении устного, письменного и компьютерного дискурсов представлен, на наш взгляд, в книге Д. Кристал «Язык и Интернет» [3]. Как известно, устная и письменная речь имеют свои собственные отличительные черты. Д. Кристал представляет их в сводной таблице, составленной на основе данных энциклопедии «The Cambridge Encyclopedia of the English language». В обобщенном виде эти отличия сводятся к тому, что речь (устный дискурс) ограничена во времени, спонтанна, интерактивна, свободна по структуре, может по ходу корректироваться, просодически богата, участники находятся в непосредственном контакте друг с другом. Письмо ограничено в пространстве, продумано и тщательно структурировано, визуально деконтекстуализировано, имеет адресата, то есть фактически коммуникативно, может корректироваться путем повторного написания, богато с графической точки зрения. Исследуя каждый жанр ОКО на предмет наличия/отсутствия отмеченных особенностей, Д. Кристал приходит к выводу: Netspeak – это нечто гораздо большее, нежели простое слияние устного и письменного дискурса, так как ему одновременно свойственны те черты, которых не имеет ни один, ни другой. Характеризуя новое явление, Д. Кристал замечает, что попытка категоризации нового явления в рамках традиционной дихотомии неостоятельна [3, с. 47]. В целях объяснения сути Netspeak, Д. Кристал прибегает к метафоре, предложенной Н. Барон [1], характеризующей новое явление как «китцлар», поскольку оно соединило «речь, письмо и особенности электронных средств общения». То есть, по мнению данных авторов, традиционная дихотомия должна быть расширена до трихотомии: язык – речь (устный и письменный дискурс) – компьютерный дискурс.

Однако, если место компьютерного дискурса по отношению к его традиционным формам: устному и письменному можно признать вполне определенным, то вопрос об обоснованности употребления термина, содержащего характеристику «языка» – компьютерный, электронный язык (computer, electronic language) остается открытым. Можем ли мы с такой же степенью уверенности говорить о возникновении собственного языка интернет-пользователей? Как известно, языковая система включает в себя определенный набор фонетических, морфологических, лексических и синтаксических характеристик. Рассмотрим в общих чертах, насколько же изменился данный набор в условиях существования нового средства общения, опираясь на данные уже предпринятых лингвистических исследований. Столь весомы ли эти изменения, чтобы можно было говорить о возникновении собственного языка Интернет-пользователей? Что касается фонетики, то, несомненно, на лицо новые, изобретенные интернет-пользователями фонемно-графические соответствия, в которых, в первую очередь, преобладает иконическая фонологическая изобразительность. К примеру, типичной стала запись целых слов в английском языке с помощью отдельных букв или цифр, что название дублирует их фонологически. Исследователи отмечают почти маниакальное стремление у пользователей часто достигать аудио-визуальных эффектов в письме, передавать графически различные произносимые звуки, шумы и т.п. Обширно использование в передаче звуков, слов или целых фраз креолизованных жестов, акронимов, эмотиконов, – то есть системы, казались бы, несильных фонемно-графемных соответствий претерпела в Интернете огромные изменения. Не вызывает сомнения, что грамматика и синтаксис в ОКО подверглись значительному упрощению, не говоря уже о пунктуации, которая либо опускается, либо выполняет абсолютно новые для нас функции – замены паранервных средств общения. Что касается изменений на лексическом уровне, то одной из самых ярких тенденций практически всеми исследователями (как в англоязычном, так и в русскоязычном Интернете) отмечается влияние компьютерного жаргона (особенно на начальном этапе становления Интернета), а также прогрессирующий рост употребления разговорной и вульгарной лексики. Таким образом, даже беглый взгляд на собственно языковые характеристики ОКО дает основание говорить о том, что в сети изменились не только собственно дискурсивные характеристики, но и в значительной степени видоизменились или модернизировались системные языко-

вые характеристики. Следовательно, использование терминов «компьютерный, электронный или киберный» можно признать вполне обоснованным.

Таким образом, является вполне «мелким», что использование в сочетаниях «компьютерный, электронный, или кибер...» как термина «язык», так и термина «дискурс» является вполне обоснованным. Проблема состоит лишь в том, что многие исследователи используют данные термины практически как синонимичные, взаимозаменяемые, не принимая во внимание их четких категориальных различий. К примеру, М. Коллот и Н. Белмор, говоря о том, что электронный язык (electronic language) имеет набор определенных характеристик, которые отличают его от всех других разновидностей английского, поясняют далее: «сообщения, отправляемые по Интернету, не являются ни «устными», ни «письменными» в обычном смысле этих слов...», усложнив их продуцирование «исключают использование традиционных для письма стратегий планирования и редактирования» [2, с. 3]. Абсолютно очевидно, что такого рода аргументация может относиться только к характеристике нового вида дискурса, и не имеет отношения к собственно языку, как это декларируется авторами. Такого рода категориальная путаница является характерной и распространенной и для многих других авторов, использующих термины «компьютерный язык» и «компьютерный дискурс» как своего рода синонимы, хотя не вызывает сомнения, что выбор соответствующего термина должен зависеть от характера объекта предпринимаемых исследований.

Занимающая умы огромного числа исследователей проблема категоризации «компьютерного дискурса» может, на наш взгляд, быть решена за счет признания противоречия между формой, в которой осуществляется ОКО и выполняемой им функцией. По своей форме ОКО представляет собой письменные тексты, однако, по выполняемой функции, представляет собой межличностную коммуникацию, что и обуславливает его близость к устной речи. То есть, на наш взгляд, корректнее было бы говорить не о машинном компьютере на язык в сторону его «электронизации», а на обеспечение компьютером технической возможности выполнять новую функцию – обеспечивать дистанционное общение участников в реальном режиме времени.

Литература

1. Baron, N. S. *Alphabet to email* / N. S. Baron. – London : Routledge 2000.
2. Collot, M. N. Helmore. *Electronic language: a new variety of English* / M. N. Collot. – 1993.
3. Crystal, *Language and the Internet* / Crystal. – Cambridge, 2001
4. Ferraro, K. *Interactive written discourse as an emergent register* / K. Ferrara, H. Haunier, G. Whittemore / *Written Communication*, 1991. 8–34.
5. Murray, D. E. *The context of oral and written language* / *Language and Society*. 1985. 351–373.

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКЦЕНТРИЧЕСКИХ КОМПОЗИТОВ (на материале английского языка)

Н.А. Шток

Российский государственный университет им. Н. Коптева, г. Калининград

Появление сложных неологизмов связано с появлением новых сложных реалий, требующих усложненных форм фиксации в языке, а стремление к большей выразительности становится основанием для привлечения метафоры для их образования. Традиционная двумерностная модель (источник-цель) метафорического проецирования не позволяет в полной мере отразить процесс соединения двух смыслов при образовании новых композитов. Значение таких единиц, как *acid head (a user or addict of the hallucinogenic drug LSD)*, не есть сумма значений отдельных элементов "acid" + "head", а интеграция этих значений в единое, четко оформленное целое. По мнению Е.С. Кубряковой, согласование смыслов происходит при естественной их совместности, для чего необходимо когнитивное связывание (cognitive linking) [1, с. 455].

По мнению многих исследователей, в основе когнитивного связывания двух различных доменов лежит процесс концептуальной интеграции. При этом центральный инференциальный смысл обеспечивается исходными пространствами по отдельности, а только при их совмещении в процессе интеграции. Согласно модели Ж. Фейербаха и М. Торнера, концептуальная интеграция представляет процесс творческого соединения информационных элементов в системе ментальных про-

пространств (*mental spaces*). Под ментальными пространствами при этом понимаются концептуальные пространства, состоящие из определенных элементов и отношений между ними, которые образуются в процессе мышления и говорения, с целью обеспечения лучшего понимания сказанного [5, с. 40].

Понятие ментального пространства во многом схоже с понятием когнитивной модели: и то и другое соотносится с различными областями реального или вымышленного мира. Однако в своих ранних работах Фоккене находит об отличии ментальных пространств от когнитивных моделей, которое заключается в том, что когнитивные модели представляют собой относительно постоянные и неизменные структуры знаний, тогда как ментальные пространства представляют собой преходящие структуры знаний, возникающие в реальное время (*on-line*) [4, с. 34].

В рамках теории концептуального слияния также подчеркивается интеграционность, то есть креативный характер построения значения. Языковое значение всегда динамично, активно и возникает в синонимичных многочисленных и весьма трудно прогнозируемых связях, проекциях и интеграциях ментальных пространств, создаваемых в ходе дискурсивной деятельности [2, с. 52].

Моделирование процесса концептуальной интеграции происходит в несколько этапов:

- 1) построение исходных ментальных пространств обоих компонентов сложного высказывания;
- 2) операция межпространственного картирования, в ходе которой устанавливаются соответствия между исходными пространствами;
- 3) построение родового пространства представляющее собой особый координирующий механизм, содержащий общие для исходных пространств структуры и элементы;
- 4) избирательная интеграция структур и элементов исходных пространств для создания независимого смешанного пространства – бленда, несущего результирующую смешанную структуру. Интеграция является избирательной, поскольку не все элементы исходных пространств проецируются в бленд;
- 5) выявление роли метафоры при совершении операций соединения, завершения и уточнения при образовании новой структуры бленда.

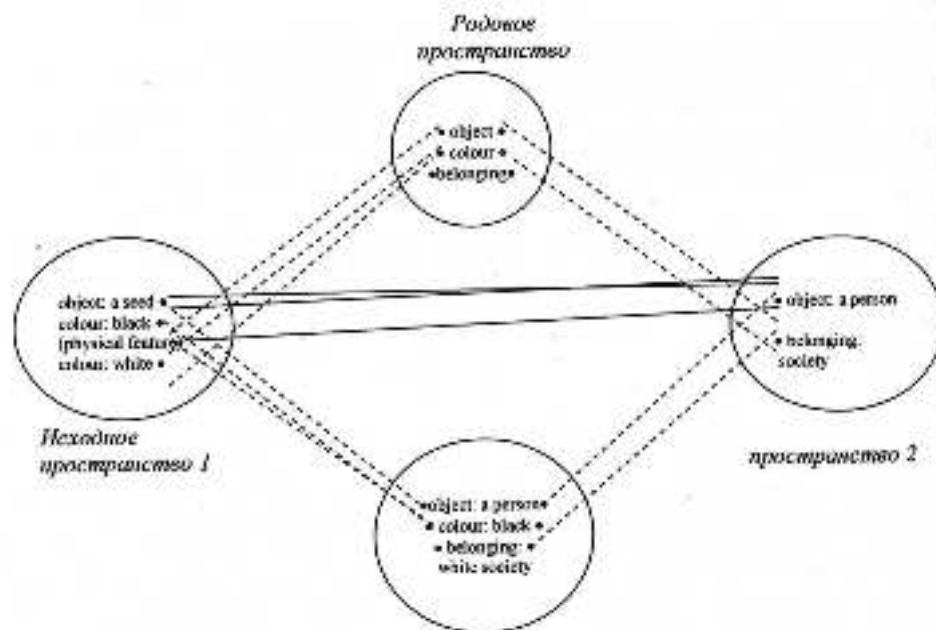

Рис. 1.

Модель концептуальной интеграции при формировании значения сложного метафоризма "black head"

Рассмотрим процесс интеграции на примере формирования значения сложного *cross-cultural* *social head* – a black person who adopts white cultural characteristics. Значение данного комплекта не сводится к сумме значений его компонентов, но представляет собой результат метафорической интеграции исходных ментальных пространств. Согласно Бауэру, данный тип комплекта называется экзосентрическим [3, с. 30]. Первое исходное пространство данного комплекта представлено фреймом значения "social", а второе в виде фрейма значения "head".

Специфика метафорического проецирования в первом исходном пространстве "social" состоит в том, что оно сопровождается элиминацией всех слотов исходникового домена за исключением одного – «предмет», на который и направлено проецирование. Темная и светлая части кожосового ореха выступают в качестве двух основных признаков, составляющих содержание слотов «цвет» первого исходного пространства. Именно они провоцируют выделение во втором исходном пространстве соответствующего слота «принадлежность».

При помощи операции межпространственного проецирования устанавливается соответствие между эквивалентными элементами исходных пространств на основе отношений идентичности (наличие идентичного слота): концептуальное содержание слота «объект» – "region", второго исходного пространства становится концептуальным содержанием слота «объект» первого исходного пространства. Также устанавливается соответствие между слотом «цвет: внешность» первого исходного пространства и слотом «объект» второго исходного пространства. В результате чего концептуальное содержание слота «объект» получает дополнительное значение «черного цвета». Затем общий для исходных пространств слот проецируется в новое интегрированное пространство со значением «чернокожий человек». Слот «принадлежность: общество» второго исходного пространства, принимает содержание слота «цвет» ("white") первого исходного пространства, которое подвергается метафорическому осмыслению, и проецируется в бленд со значением «общество белыхых людей», а также обобщается новым содержанием, указывающим на принятие чернокожими человеком устоев чуждого ему общества. Таким образом, слот "belonging" интегрирует содержание слотов обоих исходных пространств "belonging" и "white" и также специфицируется с помощью комплекта "cultural characteristics".

Таким образом, в процессе построения бленда происходит выполнение ее слотов новым концептуальным содержанием и метафорическое переосмысление этой структуры, то есть она переносится на конкретизацию второй сцены.

Анализ конструирования значения новых сложных слов в рамках теории концептуальной интеграции доказывает, с одной стороны сложность и динамичность данного процесса, а с другой стороны, позволяет сделать вывод, что в основе данного процесса лежат константные концептуальные модели.

Литература

1. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова / Рос. Академия Наук, Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. Петрович, Ю. В. Когнитивные основы образования новых фразовых глаголов в современном английском языке: дис. ... канд. филологических наук / Ю. В. Петрович. – М., 2004.
3. Bauer, L. English word-formation / L. Bauer. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
4. Fauconnier, G. Mental Spaces / G. Fauconnier. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
5. Fauconnier, G. The way we think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – NY: Basic Books, 2002.

ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ПЕРСОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА СЕМАНТИКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Н.Ю. Яськова

Национальный австрийский университет, г. Вена

Для выяснения национальной специфики лингвистических способов отображения и категоризации действительности необходимо исследование универсальных функционально-синтаксических категорий, которые являются базовыми в процессе языкового познания мира. К

такому типу категорий относится персональность, план выражения которой включает языковые единицы многих уровней (свистковического, морфологического, лексического).

В языковании существуют разногласия в трактовке сущности этой категории. Одни ученые не считают персональность компонентом предикативности, обязательным свойством предложения (Н.Ю. Шведова). Другие отмечают, что персональность свойственна любому предложению (А.В. Богдарко, Г.А. Золотова, М.Я. Шюш). Релевантным считается персональный статус только субъекта предложения (Ю.С. Степанов, Г.А. Золотова) или отношение к лицу всех участников обозначаемой ситуации (Р. Якобсон, А.В. Богдарко).

Категория персональности характеризует учетников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации общения и конкретизирует их в пространстве и времени. Она тесно связана с видением мира и его организацией, выступает одной из базовых категорий, которые участвуют в формировании высказывания. Персональность является частью системы ориентиров человека в мире, где исходной точкой (зоной) в пространстве и времени является ситуация общения. Собственное Я воспринимается человеком как самый определенный, известный, индивидуализированный субъект действия, который, однако, имеет и внутреннее пространство. Оппозиция «I лицо», которая четко прослеживается в категории персональности, отображает деление концептуального мира на Я (субъект познания) и Не-Я (объект восприятия, окружающий мир), что предопределяет особый статус в языке первого лица, семантическую уникальность местоимения я. Я (субъект предложения) является центром семантического поля персональности, которому противопоставляется инперсональность, полная неопределенность субъекта действия.

Семантика лица может выражаться в связи с субъектным, объектным значением, семантикой possessивности, активности/пассивности, определенности/неопределенности, темпоральности и логативности.

Характерной чертой 3-го лица является его неучастие в коммуникативном акте. Однако потенциально, в случае принадлежности объекта сообщения к категории лиц, он может быть вовлечен в коммуникативно.

В предложении разные аспекты отношения к лицу неравноценны с точки зрения структурной, семантической необходимости и роли в категоризации языковой картины мира. Отношение к лицу субъекта предложения является ведущим по сравнению с персональным статусом объекта. На выражение персонального статуса субъекта ориентированы в украинском языке грамматические формы лица глагола. Как подчеркивает А. Вежбицкая, грамматические категории отображают систему значений, которые на полсинтаксическом уровне считаются особенно важными в определенном языке [1, с. 44]. Следовательно, отношение к лицу субъекта предложения в украинском языке можно квалифицировать как необходимое для интерпретации, конкретизации и категоризации действительности и осознания места и функций в этой действительности человека. Подтверждение важности выражения отношения к лицу субъекта можно видеть и в том, что эта семантика, как и в русском языке, часто дублируется несколькими компонентами высказывания, например семантикой субъекта-подлежащего и значением, грамматической формой предиката-сказуемого. Однако комплексное изучение персонального плана предложения не может ограничиваться описанием отношения субъекта к ситуации коммуникации. Необходимо определение персонального статуса объекта, хотя он тесно связан с персональной характеристикой субъекта и предиката.

Специализированными единицами для обозначения говорящего и собеседника являются соответствующие местоимения *я*, *ты*. Я говорящего выступает центром категории, «полосом индивидуальности в высшей степени», и язык «постоянно оперирует этим полюсом как мерой индивидуальности имен, субъектов предложений и соответственно их предикатов» [5, с. 81, 88]. Вершинность 1-го лица в семантике персональности признается универсальным явлением, свойственным языкам разных типов.

Наиболее определенным является Я-субъект, выраженный соответствующим местоимением в именительном падеже. Говорящий выступает субъектом действия и в предложениях с подлежащим *мы*. Однако в таком случае он является не единственным исполнителем действия, определенность субъекта размывается. *Мы* указывает на неопределенное количество субъектов, один из которых говорящий. Другие могут быть лицами, которые участвуют или не участвуют в акте коммуникации.

Для обозначения 3-го лица, которое находится за пределами коммуникативной ситуации и является объектом сообщения, укрещаются все существительные и местоимения *він, вам, мой, хтось* и т.п. Сфера 3-го лица наиболее неоднородна. Для определения персонального статуса субъекта и объекта важной является их принадлежность к классу людей, в целом существ, конкретных предметов, степень определенности, способ языковой интерпретации ситуации действительности с точки зрения выражения субъектно-объектных отношений.

Персональная семантика выражается в украинском языке на уровне лексики и грамматики. Персональный статус субъекта и объекта зависит не только от принадлежности существительного к определенному лексико-семантическому классу, но и от грамматических значений падежа и числа. Падежные словоформы играют существенную роль в выражении субъектно-объектных отношений, могут выражать разные виды семантики субъекта и объекта, зависят от семантических и грамматических параметров предиката и, безусловно, участвуют в выражении отношения к лицу участников обозначаемой предложением ситуации. Например, зательный падеж существительного всегда соотносится с адресатом высказывания. Значение второго лица, вытекающее из подробностей речевой ситуации, воплощается в специализированной грамматической форме, введение которой в структуру предложения делает обязательной форму Ты-субъекта и оставляет «за кадром» Я-субъект [4, с. 27].

Существует определенная зависимость между семантикой предиката и персональной характеристикой субъекта и объекта, выражением инперсональной семантики. Среди семантических параметров предиката, релевантных для выражения персональной семантики, следует учитывать способность сочетаться с субъектами, объектами определенного типа. При этом значение имеет не только соотносительность глагола с определенным типом действительных классов имен («оследа», «животини», «растения» и тому подобное), хотя это, несомненно, влияет на формирование личной парадигмы глагола. Например, негомональным глаголам, то есть глаголам не связанным с деятелем-человеком, в прямом смысле не свойственны формы I-го и II-го лица, которые указывают на участников коммуникации. Существенным представляется выражение глаголами специфической семантики только с определенным персональным типом субъекта. Например, только с субъектом Я предикат может обнаруживать собственно перформативное значение. В предложениях с предикатами эмоционального или ментального состояния только в отношении I-го лица можно говорить о констатации состояния человека. Замена субъекта первого лица на другую изменяет семантику предиката [6, с. 8; 3, с. 136–141].

Выражение персональной семантики в предложении связано с противопоставлением активности и пассивности. Предложение может по-разному интерпретироваться ситуационно, учитывать определенность и синтаксическую позицию субъекта, наличие, семантику и синтаксическую функцию объекта и соответствующие характеристики предиката: *Журналіст написав статтю – Статтю написав журналіст – Статтю написав*. Превращение активных конструкций в пассивные вызывает снижение коммуникативного ранга основного участника ситуации – субъекта действия [2, с. 244] и изменение его персонального статуса.

Определение способа языковой интерпретации ситуации действительности с точки зрения персональности/инперсональности возможно при условии выяснения онтологической сущности соответствующей языковой категории, систематизации и уточнения лингвистической терминологии, которая касается категории персональности; определения ее структуры и границ, отношений с другими языковыми категориями, средств и механизмов оформления персонального плана предложения. Отношение к лицу участников обозначаемой ситуации выражается через взаимодействие лексической и грамматической семантики предиката, субъекта и объекта. Изучение персонального плана предложения необходимо для уточнения парадигмы простого предложения с учетом модификации персональной семантики, а также установления соотношения между персональной характеристикой и коммуникативным статусом участников ситуации, о которой сообщается.

Литература

1. Визбичка, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Визбичка. – М.: Язык русской культуры, 1999. – 780 с.
2. Вихованець, І. Теоретична морфологія української мови: Академ. граматики укр. мови / І. Вихованець, К. Геродесська; за ред. І. Вихованця. – К.: Унів. вид-во «Луганськ», 2004. – 400 с.

3. Падучев, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референтальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 288 с.
4. Пшоц, М. Я. Категория падежа в семантико-синтаксической структуре предложения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. Я. Пшоц. – К., 1983. – 48 с.
5. Степанов, Ю. С. Имена, предикаты, предложения (Семантическая грамматика) / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 358 с.
6. Степанов, Ю. Пространства и миры – ономийе, «воображаемый», «ментальный» и прочие / Ю. Степанов // Философия языка : в границах и вне границ. – Х. : Око, 1994. – Т. 2. – С. 3–18.
7. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залогность / под ред. А. В. Бондарко, Т. В. Булыгина, Н. Б. Вакани. – СПб. : Наука. С.-Петербургское отделение, 1991. – 670 с.
8. Якобсон, Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Приемы типологического анализа языков различного строя / Р. О. Якобсон. – М. : Наука, 1972. – С. 95–113.

**ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Ю.И. Бокатины

Филолог Самарского государственного университета путей сообщения

Формирование лингвистического мировоззрения учащихся – одна из важнейших задач преподавания русского языка в современной школе. Основным компонентом лингвистического мировоззрения является идея развития языка. Необходимостью формирования у учащихся представления о языке как объективно существующей коммуникативной системе продиктована актуальность проблемы обращения к историческому комментированию в процессе обучения школьников русскому языку.

Цель статьи – выявить специфику исторического комментирования в аспекте методики преподавания русского языка и речеведения, раскрыть его роль в формировании лингвистического мировоззрения учащихся.

Историческое комментирование является основным средством реализации принципа историзма в процессе обучения школьников русскому языку. Идея развития, получившая широкое отражение во всех областях знания, обусловила актуальность принципа историзма, который рассматривается в наукознании как общенаучный принцип познания. В педагогических дисциплинах он определяет направление изучения от факторов образования к особенностям объектов и явлений, к способу изложения знания. Принципы историзма в методике преподавания русского языка придерживались Ф.И. Булаев, И.И. Срезневский, К.Д. Ушинский, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов и др. М.Т. Баранов определяет историзм для методической науки как специальный общеметодический принцип, предполагающий учет исторических изменений, сохранившихся в той или иной форме в современном литературном языке [2, с. 138].

Специфика исторического комментирования как приема обучения русскому языку во многом обусловлена особенностями диахронического анализа (см. труды Р.А. Булагова, В.А. Звегинцева, В.М. Жирмунского, Э. Косериу, Е.С. Кубряковой, Э.А. Махаева, А.А. Реформатского, Б.А. Серебрянникова, Р.О. Якобсона и др.), который является его лингвистической основой и способствует пониманию того, как сложилась языковая система и каковы особенности функционирования языка во времени.

Обобщая положения, представленные в концепциях М.Т. Баранова, А.И. Власенкова, В.В. Иванова, С.И. Львовой, А.В. Текучева, Н.М. Шацкого и др., мы рассматриваем историческое комментирование как прием обучения русскому языку, основная цель которого – формирование лингвистического мировоззрения учащихся путем организации их деятельности по раскрытию диахронических свойств лингвистических явлений. Данный прием обучения способствует рассмотрению языковой системы как «средства хранения и усвоения знаний, средоточия духовной культуры народа, основной формы проявления национального и личностного самосознания, открывает широкие возможности для изучения «жизни языка» в его индивидуальных и онтологических проявлениях» [1, с. 6–7].

Очевидно, что историческое комментирование реализует общеобразовательную и прикладную функцию (см. труды Н.М. Шацкого). Оно является источником знаний о языке, основой формирования у школьников осознанных учебно-языковых и правописных умений и навыков. В зависимости от типов содержания обучения русскому языку мы выделяем три разновидности исторического комментирования: историческое комментирование лингвистических фактов, историческое комментирование лингвистических понятий, историческое комментирование лингвистических закономерностей.

В методике преподавания русского языка под лингвистическими фактами понимаются отдельные языковые явления, выпадающие из той или иной общей системы [2, с. 135]. Историческое комментирование лингвистических фактов представляет собой объяснение происхождения конкретных звуков, морфем, слов и фразеологизмов, грамматических форм и т.д. Его можно использовать при работе над ошибками, при проведении словарно-орфографической

работы, при анализе художественного текста. Приведем пример исторического комментирования данной разновидности:

«Обратите внимание на исказное местоимение себя. Проклоним его: себя, себя, себя, собой, о себе. Вы заметили, что в корне этого слова в творительном падеже пишется гласный о, а в остальных случаях – гласный е? Можно ли объяснить, почему мы пишем е? История языка станет для нас ключом к пониманию этой лингвистической загадки.

В творительном падеже мы пишем о (собой), потому что тот же корень соб- возник в древнерусских словах: собъ со значением «собственность», собство со значением «особенная, отличительная черта (отличающая данное лицо от другого)», собина со значением «описание». В древнерусском языке и в других падежах местоимения себя писалось о, например: собѣ, себе. Там же появился гласный е в середине этого слова? Гласный е на конце слова себе оказался весьма сильным и влиятельным, что гласный о в середине местоимения, решив стать подобным на вид, поменял свой облик, изменил свое качество и тоже превратился в «е».

Выявляя специфику исторического комментирования лингвистических понятий, необходимо отметить, что под понятием понимается «совокупность существенных признаков предметов, явлений, добытых людьми в процессе познания мира, в результате абстрагирования, обобщения» [2, с. 55]. Историческое комментирование лингвистических понятий имеет более абстрактный характер, чем комментирование фактов. Его цель – формирование у школьника лингвистического мировоззрения на основе знакомства с происхождением лингвистических понятий и выявления изменений в их содержании. Приведем пример исторического комментирования лингвистического понятия:

«Термин частица был введен еще языковедами XVIII столетия, прежде всего, М.В. Ломоносовым. В то время понятием частица охватывались все служебные части речи: предлоги, союзы, собственно частицы в их современном понимании. Таким образом, служебные части речи назывались частицами речи и противопоставлялись частям речи.

Однако, как мы знаем, предлоги, союзы и собственно частицы различаются по своим функциям, поэтому такое толкование понятия частицы речи не было точным. Постепенно понятие частица получило более узкое значение. Оно стало характеризовать особый класс служебных слов, которые выполняют в речи свои, особые, по сравнению с предлогами, союзами, функциями. В настоящее время частица – это служебная часть речи, которая вносит различные оттенки значения в предложение или служит для образования наклонений глагола.

В философии под закономерностью понимается объективно существующая, повторяющаяся, существенная связь явлений [3, с. 195]. Историческое комментирование лингвистических закономерностей направлено на установление диахронических свойств явлений более конкретного характера, чем историческое комментирование лингвистических понятий. По отличие от исторического комментирования лингвистических фактов оно направлено на выявление взаимосвязи между несколькими лингвистическими явлениями. Приведем пример исторического комментирования лингвистической закономерности:

«Рассмотрим сочетания количественных числительных два, три, четыре с существительными. Например, два дома, три березы, четыре стола. Как определить падеж и число имени существительного? Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к истории русского языка.

В древнерусском языке наряду с единственным и множественным числом существовали формы двойственного числа. Они употреблялись в сочетании с числительными два, двенадцать, со словами пара, оба, при обозначении предметов, составляющих пару (руки, глаза, уши). Поэтому раньше в сочетании два дома существительное дома было формой именительного – винительного падежа двойственного числа. Скоро эта форма существительного распространилась и на сочетании с числительными три, четыре. Поэтому в древнерусском языке в сочетании три березы существительное березы было формой именительного – винительного падежа двойственного числа, в сочетании четыре стола существительное стола было формой именительного – винительного падежа двойственного числа. Однако через некоторое время двойственное число исчезло в русском языке. А форма именительного – винительного падежа двойственного числа (дома, березы, стола) стала восприниматься как форма родительного падежа единственного числа, тем более что морфологически они совпадали. Сравним: нет чего? дома (род. п., ед.ч.), нет чего? березы (род. п., ед.ч.), нет чего? стола (род. п., ед.ч.). Таким обра-

дом, в сочетании два дома, три березы, четыре става существительные дома, березы, става стоят в форме родительного падежа единственного числа.

Запомним, что в сочетаниях количественных числительных два, три, четыре с существительными имен существительное находится в форме родительного падежа единственного числа.

Историческое комментирование имеет коммуникативную природу, что обуславливает целесообразность рассмотрения его как особого типа высказывания научно-учебного подтипа. Историческое комментирование включается в другие речевые жанры, отдельные информационные компоненты которых подлежат объяснению, функционирует как в устной, так и письменной форме, выражается в различных композиционных формах в зависимости от характера экстралингвистических факторов: от вида и цели урока, характера адресата, специфики лингвистического материала и т.д. Данный тип высказывания представляет собой результат педагогической интерпретации научного текста. Следовательно, обращение учителя к историческому комментированию в процессе обучения школьников русскому языку предполагает владение педагогом умениями осуществлять методический анализ содержания научного текста, в котором рассматриваются явления языка в их историческом развитии, и преобразовывать его в новое научно-учебное речевое произведение, актуальное для процесса учебной коммуникации на уроках русского языка.

Таким образом, историческое комментирование является одним из особых видов деятельности учителя и учащихся, специфика которого определяется, в первую очередь, задачами формирования лингвистического мировоззрения школьников, осуществляющегося через отношение к языку как развивающемуся явлению. При помощи этого приема обучения школьники могут осознанно подойти к объяснению современных лингвистических фактов, понятий и закономерностей. Кроме того, историческое комментирование является важной единицей учебного общения и представляет собой особый тип высказывания научно-учебного подтипа.

Литература

1. Зайцева, О. Н. Реализация принципа историзма / О. Н. Зайцева // *Образование в современной школе*. – 2002. – № 4. – С. 5–11.
2. *Методика преподавания русского языка* / под ред. М. Т. Баранова. – М.: Просвещение, 1990. – 368 с.
3. *Философский энциклопедический словарь*. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ

С.А. Вербицкая

Белгородская государственная сельскохозяйственная академия

В современной общественно-политической жизни наблюдается обострение различных по уровню, содержанию и масштабу противоречий – об этом открыто говорят государственные деятели, политики, социологи, представители самых различных сфер жизни и деятельности: бизнес, экономика, образования, искусства, науки и культуры. К числу таких противоречий относятся геополитические, межнациональные, этнические, экологические, ценностные, религиозно-нравственные и многие другие. Нетерпимость превратилась в одну из глобальных проблем современного мира [1].

Поэтому в условиях обострения большого числа противоречий актуально философское осмысление путей достижения согласия, а также их закрепление в виде законодательных актов, деклараций, межгосударственных и общемировых соглашений, и что более важно, закрепление в виде системы ценностей, в основе которой лежат такие общие термины как консенсус(согласие), компромисс, взаимоприемлемость, а также терпимость, прощение, неспасение, сочувствие, понимание, сопереживание, взгляд на окружающий мир глазами другого человека.

Политика и программы в области образования должны способствовать улучшению взаимопонимания, укреплению солидарности и терпимости в отношениях, как между отдель-

ными людьми, так и между этническими, социальными, культурными, религиозными и языковыми группами, а также нациями [2].

В современных условиях остро встал такой вопрос, как международный терроризм, приносящий неисчислимые беды и проблемы, и успешная борьба с ним предкладывает развитие таких мыслительных стратегий деятельности, которые включают в качестве основных такие категории как соглашение, учет интересов сторон, поиск взаимоприемлемых решений и другие.

Все перечисленное выше целесообразно объединить и обозначить термином «толерантность», широко распространенным и употребляемым словом латинского происхождения. Толерантность есть особая форма выражения субъектами своего отношения к окружающему миру в единстве всех его проявлений, предполагающая ту или иную форму согласия, основанного на всестороннем многоплановом анализе существенных связей и отношений зависимости между объектами, процессами и явлениями.

С точки зрения педагогических позиций толерантность может рассматриваться, с одной стороны, как средство достижения поставленных воспитательных и образовательных задач, а с другой – как одна из целей процессов воспитания и обучения. Процесс формирования у студентов вуза культуры толерантности будет протекать более эффективно при реализации комплекса педагогических условий: использовании делового иностранного языка в качестве основы для обогащения знаний студентов о культуре толерантности, и обогащении опыта толерантного общения при помощи использования международной сети Интернет.

Методическими механизмами реализации первого условия являются: разработка и реализация спецкурса «Деловая коммуникация». Целью спецкурса являются обогащение знаний студента вуза о толерантности, преодоление стигматизации по отношению к представителям других этнокультур и принятие ценностного плюрализма путем тематизации национально-культурных и общечеловеческих ценностей культурных субъектов как актуальных в рамках делового общения.

Задачи спецкурса:

1) ознакомление студентов с понятиями «культура», «межкультурная деловая коммуникация», в т.д.;

2) ознакомление студентов с содержанием понятий «толерантность», «межкультурная толерантность», выяснение взаимосвязи данных понятий.

3) расширение и углубление знаний, умений и навыков студентов в усвоении, накоплении и интерпретации ценной информации, расширение знаний норм и правил, которые регулируют взаимоотношения представителей различных культурных общностей, а также способность применять их к конкретным обстоятельствам, во взаимных интересах к общему удовлетворению.

4) развитие навыков и способностей студентов вуза к адекватному поведению в иной культурной среде, а также способности к эффективному деловому взаимодействию на основе уважения и доброжелательности.

5) расширение знаний родной культуры в терминах, понятных для членов международных сообществ, а также знаний о прогнозировании, предотвращении и способах разрешения вероятных межкультурных конфликтов на межличностном уровне.

6) развитие умений правильно оценивать вербальное и невербальное поведение других культурных общностей на основе полученных социокультурных знаний.

Следующим педагогическим условием обогащения опыта толерантного общения студентов является использование ресурсов международной сети Интернет. Организация межкультурной коммуникации на основе использования Интернет является уникальной возможностью в том отношении, что она создает реальную языковую среду. Включение студентов в виртуальную межкультурную коммуникацию создает не только мотивационную базу для языковых поисковых действий, но и формирует подлинную потребность в общении с носителями языка, своими сверстниками.

Использование преподавателем описанных выше методических механизмов реализации предложенных условий делает обучение более комфортным: студенты не боятся негативной оценки, приобретают уверенность в себе, возрастает объем усваиваемого ими материала, растет их познавательная активность и самостоятельность, меняется характер взаимоотношений между ними, возрастает сплоченность, при этом само – и взаимоуважение растет одновременно с критичностью, способность адекватно оценивать себя и других, студенты приобретают важнейшие коммуникативные навыки.

Таким образом, формирование культуры толерантности студентов в условиях существующей системы иноязычной подготовки в вузе может быть обеспечено путем разработки и реализации следующего комплекса педагогических условий:

- разработки и реализации спецкурса «Деловая коммуникация» на базе аспекта «Деловой иностранный язык»;
- обогащение опыта толерантного общения студентов на основе использования ресурсов международной сети Интернет.

Литература

1. Бадмаева, С. В. Формирование толерантной личности в поликультурном образовательном пространстве / С. В. Бадмаева // *Независимая школа*. – 2006. – № 6.
2. Декларация принципов толерантности. – Париж, 1995.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

Н.В. Демьяненко

Тамбовский педагогический университет

В методической литературе последних лет очень широко освещается вопрос о самостоятельной работе студентов. Авторами опубликованных трудов самостоятельная работа студентов определяется по-разному. А именно: как метод обучения, как прием обучения и как форма учебной деятельности.

Что касается авторов данной статьи, то мы бы определили самостоятельную работу студента (СРС) как форму организации учебной деятельности.

Многие исследователи пытаются объяснить сущность самостоятельной работы. В этом вопросе нет единой точки зрения, и разные специалисты видят сущность СРС по-разному [7, 8]:

- сущность СРС объясняется характером выполняемых заданий, значением этих заданий для развития личности, качеством достигнутых ею результатов;
- для выявления сущности СРС необходимо определить ее место среди других форм учебной работы в вузе;

- самостоятельная работа студента обладает такими признаками, как самостоятельное приобретение и глубокое осмысление новых знаний, установление самими студентами ритма работы и дистрибуции времени на изучение поставленных вопросов.

Мы придерживаемся последней точки зрения и считаем, что самостоятельная работа студента – это форма организации учебной деятельности, сущность которой заключается в том, что студенты самостоятельно приобретают и осмысливают новые знания, сами определяют для себя ритм работы и распределяют время на изучение поставленных вопросов.

Следует упомянуть, что самостоятельная работа студента развивает такую черту личности как самостоятельность. Современный словарь по педагогике трактует самостоятельность как умение поставить определенную цель, настойчиво добиваться ее выполнения собственными силами, ответственно относиться к своей деятельности, действовать при этом сознательно и инициативно не только в знакомой ситуации, но и в новых условиях, требующих принятия нестандартных решений [2]. На наш взгляд, развитие такой черты как самостоятельность, необходимо для дальнейшего самообразования молодого специалиста в процессе его инженерной карьеры.

Считаем необходимым отметить, что в изданной литературе некоторые авторы отождествляют самостоятельную работу с самообразованием. [7, 8] Мы видим существенную разницу между этими понятиями. Самостоятельная работа студента – это форма приобретения, усвоения и углубления новых знаний, в период обучения в вузе. Перед самообразованием же стоят более обширные задачи, которые выходят за рамки учебной работы в вузе. Самообразование – это также и форма продолжения образования молодых специалистов после окончания вуза. На наш взгляд, самостоятельную работу следует понимать лишь как составную часть самообразования, преследующего более широкие цели.

Эффективность самостоятельной работы в процессе обучения во многом зависит от условий ее организации, содержания и характера заданий, логики их построения, источника знаний, взаимосвязи наличных и предполагаемых знаний в содержании заданий, качества достигнутых результатов в ходе выполнения этой работы и так далее. Активная самостоятельная работа студентов возможна только при наличии серьезной и устойчивой мотивации. Самый сильный мотивирующий фактор - подготовка к дальнейшей эффективной профессиональной деятельности. Рассмотрим внутренние факторы, способствующие активизации самостоятельной работы. Среди них можно выделить следующие [5].

1. Полезность выполняемой работы. Если студент знает, что результаты его работы будут использованы тем или иным образом, то отношение к выделенному заданию существенно меняется в лучшую сторону и качество выполняемой работы возрастает. При этом можно психологически настроить студента, показать ему, как необходима выполняемая работа.

Другим вариантом использования фактора полезности является активное применение результатов работы в профессиональной подготовке. Так, например, если студент получил задание на дипломную (квалификационную) работу на одном из младших курсов, он может выполнять самостоятельные задания по ряду дисциплин гуманитарного и социально-экономического, естественно-научного и общепрофессионального циклов дисциплин, которые затем войдут как разделы в его квалификационную работу.

2. Участие студентов в творческой деятельности. Это может быть участие в научно-исследовательской, опытно-конструкторской или методической работе, проводимой на той или иной кафедре.

3. Участие в олимпиадах по учебным дисциплинам, конкурсах научно-исследовательских или прикладных работ и т.д.

4. Использование мотивирующих факторов контроля знаний (неопытные оценки, рейтинг, тесты, нестандартные экзаменационные процедуры). Эти факторы при определенных условиях могут вызвать стремление к состязательности, что само по себе является сильным мотивационным фактором самосовершенствования студента.

5. Поощрение студентов за успехи в учебе и творческой деятельности (стипендии, премирование, похвальные баллы) и санкции за плохую учебу. Например, за работу, данную раньше срока, можно присваивать повышенную оценку, а в противном случае ее снижать.

6. Индивидуализация заданий, выполняемых как в аудитории, так и вне ее, постоянное их обновление.

В Томском Политехническом Университете студенты изучают английский язык по программе многоуровневой языковой подготовки. В основу данной программы положена идея многоуровневой иноязычной подготовки в соответствии с личностно-ориентированным подходом в международными стандартами владения английским языком как средством межкультурной коммуникации [6].

Самостоятельной работе студентов уделяется большое внимание. На наш взгляд, студенты томского политехнического достаточно мотивированы для выполнения самостоятельной работы, особенно студенты старших курсов, так как один из разделов выпускной квалификационной работы студент должен выполнить на английском языке. Он самостоятельно подбирает англоязычные источники по теме своего исследования, делает переводы, если это необходимо.

Ежегодно в университете проводится научно-практическая конференция, в которой студенты и молодые ученые могут представлять свои доклады на английском языке. Также в университете проводятся олимпиады по английскому языку и конкурсы переводчиков, в которых принимают участие студенты всех факультетов вуза.

В Томском Политехническом Университете практикуется рейтинговая система оценивания результатов учебной деятельности студентов, в том числе и самостоятельной работы. Анализируя итоги опыта введения рейтинговой системы в университете, можно отметить, что организация процесса обучения в рамках рейтинговой системы обучения с использованием разнообразных видов самостоятельной работы позволит получить более высокие результаты в обучении студентов по сравнению с традиционной вузовской системой обучения.

Использование рейтинговой системы позволяет добиться более ритмичной работы студентов в течение семестра, а так же активизирует познавательную деятельность студентов путем стимулирования их творческой активности.

Тщательно организованная самостоятельная работа студентов позволяет не только интересно провести аудиторные занятия, привлечь к обсуждению вопросов как можно больше студен-

тов, глубоко и всесторонне осмыслить, раскрыть содержание предложенных вопросов, но и – самое главное – сформировать у студентов устойчивый интерес к предмету, осознать ценность приобретенных знаний, выработать стремление и умение самостоятельно добывать их.

Литература

1. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования от 17 марта 2000 г. Номер государственной регистрации 234 экз/а).
2. Колжаспирова, Г. М. Словарь по педагогике / Г. М. Колжаспирова, А. Ю. Каджастиров. – Москва : ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д : Издательский центр «МарТ», 2005. – 448 с.
3. Кукушкин, В. С. Введение в педагогическую деятельность : учеб. пособие / В. С. Кукушкин. – Ростов н/Д : МарТ, 2002. – 217 с.
4. Прикладная филология и инженерное образование : сборник научных трудов IV Международной научно-практической конференции / под ред. Н. А. Черемисиний. – Тимас : ППУ, 2006. – Часть I. – 408 с.
5. Соколова, Г. П. Труд и профессиональная культура (опыт социологического исследования) / науч. ред. Е. М. Вабосов. – Мн. : Изд-во БГУ, 1980. – 144 с.
6. Требования к уровню знания иностранным языком выпускников языковых специальностей Томского политехнического университета. – ТПУ, 2005.
7. Фаустова, Э. Н. Студент нового времени: социокультурный профиль / Э. Н. Фаустова. – М., 2004. – 72 с.
8. Юшко, Г. П. Научно-педагогические основы организации осмыслительной работы студентов в условиях рейтинговой системы обучения : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Г. П. Юшко [3.00.08 – теория и методика профессионального образования]. – Ростов н/Д : Рост. гос. ун-т, 2001. – 23 с.

СЛАГАЕМЫЕ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Д. В. Кокочина

Российский государственный университет им. И. Канна

Задачей современного образования является подготовка специалиста, способного самостоятельно решать широкий спектр профессиональных задач, обладающего креативными и исследовательскими умениями и способностями, стремящегося к постоянному личностному совершенствованию, иными словами настоящего профессионала. При этом необходимо помнить, что «любой профессионализм – студия, инженера, художника и переводчика в том числе, – складывается из вдохновения и холодного расчета. Холодный расчет – это отточенные профессиональные навыки, доведенные до автоматизма, а вдохновение (или, точнее, творческая интуиция) – это фактически высшее из профессиональных навыков умение их комбинировать, отбирать необходимое. Это то опущение, когда единственно верное решение возникает как будто из ничего, без осмысления – на самом же деле все давно осмысленно, и этап поиска уже можно пропустить» [1, с. 325]. Таким образом, хороший переводчик должен не просто знать иностранный язык, но и овладеть широким спектром переводческих умений и навыков.

Но как эффективно и качественно подготовить переводчика? Какие методы, способы, подходы необходимо использовать, чтобы дать ему необходимые знания и развить эту самую интуицию, о которой говорилось выше.

Интересное рассуждение по этому поводу мы находим в книге Пола Кусемла «Подготовка переводчика». Он пишет о том, что в процессе обучения будущих переводчиков, одни педагоги выдвигают много разных задач и предлагают пути решения, основанные на личном опыте. Другие опираются на всевозможные существующие теоретические и методические разработки. Но, если быть до конца честными, то надо признать, что мы не всегда правильно ставим акценты на преподаваемых дисциплинах, и вполне может быть так, что мы акцентируем внимание на трудностях, которые для наших студентов таковыми не являются и, наоборот, игнорируем те области, где обучаемые испытывают трудности. Приходит ли нам в голову, что наши студенты сами могут найти пути решения той или иной переводческой проблемы, которые будут отнюдь не хуже, предлагаемых нами? [6, с. 3] Герменевтический подход, где обучаемый рассматривается не как объект, а как субъект обучения, как раз и открывает дорогу

к такому взаимному сотрудничеству. Вообще говоря, герменевтический подход в обучении переводчиков складывается из четырех герменевтических дисциплин, а именно: философской, филологической, психологической и педагогической герменевтики.

Герменевтика (от греч. *hermeneutikos* – истолковывающий) – искусство перевода и объяснения. Роль герменевтики невозможно переоценить. Обычно мы понимаем то, что слышим или читаем, естественным образом (спонтанно). Правила, по которым мы толкуем сообщение, действуют автоматически и неосознанно. Когда что-либо притягивает естественному пониманию значения, мы начинаем обращать больше внимания на те процессы, которые происходят при понимании (например, при переводе с одного языка на другой). В сущности, герменевтика – это кодификация процессов, которые мы обычно используем неосознанно при понимании значения сообщения. Чем больше возникает препятствий для спонтанного понимания, тем больше проявляется потребность в герменевтике. Философская герменевтика занимается проблемами понимания, которое осуществляется в акте интерпретации. Можно согласиться, что процесс интерпретации происходит по единой общей схеме. Интерпретация начинается с некоторой догадки, предположения или выдвижения гипотезы. Затем из них выводятся следствия, которые сопоставляются с известными данными или свидетельствами. Если эти следствия согласуются со всеми данными, которыми располагает исследователь, он постигает смысл, или значение, текста, произведения литературы или искусства. Но, как правило, в ходе интерпретации обнаруживаются новые данные и факты, которые вынуждают интерпретатора уточнять и исправлять свои гипотезы, а передко и заменять новыми, чтобы согласовать их с новыми данными. В приложении к переводу, следует сказать, что мы никогда не ограничиваемся первым вариантом перевода, который довольно часто бывает буквальным, а переделываем его несколько раз, обращаясь к новым словарям, отыскивая новые данные. Понимание является способом существования человека, ибо раскрывает ему его собственные возможности. Сущность герменевтики заключается в процессе перевода подлежащего пониманию смысла на собственный язык и завершается в живой речи.

Философская герменевтика как наука оформилась благодаря деятельности таких ученых как Э. Гуссерль, П. Рикер, М. Хайдеггер, Ф. Шюермахер, Х.Г. Гадамер и др.

Филологическая герменевтика представляет собой учение о понимании и интерпретации текста как дискурсивно высказанной рефлексии над усмотренными в тексте смыслами [1, с. 99]. Самым распространенным и устойчивым, по мнению Г.И. Богина, можно считать определение понимания, истолковывающее его как «обращение опыта человека на текст с целью освоения его содержательности» [3, с. 99].

Что такое текст для переводчика? Если согласиться с тем, что текст есть часть экзистенциальной реальности и по сути своей предстает как опосредованное отображение некоторого фрагмента окружающей действительности, то следует признать, что мы имеем дело не только с двуязычным переводом, но и с «дву-культурным», интерпретативным переводом. Такой перевод необходимо требует передачи тех смыслов, которые заложены в текст, скрываются за текстом, входят в presupposition автора и читателя. Другими словами, для переводчика-профессионала понимание текста предполагает не только знание языка, с/на который он переводит, но и знание культуры народов, говорящих на этих языках. Хороший перевод определяется не схожестью с оригиналом, но его преобразованием и обновлением. Задача переводчика – разбудить в языке перевода эко оригинала. Эта новая постановка задачи отличается от традиционной, где все задается понятиями точности и свободы в переводе. Задача переводчика – не отражение, а творчество [2].

В рамках психологической герменевтики проблема понимания текста рассматривается в работах А.А. Брудного. Данный автор считает, что процесс понимания текста проходит на нескольких уровнях. Первый уровень – уровень монтажа. Этот уровень предполагает последовательное перемещение от одного относительного элемента текста к другому, расположенному после него: читаемый текст как бы монтируется в сознании испытуемого из последовательно сменяющихся друг друга предложений, абзацев и глав. Далее автор выдвигает предположение, что параллельно структура отображаемой в содержании текста ситуации прорастает в сознании испытуемого в изменющемся виде: происходит перенетровка – перемещение мысленного центра ситуации от одного элемента к другому. И, наконец, одновременно с монтажом и перенетровкой происходит формирование контекста текста – его общего смысла. Ближе всего к истине, считает Брудный, утверждение, что контекст носит в принципе внетекстовый характер, он формируется в сознании читающего,

отнюдь не всегда получая достаточно точное речевое выражение. Таким образом, заключает Брудный, понимание текста может быть одномоментно и пониманием того, что в тексте непосредственно не дано [4, с. 140].

Важнейший вклад в изучение психологии восприятия текстов внесли новаторские труды литературоведа и теоретика искусства М.М. Бахтина. В основе его концепции лежала идея диалога, понимаемого им не только как форма общения отдельных личностей, но и как норма самосознания и как способ взаимодействия личности с объектами культуры и искусства. Им показано, что в диалоге слово (мысль, знание) обретает множество новых смыслов; в таком многоголосии (полифонии) обнуруются их равные права на существование. При этом постижение личностью собственного «я» происходит именно в общении с «другими». Собственно и читательское восприятие, по существу, означает своего рода мысленный диалог с текстом и его автором. Педагогическая герменевтика – наука, изучающая проблему понимания, истолкования и выявления глубинных смыслов в образовательной деятельности. Герменевтический подход к процессу образования есть понимание явлений жизни посредством создания и объяснения знаково-символической системы, процесс диалога – со смыслом субъекта студента языково-символической системы и субъекта восприятия этой системы. Знаково-символическая система является: 1) продуктом мыслительной деятельности, средством объяснения субъекта; 2) продуктом познающей деятельности, средством интерпретации воспринимающего субъекта. В рамках перевода, герменевтическая интерпретация, а, следовательно, и понимание не ограничиваются анализом логико-грамматической структуры текста, то есть объективными факторами понимания, которые зависят от специфического содержания текста. Раскрытие значения текста или речи во многом определяется выявлением намерений автора или собеседника, а это предполагает обращение к интуитивно-эмпирическим и субъективно-психологическим факторам. Образовательный процесс, основанный на принципах герменевтики, призван способствовать всестороннему развитию обучаемого и профессиональному совершенствованию обучающего. Герменевтическое образование совершенствует контекст восприятия мира и тем самым подготавливает новое более глубокое понимание. Герменевтический подход способствует формированию навыков научного обобщения, то есть постановки проблем, их анализа, создания поисковых и нормативных моделей исследуемого предмета и выработке возможных (гипотетических) вариантов решения поставленной проблемы. Герменевтический подход в обучении предполагает, прежде всего, подход к каждому учащемуся, как к рациональному участнику учебного процесса, способному к самостоятельному созданию знания, его пониманию и интерпретации. Иначе говоря, учащийся рассматривается не как объект, а как субъект обучения, желающий и умеющий учиться, открытый к самознанию. Такой учащийся должен быть готов к конструктивному, равноправному диалогу с преподавателем и другими учащимися.

Литература

1. Алексеева, И. С. Введение в Переводоведение / И. С. Алексеева. – М.: Academia, 2004.
2. Бенвенист, В. Задача переводчика. Предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера [Электронный ресурс] / В. Бенвенист. – Электронные данные. – Режим доступа: <http://www.nyu.edu/~klipamen/vba10.html>, свободный.
3. Когин, Г. И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику / Г. И. Когин. – Тверь, 2001.
4. Брудный, А. А. Психологическая герменевтика: учеб. пос. / А. А. Брудный. – М., 1998.
5. Kussmaul, P. Training the translator / P. Kussmaul. – London, 1985.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ

А.М. Кожкина

Астраханский государственный университет

Анализ исследований, посвященных психолого-педагогическим условиям, позволяет сделать вывод, что единого определения данному термину не существует, поскольку слово «условие» имеет несколько различных трактовок. Так, Словарь по естественным наукам рассматривает «условие» как логическое выражение, принимающее значение Истина или Ложь.

Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений ставит термин «условие» в один ряд с такими словами как: договор, сделка, положение. Толковый словарь русского языка Ушакова дает следующие определения слову «условие»: 1) уговор, соглашение; 2) официальный договор; 3) статья договора, предусматривающая действия его участников в определенных обстоятельствах, в той или иной области; 4) требование, предложение одной договаривающейся стороны, принимаемое или отвергаемое другой стороной; 5) правила, установленные для той или иной области жизни, деятельности; 6. обстановка для какой-либо деятельности; 7) то, что делает возможным что-нибудь, другое, от чего зависит что-нибудь другое, что определяет собою что-нибудь другое.

Исходя из этого, под психолого-педагогическими условиями можно понимать как взаимодействие различных мер в учебно-воспитательном процессе, направленных на формирование личности обучаемого с учетом психологических особенностей, способностей и приемов деятельности, так и многоуровневое взаимодействие, направленное на стимулирование личностных потребностей обучаемого и его самореализацию.

Таким образом, психолого-педагогические условия представляют собой качественную характеристику факторов и процессов образовательной деятельности, отражающую основные требования к организации данной деятельности с учетом объективных возможностей и обстоятельств, ориентированную на изменение отношений субъектов образовательной деятельности и способствующую созданию условий для повышения качества образования и эффективности данного процесса.

Большинство ученых выделяют в три основных группы психолого-педагогических условий: 1) информационные (содержание образования), 2) технологические (методическая основа педагогического процесса) и 3) личностные (психологическая основа образовательного процесса). При этом необходимо помнить, что именно педагог оказывает решающее влияние на развитие личности учащихся и организацию педагогического взаимодействия, и первым шагом реализации любых психолого-педагогических условий должна стать подготовка педагога к данному процессу.

В «Методических рекомендациях по психолого-педагогическому сопровождению обучающихся в учебно-воспитательном процессе в условиях модернизации образования», изданных в письме Министерства образования РФ № 28-51-513/16 от 27 июня 2003 г., сообщается, что «важнейшим условием эффективности интеграции является наличие грамотной системы психолого-педагогического сопровождения, включающей, помимо систематического наблюдения, индивидуальных программ обучения и коррекции, такую важную составляющую, как работа со средой (социальным окружением), в которую интегрируется ребенок». В связи с этим для успешного использования психолого-педагогических условий при оптимизации процесса обучения могут быть выделены три обязательные взаимосвязанные составляющие:

- 1) систематическое наблюдение за психолого-педагогическим состоянием студента и его личностным развитием в процессе обучения;
- 2) создание необходимой психологической атмосферы и социальных условий для развития личности студентов, их успешного обучения и профессионального развития;
- 3) создание специальных психологических, педагогических и социальных условий для оказания помощи студентам, имеющим проблемы в обучении.

Следовательно, необходимо проводить целый комплекс действий, направленных на повышение психолого-педагогического статуса обучаемого для дальнейшей эффективной работы с ним. Примером таких действий может служить психолого-педагогическая диагностика, на основе данных которой разрабатываются индивидуальные и групповые программы развития студента, определяются условия его успешного обучения. Разработка гибких схем организации учебно-воспитательного процесса, способного изменяться в зависимости от индивидуальных особенностей обучающихся студентов – еще один необходимый компонент для реализации психолого-педагогических условий. Для оказания психолого-педагогической помощи студентам, у которых выявлены определенные проблемы в усвоении учебного материала, в социальную принятых нормах поведения, в повышенном уровне тревожности должны быть продуманы система мероприятий, позволяющих им преодолеть или компенсировать возникшие проблемы.

Таким образом, в поле зрения данной проблемы попадают взаимосвязи межличностных отношений и педагогической организации, поэтому дальнейшее изучение данного аспекта предполагает рассмотрение личностных особенностей преподавателя.

Литература

1. Бабанский, Ю. К. Проблемы повышения эффективности педагогических исследований / Ю. К. Бабанский. – М. : Педагогика, 1982. – 196 с.
2. Ганин, Б. А. Педагогические условия использования современных информационных и коммуникационных технологий для самообразования будущих учителей [Электронный ресурс]. – Электронные данные 2003 ; Режим доступа : <http://to.edu.ru/2003/VII/VII-0-1673.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
3. Ершова, Н. Г. Профессионально-личностное развитие студентов в условиях психолого-педагогического сопровождения в ВУЗе физической культуры [Электронный ресурс]. – Электронные данные; Режим доступа : <http://lib.sportedu.ru/press/trfk/2005N9/p44-47.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
4. Зимняя, И. А. Педагогическая психология : учеб. для вузов / И. А. Зимняя. – М. : Логос, 2002. – 384 с.
5. Машкин, В. Н. Педагогические условия воспитания культуры безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.uim.ru/teacher.asp>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
6. Наумова, А. Е. Индивидуализация профессионально-педагогической подготовки студентов [Электронный ресурс]. – Электронные данные ; Режим доступа : / А. Е. Наумова. – http://www.usru.yu.ru/vesnik/pedagoga_i_psichology/12_5, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
7. Слютенни, В. А. Педагогика : учеб. пос. для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Слютенни, И. Ф. Исаян, Е. П. Шиянов // под ред. В. А. Слютенни. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 576 с.
8. Столярченко, А. М. Психология и педагогика : учеб. пос. для вузов / А. М. Столярченко. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 431 с.
9. Тудегенова, А. Г. Некоторые психолого-педагогические условия оптимизации учебно-воспитательного процесса [Электронный ресурс]. – Электронные данные. – Режим доступа : <http://www.crimed.edu/tni/magazine/scientist/edition3/ n03019.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.

КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ ДИВЕРСИФИКАЦИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Л.Д. Крыных

Астраханский государственный университет

Согласно концепции модернизации российского образования на период до 2010 г., основной целью профессионального образования в высшей школе является подготовка квалифицированного специалиста соответствующего уровня и профиля, конкурентноспособного, компетентного, способного к эффективной работе на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности.

Для нашего времени характерна узкая специализация.

Если лет сто назад человек мог при желании одинаково хорошо успевать почти все уже известное и все новое в области науки и техники, то в наши дни это совершенно недоступно никому. Наука и техника настолько развились, усложнились и разветвились, что узкая специализация для научно-технических работников стала необходимостью. Это распространится и на технических переводчиков. Им, как правило, придется специализироваться в какой-либо одной отрасли производства. Переводчику необходимо адекватно передавать содержание научно-технических текстов различных жанров, что предполагает корректное использование грамматических, стилистических и терминологических эквивалентов.

Преподаватель кафедры английского языка и технического перевода филолого-математического института АГУ обучает основам перевода технической литературы студентов, а также сам, в силу специфики своей профессиональной деятельности, переводит аутентичные тексты по информационным технологиям, чтобы в дальнейшем их адаптировать и включить студентам

эффективно использовать английский язык как инструмент для решения задач информационного обеспечения научных исследований.

Преподавательская и переводческая деятельность тесно взаимосвязаны, что приводит к ряду проблем общего характера.

Итак, технический перевод – это та сфера переводческой деятельности, при которой, для того, чтобы профессионально выполнить работу, переводчик должен практически знать все виды обработки текстовой информации, а также иметь определенную сумму специальных знаний, чтобы понять то новое, что составляет основное содержание оригинала. Соответственно, бытует мнение, что переводчик должен быть специалистом в данной области знаний, инженером, владеющим иностранным языком в степени, достаточной для понимания, и уметь грамотно излагать переведенный материал. Такое счастливое сочетание всех этих качеств встречается достаточно редко.

Очевидно, что невозможно приобрести глубокие специфические профессиональные знания во всех областях науки и техники не только за время обучения в вузе но и в течение всей жизни человека.

Суммируя сказанное, приходим к выводу, что высококвалифицированный технический переводчик это: 1) человек, профессионально владеющий иностранным языком;

2) человек, компетентный в определенной области знаний науки и техники.

Каковы же пути решения данной проблемы? Этот вопрос широко обсуждается в преподавательской среде. Один из способов решения проблемы – это получение второго (технического) образования специалистами-переводчиками. Но перевод необходим по разным отраслям знаний, а несколько технических вузов не закончить. Возможен вариант получения второго (языкового) образования теми студентами нескольких специальностей, которые имеют способности к овладению иностранным языком профессионально. В частности, нашим вузом практикуется получение дополнительной специальности «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

Если же преподаватель иностранного языка не имеет специального технического образования, он должен восполнить этот пробел, систематически изучая специальную литературу, следить за новинками в данной области, обогащая свою память знаниями специалистов, с которыми он общается на работе, постоянно практиковаться в техническом переводе, использовать Интернет-ресурсы.

Если преподаватель иностранного языка хочет стать профессиональным переводчиком высокого класса в сфере технического перевода, не имея специального образования, то он должен заниматься самообразованием во время своей профессиональной деятельности.

Литература

1. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам / Н. Д. Гальскова. – М., 2000.
2. Кайкова, М. К. Языковое образование в ВУЗе / М. К. Кайкова. – СПб., 2005.
3. Левинская, Т. Р. – Пособие по переводу с английского языка на русский / Т. Р. Левинская. – М., 1973.

ОСНОВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В КУРСЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

П.Н. Крыных

Астраханский государственный университет

Развитие деловых и личных контактов, расширение и укрепление экономических и культурных связей между народами выдвигают в области обучения иностранным языкам важнейшую задачу – воспитание человека, главным достоинством которого является общечеловеческая культура и общечеловеческие ценности. Одним из путей решения этой проблемы можно считать приобщение учащихся к культурному наследию и духовному богатству народов мира. Особая роль в этом отводится иностранному языку, с помощью которого возможен непосредственный и опосредованный диалог иностранной и родной культуры, являющийся основным ядром современной концепции образования.

Гуманизация содержательной стороны образования требует пересмотра методологической основы обучения иностранному языку, как средству межкультурной коммуникации и

межкультурного взаимодействия, для чего необходимо внедрение результатов теоретических трудов по филологии в практику преподавания иностранных языков.

Современное общество предъявляет к специалисту требования усвоения им знаний страноведческого, лингвострановедческого и культурно-эстетического характера, знания ценностей зарубежной национальной культуры. Таким образом, помимо мотивационного, методологического, содержательного компонентов структуры образовательного процесса немаловажным является выделение нового – культурного – компонента.

Данный компонент включает в себя языковые и культурологические знания (курсы страноведения), а также навыки и умения речевого и неречевого поведения (курсы делового английского, прикладного иностранного, краеведения на английском языке и т.д.). При отборе содержания национально-культурного компонента из всего многообразия лингвострановедческого материала выделяется то, что способствует обучению общению на иностранном языке и приобщению к культуре страны этого языка, так как для успешного общения необходимо не только владеть одинаковыми языковыми средствами собеседника (фонетика, лексика, грамматика иностранного языка), но и обладать содержательными знаниями о мире.

Исходя из содержательной ценности отбираются те факты национальной культуры, знание которых способствует повышению уровня общекультурной и страноведческой образованности студентов, содействует развитию их национально-культурной компетенции, позволяющей ассоциировать с лексической единицей изучаемого языка ту же информацию, что и его носители, и добиваться полноценной коммуникации.

Критерий типичности позволяет обеспечить отбор страноведческого и языкового материала, отражающего основные факты современной жизни страны изучаемого языка и создающего реальное представление о стране. В соответствии с этим критерием, по каждой теме отбираются наиболее типичные реалии, бескультурная и фондовая лексика, предполагающая знакомство с определенными сторонами жизни страны изучаемого языка (названия праздников, символика страны, традиции и т.д.).

В соответствии с критерием типичности к отбору материала предъявляется критерий актуальности, то есть соответствие информации требованиям современности. Этот критерий предполагает отбор тех учебных единиц и ассоциируемых с ними фондовых знаний, которые существуют на современном этапе развития в повседневном сознании носителя языка.

Требование четкой дифференциации с родной культурой обучаемых вызвано необходимостью лингвострановедческой и культурной интерференции, обусловленной взаимодействием и взаимовоздействием культур.

Немаловажным при отборе фондовых знаний является тематический критерий, который ограничивает проведенный отбор лексических единиц и фондовых знаний рамками тематики, представленной в учебной программе.

Критерий функциональности приобретает доминирующее значение при отборе и разделении языкового материала ввиду ориентации обучения на продуцирование речи и рецепцию.

Подводя итог вышесказанному, сделаем вывод, что реальная межкультурная коммуникация как форма общения представителей различных языков и культур реализуется наиболее полно и эффективно только тогда, когда в процессе подготовки к ней значительное место отводится родной культуре, как предмету истинного интереса потенциальных зарубежных партнеров по общению.

Литература

1. Азимов, Д. Культура мира как стратегия, практика, идеология и теория // *Общественные проблемы и культура мира / Международный ин-т перспектив проблем социокультурного интеллектуального развития; РАН, ин-т сравнительной политологии.* – М., Весь мир, 1998.
2. Гальскова, Н. Л. Современная методика обучения иностранным языкам / Н. Л. Гальскова. – М., АРКТИ-ГЛОССА, 2000.
3. Гез, П. И. Формирование коммуникативной компетенции как объект зарубежной методики исследования / Н. И. Гез // *ИЯШ.* – № 2, 1985.
4. Мильяр-Белоручев, Р. К. Лингвострановедение как иностранная культура / Р. К. Мильяр-Белоручев // *ИЯШ.* – № 6, 1993.

КЕЙС-МЕТОД КАК ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ

А.Н. Марина

Брянский государственный университет

Кейс-метод (*Case study*) – это техника обучения, использующая описание реальных экономических и социальных ситуаций (от англ. *case* – «случай»). Под *ситуацией* (кейсом) понимается письменное описание какой-либо конкретной реальной ситуации, например, организационное становление компании, ее развитие, результаты в бизнесе. Обучающиеся просят проанализировать ситуацию, разобраться в сути проблем, предложить возможные варианты решения и выбрать лучший из них. Метод «*case study*» впервые был применен в Гарвардском университете в 1924 г., и до сих пор Гарвард является флагманом «кейс-индустрии» всего мира [1].

В последние годы по кейс-методу появилось очень много материалов в Интернете [2], а так же в литературе по менеджменту и по профессиональному образованию (Гутинков А.Б., Марсаганс Г.И., Паллочков Г.А. и др.). Остановимся на интерактивной характеристике данного метода.

Кейс-метод – довольно сложная многоаспектная технология обучения, которая представляет собой специфическую разновидность *исследовательской аналитической технологии*, т. е. включает в себя операции исследовательского процесса, аналитические процедуры.

Он выступает как способ коллективного обучения, важнейшими составляющими которого являются работа в группе и подгруппах, взаимный обмен информацией. В современных условиях данный метод становится все более популярным при обучении иностранным языкам в практике вуза.

Кейс-метод интегрирует в себя формы развивающего обучения, включая процедуры индивидуального, группового и коллективного развития, формирования многообразных личностных качеств обучаемых. Данный метод представляет собой специфическую разновидность *проектной технологии*. В обычной обучающей проектной технологии процесс разрешения имеющейся проблемы осуществляется посредством совместной деятельности учащихся, тогда как в кейс-методе формирование проблемы и путей ее решения происходит на основании кейса, который является одновременно и техническим заданием, и источником информации для обсуждения вариантов эффективных действий [1].

Кейс-метод концентрирует в себе значительные достижения технологии «*solid state learning*». Для него характерна активизация обучающихся, стимулирование их успеха, подчеркивание достижений участников. Именно ощущение успеха выступает одной из главных движущих сил метода, способствует формированию устойчивой позитивной мотивации и наращиванию познавательной активности [1].

По отношению к другим технологиям обучения кейс-метод можно представить как сложную систему, в которую интегрированы другие, более простые методы обучения. В него входят моделирование, системный анализ, проблемный метод, мысленный эксперимент, методы описания, классификации, дискуссии, игровые методы и др.

Необходимость внедрения кейс-метода в практику обучения иностранным языкам в вузе обусловлена двумя тенденциями.

Первая заключается в ориентации специалиста не столько на получение конкретных знаний, сколько на формирование умений и навыков мыслительной деятельности, развитие коммуникативных способностей, а именно, на понимание диалогической и монологической речи в сфере бытовой и профессиональной коммуникации, умение отстаивать свою точку зрения, умение четко выражать свои мысли на иностранном языке, с использованием наиболее употребительных и простых лексико-грамматических средств в основных коммуникативных ситуациях неформального и официального общения, учитывая особенности культуры и традиции стран изучаемого языка, правила речевого этикета и т.д.

Вторая обусловлена развитием требований к качествам личности специалиста, который помимо удовлетворения требованиям первой тенденции должен обладать также способностью адекватно вести себя в разнообразных ситуациях, уметь системно и эффективно действовать в различных условиях. Этот метод способствует формированию таких качеств будущего профессионала, в которых действительно нуждается рыночное общество.

Таким образом, кейс-технология позволяет более успешно по сравнению с традиционной методикой обучения развивать творческие способности обучающихся, формирует навыки выполнения сложных заданий в составе небольших групп, помогает специалистам успешно овладеть способностями анализа непредвиденной ситуации, самостоятельно разрабатывать алгоритмы принятия решения.

Технологическая деятельность преподавателя при использовании кейс-метода носит творческий характер и включает два этапа.

Первый этап представляет собой сложную творческую работу по созданию кейса и вопросов для его анализа. Она осуществляется за пределами аудитории и включает в себя научно-исследовательскую, методическую и конструирующую деятельность преподавателя.

Второй этап работы включает в себя деятельность преподавателя в аудитории, где он выступает со вступительным и заключительным словом, организует малые группы и начинает дискуссию, поддерживает деловой инстинкт в аудитории и оценивает вклад студентов в анализ ситуации.

Кейс-метод целесообразно использовать в единстве с другими методами обучения, в том числе с традиционными, поскольку последние предусматривают обязательное, нормативное знание.

Таким образом, кейс-метод сегодня становится одним из доминирующих при языковой подготовке менеджеров, юристов, экономистов и т.д., так как позволяет активизировать различные факторы: теоретические знания, практический опыт обучающихся, их способность высказывать свои мысли, идеи, предложения на иностранном языке, умение выслушать альтернативную точку зрения и аргументированно высказать свою. Будучи формой интерактивного обучения, кейс-метод завсегдатаем позитивное отношение со стороны обучающихся, которые видят в нем игру, где они имеют возможность проявить и усовершенствовать аналитические и оценочные навыки, научиться работать в команде, применить на практике теоретический материал, что повышает познавательный интерес обучающихся, активизирует их самостоятельную работу, а также оказывает положительное влияние на качество языковой подготовки студентов в вузе.

Литература

1. Панина, Т. С. Современные способы активизации обучения : учеб. пос. для студ. высш. учеб. заведений / Т. С. Панина, Л. Н. Вавилова. – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 176 с.
2. Проект управления образовательных и культурных программ Государственного Департамента США: он-лайнный курс основ кейс-метода [электронный курс]. – Электронные данные. – Режим доступа : casestudy@idc.org.ua // casestudy@idc.org.ua. – 2004. – 25 декабря.

КОМПЬЮТЕРНОЕ ОБУЧЕНИЕ: ЗА И ПРОТИВ

Е.В. Метельский

МОУ «Лицей № 3», г. Астрахань

Несколько лет назад журнал «Scientific American» опубликовал статью об удивительном открытии, сделанном археологами на небольшом острове к северу от Новой Гвинеи. Там было обнаружено огромное количество жетонных веревочек, деревянных ящиков и металлических деталей, которые оказались частями самого первого цифрового компьютера в мире. Структура этого устройства огромного размера, созданного в 850 г. н.э., очень напоминает современную. Так, его основная память располагалась на территории около одного квадратного километра, а сама машина приводилась в действие с помощью слонов.

Неизвестно, для каких целей использовали свой компьютер древние туземцы, но в наши дни уже практически не осталось ни одной сферы деятельности человека, где бы не нашлось применения компьютерам. Они управляют ядерными ракетами и кухонными комбайнами, предлагают модель стрижки в парикмахерской, участвуют в создании фильмов и сочиняют музыку. Неудивительно, что и преподаватели иностранных языков (ИЯ) по достоинству оценили потенциал этих машин в педагогической ситуации.

Каждый, кто когда-либо пользовался компьютером, согласится с тем, что это устройство по сути своей изначально интерактивно. Таким образом, компьютер – это наиболее подходящий помощник в обучении ИЯ, целью которого является интерактивное обучение. Особенно успешно системы обучения ИЯ с помощью компьютера стали развиваться в последнее время в связи с появлением CD-ROMов (программ, записанных на лазерных дисках) и популяризацией сети Internet. Эти постоянные революционные разработки превратили обучение ИЯ в живой, творческий и естественный процесс. Изобретение синтезатора речи и использование интерактивного видео привели к созданию прекрасных реалистичных программ, предлагающих учащимся огромное количество сюжетов, которые не только стимулируют интерес, но и представляют большую педагогическую ценность.

У компьютерного обучения ИЯ много преимуществ. Объединим их в несколько групп.

Прежде всего, нам хотелось бы представить достоинства компьютерного метода с психологической точки зрения.

Компьютерное обучение несет в себе огромный мотивационный потенциал. При условии правильно составленной программы компьютер может помочь учителю, а ученики будут ощущать постоянное присутствие доброжелательного инструктора-машинки. Чтобы сделать обучение более занимательным для детей, программы включают элементы известных компьютерных игр и даже полностью повторяют модель игры, умело изменяя ее для учебных целей.

Компьютер гарантирует конфиденциальность. В том случае не ведется запись результатов для преподавателя, только сам ученик знает, какие ошибки он допустил, и не боится, что одноклассники и преподаватели увидят его результаты. Таким образом, самооценка ученика не снижается, а на уроке создается психологически комфортная атмосфера.

Другая наиболее значительная группа преимуществ заключается, разумеется, в методических достоинствах компьютерного обучения. Уже более 10 лет назад преподаватели начали применять способность компьютера моментально реагировать на введенную информацию для создания простейших обучающих программ в виде упражнений. Компьютер обеспечивает большую степень интерактивности обучения, чем работа в классе или в лингвистическом кабинете. Это обеспечивается постоянной и прямой реакцией машины на ответ учащегося в ходе выполнения упражнения. Поскольку ученики сами определяют темп работы, компьютерное обучение как нельзя лучше соответствует принципу индивидуального обучения. Школьники могут допускать любое количество ошибок, не испытывая при этом терпения компьютера, и тратить время только на исправление, анализ собственных ошибок и могут не слушать, как учитель снова объясняет уже знакомый материал.

Каждый преподаватель понимает огромное значение практики при овладении ИЯ. В учебном процессе недостаточно произнести фразу один раз, ее необходимо повторить несколько раз; при этом желательно менять ее языковое оформление так, чтобы более четко выхватить содержание. Здесь тоже может помочь компьютер: программы, включающие в себя базы данных, позволяют повторять казобные конструкции, менять лишь отдельные компоненты или контекст.

Здесь мы вплотную подошли к техническим преимуществам обучения ИЯ при помощи компьютера. В течение последних нескольких лет компьютерное обучение привлекло к себе внимание специалистов в области искусственного интеллекта, и были предприняты попытки создания программ, которые бы успешно справлялись с машинным переводом. Надо отметить, что сейчас существует несколько программ, достаточно точно выполняющих технический перевод. Однако перевод художественных текстов все еще включает множество сложностей. Одновременно по тому же принципу создавались программы проверки грамматики и орфографии. Что касается обучения устной речи, которое долгое время оставалось слабым местом компьютерного обучения ИЯ, то в этой области резкий сдвиг наметится после разработки мультимедиа – целого ряда устройств, значительно расширяющих возможности компьютера. В частности использование CD-ROMов позволяет хранить и использовать намного больше информации, чем раньше, так что теперь компьютер может воспроизводить запись отдельных слов, фраз и целых текстов. Звуковые карты даже позволяют пользователю записать свою речь, а затем прослушать ее и сравнить с произношением воителей языка или увидеть на мониторе диаграмму своей записи. Большинство программ позволяет также варьировать темп речи, «произносимой» компьютером. Графические возможности компьютера еще более выдвигают этот метод обучения на фоне традиционных и позволяют представить любой вид деятельности в виде картинок или анимации. Это особенно важно при озвучивании с

новой лексикой, так как изображения на мониторе позволяют ассоциировать фразу на ИЯ непосредственно с действием, а не с фразой на родном языке. Кроме того, мультипликация привлекает интерес учащихся и создает необходимую мотивацию.

Как уже было сказано выше, компьютер является прекрасным средством интерактивного общения между различными языковыми группами, что особенно ярко проявляется в применении компьютерной сети. Это может быть как локальная сеть, соединяющая несколько машин в одном учебном заведении, так и Internet – глобальная сеть, объединяющая миллионы пользователей по всему миру. Сеть позволяет компьютерам обмениваться самой различной информацией: от текста до картинок, звука и видео.

Образовательное значение Internet заключается в себе два аспекта:

- 1) поддержка связи с абонентами по всем миру;
- 2) доступ к удаленным источникам информации и международным библиотекам.

В наши дни ребенок может иметь друзей по компьютерной переписке во всех частях света, причем электронные письма доходят до адресата практически мгновенно. В то же время в архивах Internet хранятся результаты научных исследований тысяч педагогов из разных стран и компьютерные издания международных журналов для преподавателей ИЯ. По сети можно получить как сведения о новых обучающих программах, так и сами программы.

Еще одно многообещающее новшество в компьютерной технологии – это интерактивное видео. Программа представляет собой фильм на ИЯ. Учащийся реагирует на ситуации, предлагаемые компьютером (отвечает на вопросы героев фильма, руководит их действиями), и таким образом изменяет сценарий и как бы сам участвует в развитии событий.

Не менее значимое преимущество использования компьютера заключается в том, что он позволяет повысить профессиональный уровень преподавателей, для того чтобы они могли наиболее эффективно использовать новые технологии обучения.

Одним из недостатков компьютерного обучения на раннем этапе была слабая координированность между методистами и программистами. Преподаватели пытались вводить компьютерные технологии в обучение, не имея значительных знаний в области вычислительной техники, а специалисты по компьютерам имели слабое представление о методике преподавания ИЯ. По мере того как возрастал интерес к компьютерному обучению, многие энтузиасты с горечью обнаруживали, что тратили огромное количество сил и времени на изобретение велосипеда только из-за того, что не имели возможности ознакомиться с результатами своих коллег. В результате возникла потребность в специализированных журналах и книгах, из которых заинтересованный преподаватель мог бы почерпнуть информацию о новых методиках, программах и технических возможностях. И здесь Internet стал независимым помощником учителя.

Компьютеры разрешили столько проблем человечеству. Почему бы им не стать тем средством, которое, наконец, поможет преодолеть языковой барьер, разделяющий людей? К сожалению, однозначного ответа на этот вопрос пока нет. Тот огромный потенциал, которым обладает компьютерное обучение, используется далеко не полностью из-за проблем, связанных с относительной новизной этого метода. Прежде всего, это недостаток качественного программного обеспечения, обусловленный тем, что не разработаны пока четкие стандарты и критерии эффективности. В значительной степени компьютер чаще всего применяется для того, что уже и раньше делалось с помощью других средств. А хотелось бы внедрить новые методы обучения, которые невозможно осуществить без компьютера. Это вызвано и пренебрежительным порой отношением создателей программ к теории обучения ИЯ.

Основным недостатком компьютерного обучения до сих пор остается невозможность прямого устного диалога с компьютером. Однако, технический прогресс в этой области дает нам возможность уверенно рассчитывать на то, что программы распознавания речи станут в скором времени неотъемлемой частью программ, обучающихся ИЯ.

Наибольшую трудность представляют проблемы, возникающие на административном и преподавательском уровне и связанные с введением компьютерного обучения в учебный процесс. В целом этот процесс можно охарактеризовать как сопротивление переменам. Применение компьютера в обучении требует изменения подхода со стороны учителя и организационных изменений со стороны администрации учебного заведения. Большинство педагогов, получивших гуманитарное образование, не умеют пользоваться компьютером, и мысль о необходимости его применения вызывает у них раздражение и страх. Преподавателям ИЯ, видимо, предстоит понять, что компью-

терное обучение предвзначено для того, чтобы помочь им, освободив от долгих объяснений и рутинной работы, но никак не заменить учителя. Изменив отношение к компьютеру, педагоги смогут большую часть урока посвятить упражнениям, которые стимулируют реальное общение, что является целью коммуникативного подхода в обучении ИЯ.

Для эффективного использования всех возможностей компьютерного обучения необходимо, чтобы новые технологии были интегрированы в учебную программу. Здесь есть варианты:

1. Весь курс обучения может быть реализован при помощи компьютера, хотя многие учителя как раз боятся того, что машина полностью заменит их. Такие курсы встречаются довольно редко. Они оказались менее эффективны, чем те, в которых предполагается более тесное сотрудничество педагога и учащегося. В некоторых случаях, однако, полностью компьютерный курс может стать наиболее верным выбором: при злочной форме обучения или для изучения редких языков, преподавателей которых трудно найти.

2. Наиболее предпочтительным представляется использование отдельных компьютерных программ в качестве непрерывного компонента учебной программы наравне с традиционными материалами. Причем, как показывает опыт преподавателей, использующих такие компьютерные программы, им следует отвести ограниченное место (компьютер не может заменить необходимого человеческого общения, которое требуется для уверенного владения языком) и непременно ввести контроль за обязательным выполнением заданий (для воспитания серьезного отношения к учебе).

Развитие компьютерного обучения непосредственно связано с прогрессом во всех областях информатики. Увеличение объема памяти оставляет больше места для более сложных программ, для более качественной графики и анимации. Увеличение возможности звуковых карт приведет к созданию «разговорных программ», с помощью которых учащийся и машина смогут «разговаривать» на определенную тему на ИЯ.

Мы надеемся, что уже в ближайшем будущем будут созданы программы, способные глубже оценивать ответы учащихся и представлять подробное объяснение ошибок с лингвистической, страноведческой и прагматической точек зрения, а также предложения по их исправлению.

Еще больше возрастет роль локальных компьютерных сетей, которые позволят объединить в единую систему все компьютеры в классе, чтобы ученики могли работать вместе и посылить сообщения преподавателю.

Как мы уже отмечали выше, Internet представляет собой неисчерпаемый ресурс новых возможностей для обучения ИЯ. Пользование Internet даст возможность проводить уроки по сети в реальном времени. Сетевые классы можно будет составлять из учеников с разных континентов. Уже сейчас все больше и больше людей свободно пользуются сетью Internet, и уже скоро эти возможности станут доступны каждому – достаточно вспомнить историю телефона.

Одним из последних изобретений в области компьютерных технологий стала виртуальная реальность. Ее применение для обучения ИЯ представляется несколько более отдаленным в будущее по сравнению с применением Internet, но уже сейчас ясно, что результат будет просто фантастическим. Ученики будут не только наблюдать за ходом обучающей программы компьютера на экране монитора, а в прямом смысле участвовать во всех событиях. Задача создания эффекта реального присутствия в вымышленной (виртуальной) ситуации всегда стояла перед преподавателями ИЯ и решалась сначала с помощью ролевых игр, затем видеofilmов и, наконец, компьютерных интерактивных программ. Теперь нам остается только терпеливо ждать момента, когда научный прогресс сумеет приспособить виртуальную реальность для нужд образования.

Как ни банально звучит фраза о том, что «необходимость – мать изобретений», но в данном случае она как нельзя более актуальна. Стирание национальных барьеров, происшедшее благодаря развитию международных связей, сделало еще более актуальной необходимость преодоления языкового барьера, который стольким людям мешает прийти к взаимопониманию и, возможно, вообще согласию и миру. Мы надеемся, что в недалеком будущем изучение ИЯ с помощью компьютера из области исследований превратится в широко распространенное средство обучения.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПРОЕКТНОЙ МЕТОДИКИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

А.А. Мухомяничева

Астраханский государственный университет

Многие российские учебные заведения испытывают значительные трудности при обучении иностранному языку. Эти трудности связаны с ограниченностью в использовании иностранного языка (даже на соответствующих занятиях), невозможностью применения полученных знаний на практике вне стен ВУЗа. Требуется дополнительный стимул для развития интереса учащихся к изучению иностранного языка. Огромные возможности в повышении мотивации представляют современные компьютерные технологии, в особенности Интернет. Однако еще далеко не все российские учебные заведения имеют соответствующее техническое оснащение, да и часто наличие компьютеров не означает свободный доступ учащихся к глобальной сети. Большую помощь в создании положительной мотивации в изучении иностранного языка при любом техническом оснащении может оказать метод проектов.

Выполнение заданий проекта выходит за рамки занятий и требует дополнительного времени и усилий со стороны как преподавателя, так и студентов. Но это часто оправдывает себя. Прежде всего, проект дает возможность учащимся реализовать полученные знания и умения на практике. Осуществляемая в рамках определенной темы, данная работа требует творческого подхода, самостоятельности учащихся в поисках информации и представлении результатов своей работы. Работа над проектом развивает сотрудничество между студентами и преподавателем, роль которого меняется: вместо контролера он становится равноправным партнером и консультантом. Применение проектной методики является воплощением общей тенденции ориентации процесса обучения на студента: учитываются его интересы, жизненный опыт, индивидуальные способности. Повышается ответственность, как индивидуальная, так и коллективная за конкретную работу в рамках проекта.

Работа над проектом состоит из трех основных этапов.

Первый этап – подготовительный – представляет собой работу в группе. Преподаватель на данном этапе выдвигает идею, и далее следует обсуждение идеи учащимися, сбор информации и представления информации. На этом этапе важна работа преподавателя, который должен основательно подготовиться и продумать предлагаемую для проекта проблему, составить, возможно, задающие вопросы или предоставить как основу учебные тексты. Здесь также при помощи преподавателя формируются микрогруппы, в которых и идет работа над собственными проектами в рамках заданной темы. Формируя группы, следует учитывать пожелания студентов и их психологическую совместимость.

На втором этапе происходит выполнение проекта учащимися. При этом их деятельность выходит за рамки занятий и даже учебного времени. Студенты берут интервью, делают аудио- и видеозаписи, собирают печатный и иллюстративный материал, используя, в том числе, различные справочные пособия и словари. На данном этапе преподаватель выступает в роли помощника, который дает советы, где лучше найти информацию, как ее преподнести студентам, как ее собрать в единое целое и как ее представить группе. На данном этапе преподавателю важно не оставаться в стороне, не отключивать всю работу молодых людей, не проявляя при этом излишней строгости. Собирая информацию и оформляя ее в единое целое, учащиеся активизируют все виды речевой деятельности: чтение, письмо, аудирование.

Третий этап – заключительный – включает в себя презентацию и обсуждение проектов. С готовыми проектами, оформленными по желанию учащихся в виде краткометражного фильма, коллажа, афиши, доклада, письма и пр., студенты идут в аудиторию, где каждая группа защищает перед аудиторией свой проект по ранее обсужденному плану. Преподавателю следует заранее ознакомиться с каждым проектом, чтобы суметь составить сценарий последующей затем дискуссии. Кроме того, исправив ошибки еще в черновом варианте проекта, преподаватель может предотвратить разочарование студентов при виде исправлений в работе, в которую было вложено столько усилий.

Таким образом, проектная работа является средством решения проблемы ограниченности в использовании иностранного языка, стимулом для его изучения, развивающего положи-

тельную мотивацию. Проектная работа укрепляет и развивает языковые знания и навыки, дает возможность использовать знания из других областей науки, а также развивает творческие способности, умение работать с текстом, справочным материалом, проводить анализ, обобщение и пр., способствует активизации коллективной деятельности.

Литература

1. Венедиктова, С. Л. Проектная деятельность учащихся на уроках немецкого языка / С. Л. Венедиктова // ИЯШ. – 2001. – № 4. – С. 11–14.
2. Душина, Т. В. Проектная методика на уроках иностранного языка / Т. В. Душина // ИЯШ. – 2003. – № 5. – С. 38–41.
3. Палат, Е. С. Метод проектов на уроках иностранного языка / Е. С. Палат // ИЯШ. – 2000. – № 2. – С. 36.
4. Палат, Е. С. Проектная методика обучения английскому языку / Е. С. Палат // ИЯШ. – 2002. – № 1. – С. 9–10.

ВЛАДЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ СТАНОВЛЕНИЯ САМОДОСТАТОЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

И.А. Никонова

Астраханский государственный университет

В настоящий момент процессы европеизации общества, происходившие в нашей стране, сделали проблему изучения иностранного языка еще более актуальной. Процесс европеизации сопровождается преобразованием стереотипов в сознании, деятельности, образе жизни наших людей. Процессы демократизации общества, социально-экономические изменения, растущий интерес к проблемам человека постепенно изменяют образ идеальной личности. Современное общество предъявляет высокий уровень требований, которому должна соответствовать современная самодостаточная личность. Она должна обладать высоким уровнем знаний не только в своей профессиональной сфере деятельности, но и в смежных областях. Владение иностранными языками признается приоритетным в современном обществе.

Это во многом связано с применяемыми сегодня формами и способами практической деятельности. Все больше и больше видов деятельности сегодня связаны с применением иностранного языка. Более тесные связи между странами, постоянно расширяющиеся профессиональные контакты, компьютеризация сферы коммуникаций, информатизация профессиональной деятельности, образования, науки приводят к необходимости формирования иноязычной коммуникативной компетенции, то есть личностного качества, выражающегося в готовности и способности действовать на основе иноязычных компетенций в различных жизненных ситуациях, в том числе и в контексте профессиональной деятельности. Для получения доступа к нужной информации необходимо преодолеть языковой барьер. Самое испытанное средство преодоления языкового барьера – изучение иностранных языков.

По мнению А.А. Бодалева, общение – одно из важнейших условий развития общества и личности. В отечественной психологии существует несколько подходов к пониманию общения. Мы придерживаемся принципа неразрывного единства общения и деятельности. Любая деятельность имеет свою информационную основу. По В.Д. Шадрикову эффективность профессиональной деятельности во многом определяется адекватностью, точностью и полнотой информативной основы деятельности и полным формированием профессиональных умений.

В связи с активными исследованиями в области межкультурной коммуникации за рубежом возник термин «иноязычная коммуникативная компетентность». В частности, С. Савингтон (1983) первоначально определял это понятие как способность функционировать в реальной коммуникативной ситуации, в динамически меняющейся обстановке, где лингвистическая компетентность должна адаптироваться к общему объему получаемой информации – как лингвистической, так и паралингвистической.

Все более тесные связи между европейцами, существующими на сравнительно небольшой территории, и постоянно растущие профессиональные контакты обуславливают необходимость в специалистах, способных владеть несколькими иностранными языками, обладаю-

щих иноязычной компетентностью. Обширные зарубежные контакты россиян, их стремление к успешному решению проблем профессионального и социального характера, психоциевому общению определяют требования к условиям и технологиям обучения иностранному языку в обстановке дефицита времени. Повышение уровня иноязычной коммуникативной компетентности у студентов сопряжено с повышением уровня готовности к межкультурной коммуникации, адекватности самооценки, ценностного отношения к изучению иностранного языка в пути, общей учебной успешности, самостоятельности, ответственности, инициативы. Усложнение содержания, форм и методов общего и специального образования, возрастание требований к уровню квалификации будущих специалистов и качеству их подготовки, в том числе иноязычной. Личностные закономерности отражают взаимосвязь уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетентности и тесноты взаимосвязей личностных свойств будущих специалистов, их личностно-профессиональных и индивидуально-психологических качеств. У будущих специалистов с высоким уровнем сформированности иноязычной коммуникативной компетентности на первое место выступают такие качества как стремление к саморазвитию, высокий интеллектуальный потенциал, общительность и эмпатия.

Показано, что иноязычная коммуникативная компетентность является интегративным личностным качеством, которое опосредует наряду с другими видами компетентности ход личностно-профессионального развития и определяет в той или иной степени его эффективность. Акмеологичность процессов становления иноязычной коммуникативной компетентности как структурного образования выражается в ее тенденции к развитию, которая, в свою очередь, обусловлена личностно-профессиональными потребностями и интересами будущих специалистов.

Согласно многим психологам, иноязычная коммуникативная компетентность входит как составная часть в структуру психологической компетентности человека и является личностным качеством, сформированность которого является условием и предпосылкой эффективного иноязычного профессионального взаимодействия и продуктивности совместной деятельности. Иноязычная коммуникативная компетентность обеспечивает возможность анализировать свой опыт в области межкультурной коммуникации, совершенствовать иноязычные компетенции, корректировать собственную практику иноязычного взаимодействия. Развитая иноязычная коммуникативная компетентность является признаком сформированной вторичной языковой личности как личности, которая эффективно осуществляет иноязычное общение и является самодеятельной.

Анализ психологической литературы показывает, что профессиональные общение многофункционально, оно предполагает реализацию следующих функций: организация совместной деятельности, обмен мнениями, позициями, опытом (коммуникативная); осмысление мотивационной основы взаимодействия, согласование совместных усилий (эмоциональная); возникновение нового знания (гносеологическая); сотрудничество. Предполагается наличие личностного, нравственно-этического компонента, формирование системы ценностей, идеалов (креативная).

Принципиально важной особенностью коммуникативной деятельности является то, что она так или иначе затрагивает все структурные компоненты профессионального труда специалистов класса «человек-человек», выступает в роли главного средства их профессиональной деятельности, которое не может быть заменено какими-либо другими средствами и без которого деятельность просто не может быть выполнена. Коммуникативная деятельность является фактором, определяющим качественные характеристики результата продукта профессиональной деятельности.

Коммуникативные закономерности показывают связь уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетентности будущего специалиста и его смысловой установки на общение. У будущих специалистов с низким уровнем иноязычной коммуникативной компетентности преобладает смысловая установка на авторитарное и манипулятивное общение. Повышение уровня иноязычной коммуникативной компетентности до среднего и высокого сопровождается сменой смысловой установки на: начинает преобладать установка на диалогическое общение. Установлено также, что при включении будущих специалистов в эмоционально-личностное взаимодействие с содержанием образования, которое опосредовано эмоционально-личностным общением с преподавателем, происходит опережающее формирование рефлексивного и рационального компонентов иноязычной коммуникативной компетентности.

С позиций акмеологического подхода иноязычная коммуникативная компетентность представляет многоуровневое интегральное личностное качество, которое позволяет человеку ставить и эффективно решать задачи и проблемы разного уровня сложности в области ино-

язычного взаимодействия. Будущий специалист, достигший высокого уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетентности, способен продуктивно действовать на основе иноязычных компетенций в различных профессиональных ситуациях.

Итак, мы пришли к мнению, что владение иностранным языком является одним из условий успешного овладения профессиональными знаниями во всех сферах человеческого общества, а так же ключом к повышению самооценки молодых людей, более уверенному поведению в различных ситуациях общения и, соответственно, одним из условий становления самодостаточности личности.

Литература

1. Бодалева, А. А. Вершина в развитии взрослого человека. Акмеология – новая наука 2005 [электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hrpu.ru/public/x798/html>, свободный. – Заглавие с экрана – Яз. рус., англ.
2. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
3. Шадринков, В. Д. Психология деятельности и способности человека / В. Д. Шадринков М.: Ланге, 1998. – 320 с.
4. Loevinger, J. Stages of personality development / J. Loevinger; Eds. R. Hogan, J. Johnson, S. Briggs // *Handbook of Personality Psychology*, – San Diego: Academic Press, 1997.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ИНТЕРНЕТА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Е.Н. Хусаннинова

Ставропольский государственный университет

Развитие современного общества характеризуется использованием информационных средств практически во всех сферах современной жизни. Роль информационных процессов возрастает, повышается потребность в информации и средствах для ее обработки и использования. Это приводит к необходимости качественного использования специалистами адекватных технологий в процессе подготовки и профессиональной деятельности.

Следствием технологического прогресса стало ужесточение требований, предъявляемых профессиональным кадрам, в частности к уровню владения иностранными языками. Одним из важнейших направлений профессионального образования является использование компьютерных технологий для реализации идей обучения, активизация познавательной деятельности студентов, повышения эффективности и качества обучения, подготовки молодежи к жизни в условиях информатизации общества в целом.

Применение компьютерных технологий в процессе обучения выступает как мощный воспитательный, методический стимул повышения качества учебного процесса.

Информационные технологии являются основой процесса информатизации общества. Его реализация предполагает:

- улучшение качества обучения, что достигается путем использования полного использования доступной информации;
- повышение эффективности учебного процесса;
- разработку новых средств, методов, технологий обучения;
- достижение необходимого уровня профессионализма в овладении средствами компьютерной техники;
- внедрение различных видов деятельности (учебной, методической, научной, исследовательской), основанных на применении информационных технологий;
- преодоление кризисных явлений в системе образования.

Стремительное развитие компьютерных и информационных систем, мультимедийных средств приводит к появлению новых педагогических технологий, новых форм преподавания иностранных языков.

Компьютер является самым важным из всех технических средств, которые используются в процессе обучения иностранным языкам.

Интернет предоставляет огромное количество информации, повышает мотивацию у студентов, изучающих иностранный язык, делает доступным аутентичные тексты, усиливает коммуникативное воздействие. Использование Интернета в учебном процессе несет огромный потенциал, повышает учебную деятельность, дает учащимся почувствовать вкус реального общения. Интернет помогает в достижении основной цели образования – развитии навыков межкультурной коммуникации; создается возможность познакомиться с культурой стран изучаемого языка, послушать и пообщаться с носителями языка. *

Используя компьютерные технологии, преподаватель может осуществлять обучение различными видами языковой деятельности – говорению, аудированию, чтению и письму.

Обучение речевой деятельности происходит в живом общении. Компьютерные телекоммуникации предоставляют возможность обучаемым выступать в живой диалог с реальным партнером, при этом совершенствуется умение монологического и диалогического высказывания. Студенты могут принимать участие в телеконференциях, чатах, в международных интернет-проектах, проводимых в сети Интернет в реальном времени, по различным проблемам, что развивает их умение вести беседу, отстаивать свою точку зрения.

Интернет помогает в совершенствовании умений аудирования. Для этого используются различные записи последних радио и теленовостей, содержащие информацию политического, экономического, культурного характера.

Всемирная сеть предоставляет широкие возможности обучения различным видам чтения, преподаватель имеет возможность предлагать студентам аутентичные тексты различной степени сложности. Здесь, в первую очередь, необходимо упомянуть о возможности доступа к страницам практически любых мировых средств массовой информации. Появляется возможность использовать на занятиях свежие, актуальные материалы, представляющие интерес для обсуждения их среди студентов.

Формирование умений письменной речи происходит посредством общения по электронной почте, когда студенты составляют ответы партнерам, участвуют в подготовке рефератов, сочинений. Действительно, электронная почта прочно заняла место популярного глобального электронного средства коммуникации, которое помогает в учебном процессе. За считанные секунды любой студент или преподаватель может отправить письмо в любую точку планеты. Это дает возможность вести переписку со своими сверстниками, говорящими на изучаемых языках, а также получать быстрые ответы.

Развитие новых технологий несомненно влияет на систему образования, вызывает значительные изменения в методах обучения. Быстрое развитие компьютерных и мультимедийных средств приводит к появлению новых педагогических технологий.

В настоящее время разрабатываются различные методики обучения иностранным языкам с использованием Интернета. Одна из методик предполагает обучение иностранному языку только с помощью всемирной сети, отказываясь от работы с традиционным учебником. Большинство преподавателей считают необходимым использовать компьютерные технологии наряду с традиционными средствами и методами обучения. Интернет интегрируется в учебный процесс. Преподаватель может использовать дополнительные, распечатанные из Интернета, материалы и применять их в ходе урока.

Наиболее полно возможности Интернета раскрываются при использовании его непосредственно в аудитории. Условием для такой работы является наличие компьютерного класса с подключением к Интернету [3, с. 141–145].

Используя ресурсы всемирной сети на занятиях, преподавателю приходится менять структуру урока и его концепцию в целом. При правильном, разумном и творческом его применении, Интернет может стать полезным и необходимым средством не только для обучения иностранному языку, но и для привития обучаемым новой культурной учебы. [1, с. 27]

В результате проведения уроков с использованием материалов Интернета можно ожидать повышение интереса у учащихся к учебному материалу, к изучению иностранного языка в целом.

Непосредственное обучение иностранному языку с использованием Интернет технологий должно отвечать основным положениям. Среди них хотелось бы отметить самостоятельную практику каждого студента, руководство опытного педагога, эффективную обратную связь, коллективность знаний, разнообразие видов самостоятельной деятельности. Кроме того, необходимо выполнение основных методических принципов, которые имеют основополагаю-

ице значение при обучении иностранному языку с использованием компьютерных технологий. Полат Е. С. выделяет коммуникативный принцип, который обеспечивается при контакте с преподавателем и контактах в малых группах. Для реализации этого принципа используются разнообразные задания, разработка совместных проектов и т.п. Принцип социальности, по мнению Полат Е.С., предусматривает опору на определенную систему правил; принцип наглядности рассматривает различные формы и виды наглядности (языковую, зрительную, слуховую). Принцип доступности обеспечивается в основном за счет интерактивного режима работы. И наконец, принцип положительного эмоционального фона формирует стойкую мотивацию обучения у каждого студента [3, с. 22–25].

В результате проведения занятий с использованием Интернета ожидается повышение интереса у учащихся к учебному материалу; полученные знания станут более осознанными; молодое поколение приобретает и совершенствует научный стиль мышления, способность к межкультурной коммуникации.

Литература

1. Поддеригорова, Л. А. Использование Интернета в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. – 2003. – № 5.
2. Полат, Е. С. Некоторые концептуальные положения организации дистанционного обучения иностранному языку на базе компьютерных телекоммуникаций / Е. С. Полат // Иностранные языки в школе. – 1998. – № 6.
3. Свиридов, Р. А. Дистанционное обучение иностранным языкам через компьютерные сети Internet / Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции «Информационно-коммуникативные технологии в преподавании иностранных языков» / Р. А. Свиридов. – М.: МГУ, 2004.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА

Н.А. Шалимова

Уральский государственный университет физической культуры, г. Челябинск

Повышение качества иноязычной подготовки специалистов в неязыковых вузах является одной из задач системы высшего образования. Решение проблемы представляется нам не только в использовании расширенного спектра материальных ресурсов, но и во внедрении в практику достижений педагогической науки и передового опыта. Специфика педагогической науки такова, что ее теоретические положения не могут непосредственно использоваться в ежедневной работе. Инструментом для преобразования психолого-педагогических положений в нормы деятельности преподавателя служат педагогические технологии, центральным модулем которых является способ достижения результата.

Важными и актуальными остаются вопросы развития субъектности студентов, понимаемой как ориентированность сознания на поиск и выделение оснований для проявления активности; как осознание человеком своей способности произвольно и самостоятельно осуществлять значимые преобразования в объекте деятельности, других людях и самом себе» [1, с. 4].

Учебный процесс в рамках гуманистической парадигмы позволяет открыть каждому обучающемуся личностный смысл знания, связать процесс обучения с эмоционально-потребностной сферой личности. Этому могут способствовать как создание условий соответствующего психологического климата для самореализации, так и предоставление относительной свободы выбора видов деятельности. Новая парадигма открывает возможности разработки новых и совершенствования прежних педагогических технологий, направленных на развитие личности обучающегося средствами предмета преподавания.

В основе получения готового продукта – нового качества подготовки специалистов по иностранному языку – лежат конкретные способы достижения. Для реализации дидактической цели обучающий должен владеть различными способами получения положительного результата и создавать для этого условия, адекватные целям обучения.

В методологии В.П. Беспалько [2] понятие «педагогическая технология» занимает существенное место, и, в определенной мере, имеет категориальный характер. Не заостряя внимания на множестве дефиниций понятия «педагогическая технология», отметим ее критериаль-

ные признаки: научная обоснованность; проектируемость; воспроизводимость; результативность (успешность); атрибутивность. По поводу последнего признака необходимо дать пояснения. Во-первых, под атрибутом понимают то, без чего объект не может ни существовать, ни мыслиться [4, с. 34]. Во-вторых, педагогическая технология как проект определенной педагогической системы, реализуемой на практике, является атрибутом этой системы. В этом смысле никакая педагогическая система вне своего атрибута – педагогической технологии, не может «ни существовать, ни мыслиться». Педагогическое мастерство, рассматриваемое вне педагогических технологий, которыми пользуется педагог-мастер, не имеет смысла, поскольку исключает момент воспроизводимости, имеющий уровень критериального признака [5, с. 107].

По мнению В.П. Беспалько каждая дидактическая задача разрешима с помощью адекватной технологии обучения, целостность которой обеспечивается взаимосвязанной разработкой и использованием трех ее компонентов: 1 – организационной формы; 2 – дидактического процесса; 3 – квалификации учителя (или качества ТСО в его функции). При этом, дидактическая задача включает: цели обучения; учащихся; содержание обучения. В обобщенном виде дидактическая задача идентифицируется как «проект», а педагогическая технология – как «исполнение (исполнение) проекта в предметной форме достигаемого педагогического результата».

Данное познавательное отношение не противоречит общепринятым представлениям психолого-педагогической концепции теории деятельности, согласно которой инвариантной основой любой деятельности является предварительное идеальное промышление (проект) и последующее реальное воплощение замысла (технология), если к определению инвариантной основы деятельности подходить с процессуальной стороны.

Деятельностный подход к исследованию технологии позволяет уточнить некоторые положения В.П. Беспалько, придать им практически значимые смысловые оттенки. В частности, «предмет-процесс-продукт» как таков является основным модулем технологии, поскольку предмет преобразуется «в процессе», а сам процесс вне предмета преобразования невозможен. Равно, как и невозможно, вне предмета и продукт, поскольку продукт технологии есть ее предмет с полученными им свойствами, которые нарабатываются «в процессе». Из этого отношения следует важный методологический вывод: поскольку в педагогической технологии «предметом» являются студенты, обучающиеся в совокупности исходных личностных качеств (именно эти качества подлежат преобразованию «в процессе»), то атрибут «обучающиеся» из пространства «дидактической задачи» должен быть перенесен в пространство «технологии обучения».

Таким образом, позиция атрибутов педагогической деятельности для ее структуры является необходимым моментом самой педагогической деятельности, если мы хотим оставаться в рамках ее целостности и внутренней непротиворечивости. Что касается структуры педагогической системы, то она может конструироваться, исходя из концепции исследования или целей управления, поскольку разнообразные подходы требуют именно такого разнообразия.

Другим методологически важным выводом, построенным на современных представлениях о структуре, функциях и атрибутах деятельности, является понятие «способ» как «метод + средства». Поэтому способ является вторым основным модулем любой технологии: «Know how» или «знания как», «какими способами» – это главный секрет любого технологического новшества.

Третьим модулем педагогической технологии является «нормы, эталоны, стандарты» + «условия». Таким образом, педагогическая технология предстает перед нами в семи атрибутах, которые образуют «технологическую систему» педагогической деятельности, в которой «цели обучения» находятся в пространстве атрибута «норм».

Понятие «технология» прочно вошло в педагогику. Отсюда появилась потребность ясно представлять структуру и особенности различных технологий. Вполне реальным видится нам использование на занятиях иностранного языка в неязыковом вузе разнообразных технологий: контекстного обучения (А.А. Вербицкий); коммуникативного обучения (Е.И. Пассов); ситуативного подхода (В.В. Сериков); интенсивного обучения (И.Ю. Шехтер, Л.Ш. Геленгори, Г.А. Китайгородская и др.); проблемного обучения (М.И. Махмутов) и др. С появлением компьютерных средств обучения появилась потребность в создании и использовании информационно-коммуникативных технологий обучения (М.Г. Евдокимова, Е.С. Полат).

Технологичность процесса обучения иностранным языкам определяет методическую культуру преподавателя. Поэтому одной из важнейших задач на современном этапе развития высшей школы является улучшение научно-методологической подготовки и методической культуры преподавателей иностранного языка.

В документах Совета Европы на первое место в ряду качеств полноценного члена европейского демократического сообщества ставится способность к самоорганизации, независимость, высокое самосознание, уверенность в своих силах, сочетание независимости мышления и действий с социальной ответственностью. На основе данного контекста особую значимость приобретают идеи развивающего обучения, главной целью которого является развитие личностной активности будущих специалистов.

Познавательная активность в свою очередь обеспечивает активное отношение к образовательной деятельности, систематичность и настойчивость в учебном труде, положительные результаты и успешное формирование потребности в непрерывном самообразовании.

Познавательную активность характеризуют следующие качества личности: а) напряженность, сосредоточенность и устойчивость внимания; б) стремление отойти от шаблона, предвзятости и стереотипа; в) инициативность; г) высокая самоорганизованность и работоспособность; д) настойчивость в поиске способов достижения цели [6, с. 161].

Наша опытная работа показала, что эти качества проявляются при выполнении следующих условий:

- изменение функций специальных знаний от целевых к инструментальным, в соответствии с которыми образовательная задача определяется не только как цель, но и как средство развития познавательной активности;
- осуществление отбора материала, соответствующего интересам студентов, имеющего для них личностный смысл;
- реализация принципа коммуникативности на занятиях;
- специальное построение занятий, предусматривающее активную мыслительную и поисковую работу;
- использование наиболее эффективных сочетаний приемов преподавания и учения;
- использование педагогических приемов стимулирования активной познавательной деятельности студентов.

Появившийся недавно термин «образовательная технология», пришедший на смену термину «технология обучения» представляет особый интерес с точки зрения историко-педагогического и сравнительно-педагогического аспектов. Это новое понятие содержит «...серьезные изменения в умонастроениях специалистов, профессионально разрабатывающих проблемы технологического и методического обеспечения педагогической деятельности» [3, с. 5].

Важно отличать «технологии обучения» от «образовательной технологии». В содержании упомянутых технологий существуют принципиально разные подходы к пониманию сущности образовательного процесса. Технологии обучения в качестве ведущего субъекта называют преподавателя. Образовательная технология в качестве субъекта имеет в виду самого студента. Широкое использование понятия образовательные технологии по сути означает «укоренение в педагогическом сознании новой образовательной парадигмы», согласно которой основным субъектом учения является «потребитель» образовательных услуг, а не их «производитель» [3, с. 6].

Литература

1. Бархаев, Б. П. Субъектность ученика как целевой ориентир образования / Б. П. Бархаев, И. В. Сыромятина // Психология обучения. – 2006. – № 12. – С. 4–15.
2. Беспалько, В. П. Слагаемые педагогической технологии / В. П. Беспалько. – М.: Педагогика, 1989. – 192 с.
3. Нечаев, Н. П. Психолого-педагогические основы разработки современных образовательных технологий в обучении иностранному языку / Н. П. Нечаев // Современные средства реализации целей обучения иностранному языку по новой программе (языковые вузы) : Вестник МГЛУ. – М.: МГЛУ, 2002. – Вып. 467. – С. 5–22.
4. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Изд-во политической литературы, 1987. – 590 с.
5. Шаламова, Н. А. Дидактические условия активизации познавательной самостоятельности студентов ИФК на примере изучения иностранного языка: дисс... канд. пед. наук / Н. А. Шаламова. – Челябинск: УралГАФК, 1995. – 170 с.
6. Шаламова, Н. А. Развитие познавательной активности студентов в процессе изучения иностранного языка / Н. А. Шаламова // Теория и практика профессионального образования: педагогический поиск : сб. науч. трудов / под ред. Г. Д. Бухарова. – Екатеринбург: РГПГУ, 2007. – Вып. 9. – С. 155–162.

ЧЕЛОВЕК, ЕГО ЯЗЫК И ЕГО МИР
(впечатления от научной конференции)

В сборнике статей I международной научной конференции Астраханского государственного университета меня привлекла секция 6 «Основные проблемы реализации языковой картины мира». Материалы секции представляют собой выверенный, хорошо выписанный и удачно организованный вклад в современное восприятие этой научной парадигмы; ее главные вопросы поданы на хорошем научном уровне, подтверждены индивидуальными исследованиями на новом, ранее неизученном материале.

Статья Л.М. Бондаревой «К проблеме языковой картины мира в немецкой лингвистике» задает основополагающий тон этому разделу. Проведен емкий и четкий анализ исторической ретроспективы в формировании понятия картины мира, начиная от гумбольдтианства и идей Л. Вайсгербера, далее с выходом в обзоры, теории и концепции немецких исследователей конца 20 века. Этот материал прекрасно очерчивает направление для ориентировки в понятиях картины мира. Гармоничное дополнение и продолжение этой ориентации читатель находит в работе А.Р. Давлетбердиной «К проблеме существования, характеристики, определения языковой картины/модели мира», где проясняются особенности основных сторон, в которых оплотируется вопрос о взаимоотношении человека с миром через язык, а именно «языковая картина мира», «языковая модель мира», «концептуальная модель мира». Работа О.Б.Смирновой «Этапы развития когнитологии как новой научной парадигмы» поддерживает высокий уровень теоретического освещения темы, показывает новую сторону понятия картины мира, при этом дан анализ теорий о мыслительной составляющей картины мира, с опорой на когнитивную функцию языка. Удачно дополняет и расширяет дискуссию работа О.П. Чукиной «Взаимодействие языковой и звуковой картины мира».

Читатель также может почерпнуть сведения об основах теоретического фундаментирования понятия картина мира в предваряющих введениях многих статей этой главы, где авторы вписывают свой исследовательский материал в положения о моделировании мира с помощью языка, о явлениях языковой личности. Радует разнообразие семантических категорий, которые включаются в исследование такой концептуальной картины. Это работы И.Ю. Грановой «Местоимение *мы* как средство ценностной ориентации в языковой картине мира», Е.Е. Деберцовой «Метафора как отражение статической картины мира», О.В. Марунелич «Концепт «Иностранец» как фрагмент английской языковой картины мира», О.В. Петешовой «Особенности языковой репрезентации индивидуальной картины мира в дневнике Э.Юнгера "Strahlungen"», О.М.Смирновой «Изучение языковой картины мира как значимая часть лингвокогнитивного исследования», обе статьи А.М. Турехановой о концептах, описанных на лексеме «колесо» и сопутствующие лексемы, А.М. Черного «Ментальные действия в словесной картине мира», Е.В. Шустровой «Особенности реализации афро-американской картины мира в литературном дискурсе».

Отчетливо радует экстраполяция современных методов научного анализа на историческую и диахроническую ретроспективу в работах И.И. Дзене «Фразеосхемы древнегерманского языка (XII–XVI вв.) как средство реализации этического мироощущения» и Ю.Н. Мельниковой «Внутренняя форма древнегерманских топонимов как зеркало культурной и языковой картины мира». Задачи реконструкции восприятия средневекового человека давно стоят в центре внимания историков, лингвистов, социологов, психологов, этнологов. Содержимое языковых концептов является, пожалуй, самым непроверяемым материалом, свидетельствующим о менталитете средневековья, ведь сохранившиеся литературные и деловые памятники несут отчетливые социальные, сословные черты феодального мировоззрения, не учитывающие массовый взгляд большинства, «культуру безмолвствующего большинства» (А.Я. Гуревич). В полходе белгородских коллег несколько удивляет, правда, обозначение периода словом «древнегерманский» и его датировка, включенная традиционные средневерхнегерманский и ранневерхнегерманский периоды, – в противовес традиционно устоявшейся периодизации, как то: понятием «древневерхнегерманский» (в статье я не увидела никакого древневерхнегерманского материала, что могло бы служить основанием такого обобщения) и его датировки VIII–XI веками.

Все другие работы в секции – даже и без предварения теоретическими положениями связанными с картиной мира – удачно вписываются в ее рассмотрение, расширяя взгляд чита-

теля на яркую палитру явлений, в которой может реализоваться и восприятие места и роли человека в мире, и аккумуляция квантов ментального мира, и отграничение концептов, регулирующих поведение в обществе, и прагматический аспект, который соотносим с учетом фрагментов картины мира, и вписывание традиционных элементов синтаксиса в структуру умозаключения (то есть соотношения языковой и когнитивной картины мира), и структуру функционально-семантических полей как отражение отношений реальности.

В этом же ключе проблематики картины мира сделаны и многие работы секции 5 «Межкультурная коммуникация: региональный аспект»: статья Н.И. Масловой, Л.И. Балашовой - о контрастивном описании языковых средств мыслительного процесса; Е.М. Воронковой - о художественном тексте как источнике культурной ориентации, П.А. Данилова - о контрастивной лингвистике как научной сфере; М.Х. Рахимбергеновой - о средствах репрезентации концепта «этнически чужой» в публицистическом дискурсе; Л.В. Савченко - о структуре тип-концептов во фразеологии; С.С. Тахтаровой - о вербальной репрезентации оценочных психолингвистических понятий; да и моя собственная статья о «сложных» фрагментах культуры, закодированных в народной этимологии.

Успех работы этой части конференции очевиден, он опирается на актуальность ракурса на картину мира, внимание к этому аспекту со стороны многих исследователей в разных университетах нашей страны.

Н.В. Горбель, доцент кафедры немецкого языка
Карельского государственного педагогического университета

Уважаемые коллеги!

Прежде всего, позвольте поблагодарить нас за самую идею проведения заочной конференции и за публикацию сборника материалов. Оперативность издания хотелось бы отметить особо. Отдельное спасибо за приглашение обсудить опубликованные статьи. Такое обсуждение, несомненно, способствует установлению контактов между авторами. Сборник «Основные проблемы современного языкознания» оказался очень пестрым, но вместе с тем в нем явно проследживается общая тема: язык и общество.

Существенно, что в сборнике обсуждаются и теоретические, и практические вопросы. При этом выявляется связь лингвистики с другими областями знаний - психологией, педагогикой, статистикой и юриспруденцией.

Несомненно, удачной является статья Е. М. Вороновой «Роль многомерности слова в тексте-письме Р. Барта», в которой исследование теоретических вопросов органично сочетается с анализом конкретных примеров и с тонкими наблюдениями над материалом. К ним можно отнести, например, мысль о недосмотревшем зрителе.

Много ценных наблюдений и в статье П. В. Панченко «Особенности малой прозы Варлама Шаламова» — к примеру, о том, что сравнения человека и животного у этого писателя всегда бывает в пользу животного (с. 28). Важно также, что П. В. Панченко не ограничивается только анализом текстов, но говорит и о личности Шаламова.

Статья Е. В. Зарецкого вызвала интерес участников семинара по корпусной лингвистике, проводимого в Институте лингвистических исследований РАН и, возможно, будут обсуждены на этом семинаре.

Весьма интересной представляется статья Е. А. Сорокиной «К реконструкции древнегерманских социальных объединений», в которой проследживается связь истории языка с социальной историей народа. Немного странно, что в библиографию не попала книга Эмиля Бенвениста «Словарь индоевропейских социальных терминов» — М., 1995, содержащая ценнейший материал по данному вопросу...

Из письма *А.Д. Еськова*, к.ф.н., научного сотрудника ИФИ СПбГУ

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И РЕЧЕВОГО ДИСКУРСА

<i>А.А. Белоголова</i> Исследование характеристик текста-комплета в условиях межкультурной коммуникации.....	3
<i>Н.А. Белоус</i> Признаки конфликтной интеракции.....	5
<i>Е.А. Блинцова</i> Темпоральная докучема как единица анализа в плане репрезентации в русском и английском языках.....	8
<i>Л.М. Бондарева</i> Тексты ретроспективного дискурса как феномен культурной памяти.....	10
<i>В.П. Васильев, Э.В. Васильева</i> Языковое сегментирование коинцента как смыслообразование.....	13
<i>О.О. Варнавская</i> Особенности дискурсивного развертывания текста философского произведения на примере произведения П.С. Библера «От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век».....	15
<i>Е.А. Горло</i> Стихотворный текст как часть поэтического дискурса.....	18
<i>И.А. Грамова, О.Е. Рожкова</i> Репрезентация категории времени в политическом и экономическом дискурсе.....	20
<i>Е.Л. Доценко</i> Синтаксические маркеры устной судебной речи.....	23
<i>М.Ю. Доненко</i> К вопросу о взаимосвязи заголовка и текста.....	25
<i>А.Д. Еськова</i> Наименования лица по действию, по профессии и роду занятий в поэзии О. Мандельштама.....	27
<i>И.О. Ильина</i> Метафорическая интерпретация эмоций в художественном тексте.....	30
<i>О.В. Каркашина</i> Драматическая форма и архитектоника романа Тони Моррисон (опыт интермедальности в анализе).....	32
<i>С.В. Коломиец, В.А. Каменева</i> Публицистический дискурс как одно из средств формирования общественного мнения.....	34
<i>Н.М. Коньцова, В.А. Каменева</i> Публицистический дискурс как социокультурная деятельность.....	36
<i>Л.Н. Колцова</i> Лингвистические характеристики разговорности в оригинальном и переводном художественном тексте.....	38
<i>Н.М. Козмокалова</i> Условия совершения речевого акта обещания как актуальная проблема современного языкознания.....	40
<i>Н.С. Крашова</i> «Поэма без героя» А. Ахматовой – классический пример «темного» текста.....	42

И.И. Кривых Некоторые стилистические репрезентативные особенности авторского перевода (сравнительная характеристика переводов стихотворных произведений Сэмюэля Драмонта «Сонет» и Уильяма Шекспира «Сонет 151»).....	45
И.Д. Кручинкина Референциальная и комбинаторная целостность текста.....	47
Г.В. Кукула Типологическая значимость контаминированных форм чужой речи в текстах рассказов В.М. Шушкина.....	50
Е.А. Лебедева Плоские элементы в прагматике галетного стиля в современном английском языке (гендерный аспект).....	52
Т.В. Парникова Трехчастное полипредикативное предложение с сочинением и подчинением как базовый компонент поэтического текста.....	55
М.В. Пивдунен Роман С. Жермен «Tobie des paradis» в свете развития концепции магического реализма (к вопросу о межкультурной коммуникации).....	57
И.В. Смирнова Принципы классификации основных лексических единиц на примере англоязычного газетного дискурса.....	59
И.Г. Смирнова Речевая рефлексия С.М. Соловьева в тексте «Истории России с древнейших времен».....	62
Ю.В. Трубицкая Деривационные структуры и смысл текста.....	64
А.М. Туреханова Сопоставительное исследование немецкой и русской языковой концептосферы на материале технического подъязыка.....	67
С.В. Шустова Семантический потенциал каузативных глаголов.....	69
Е.В. Шустрова Развитие темпоральной концептуальной метафоры в прозе М. Анджело.....	72
ЛИНГВИСТИКА В НАЧАЛЕ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ	
Н.С. Алферова Некоторые вопросы классификации номинативов эмоций в языке.....	75
И.В. Андреева Опровержение как реализация информационных прав личности.....	77
И.В. Антонова Концептуализация юмора.....	80
С.Х. Битюкова Аналогия как стратегия структурирования абстрактных концептов.....	82
Е.В. Зарецкий Интернационализмы в русской художественной литературе XX века: гендерная специфика.....	85
О.О. Замчкова Эмоции в терминах явлений природы (на материале английского языка).....	87
Г.А. Иванкина Вариативность языка и социолект в межкультурной коммуникации.....	89

Е.П. Наанова Национальные и универсальные тенденции в развитии лексикографии (на материале французской лексикографии)	92
Н.Л. Игнатова Сопреженное понимание значения в лингвистике	94
В.А. Каменева, С.В. Коломиец Няпняк картина мира и языковая картина мира как взаимосвязанные системы	97
М.Н. Кошлова, И.В. Рутова Метонимическая концептуализация времени (на материале современного английского языка)	99
Т.В. Картовенкова Концепт как основной формат знаний в современной лингвистике: к проблеме определения	101
О.С. Курьяничева Исходные семантические ограничения в образовании суффиксальных существительных со значением женскости в современном русском языке	103
Н.Г. Максимова Закон эконимии сил в действии	106
М.Х. Рахимбергенова Речевые маркеры призма номинации этнически «чужого» на страницах российской прессы	108
Г.В. Рябичкина Термин «Историко-этимологическая справка» в теории лексики рафин	110
Ю.С. Серенков Культура шашки: идеологическая составляющая литературных обработок легенды о короле Артуре (к вопросу об исторических формах интеграции идеологического и художественного дискурсов)	114
О.Б. Смирнова К вопросу о подходах описания концептов	116
Н.П. Сухарева К определению понятия «категория» и процесса категоризации	118
Т.Ю. Уткина О критериях выделения нулевых словообразовательных суффиксов	120
И.В. Шапченко К проблеме разграничения понятий «компьютерный язык» и «компьютерный дискурс»	123
И.А. Шток Когнитивные механизмы формирования эксцентрических композитов (на материале английского языка)	125
Н.Ю. Ясакова Особенности описания персонального компонента семантики предложения	127
ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	
Ю.И. Бонатина К проблеме формирования лингвистического мировоззрения учащихся на уроках русского языка	131
С.А. Вербилкина Формирование культуры толерантности студентов вуза в процессе иноязычной подготовки	133

И.В. Демьяненко Некоторые вопросы организации самостоятельной работы студентов	135
Л.В. Коковина Слагаемые герменевтического подхода в подготовке будущих переводчиков	137
А.М. Кошкина Психолого-педагогические условия повышения уровня профессиональной подготовки студентов	139
Л.Л. Кривых Компетентностная диверсификация в преподавании технического перевода	141
И.И. Кривых Основные приоритеты в курсе иностранного языка	142
А.И. Марина Кейс-метод как технология обучения иностранным языкам в вузе	144
Е.В. Метельская Компьютерное обучение: за и против	145
А.А. Мухомазина Основные этапы проектной методики в обучении иностранному языку	149
И.А. Николаева Владение иностранным языком как одно из условий становления самостоятельности личности	150
Е.И. Хусанова К вопросу о применении Интернета в обучении иностранным языкам	152
Н.А. Шаламова Образовательная технология как способ повышения качества обучения иностранному языку студентов университета	154
ПО СЛЕДАМ НАШИХ ПУБЛИКАЦИЙ	
Человек, его язык и его мир! (впечатления от научной конференции)	157

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Сборник статей
I Международной научной конференции,
посвященной 75-летию
Астраханского государственного университета

*15 октября 2007 г.
г. Астрахань*

Материалы печатаются в авторской редакции

Технический редактор *Е. В. Сабирова*
Компьютерная правка и верстка *Д. В. Гафировой*

Усл. печ. л. 14,3. Уч.-изд. л. 10,2.

Тираж 95 экз. Заказ № 1371.44

Издательский дом «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Таткисена, 20
Факс (8512) 25-17-18, тел. 54-01-89, 54-01-87
e-mail: asupress@yandex.ru